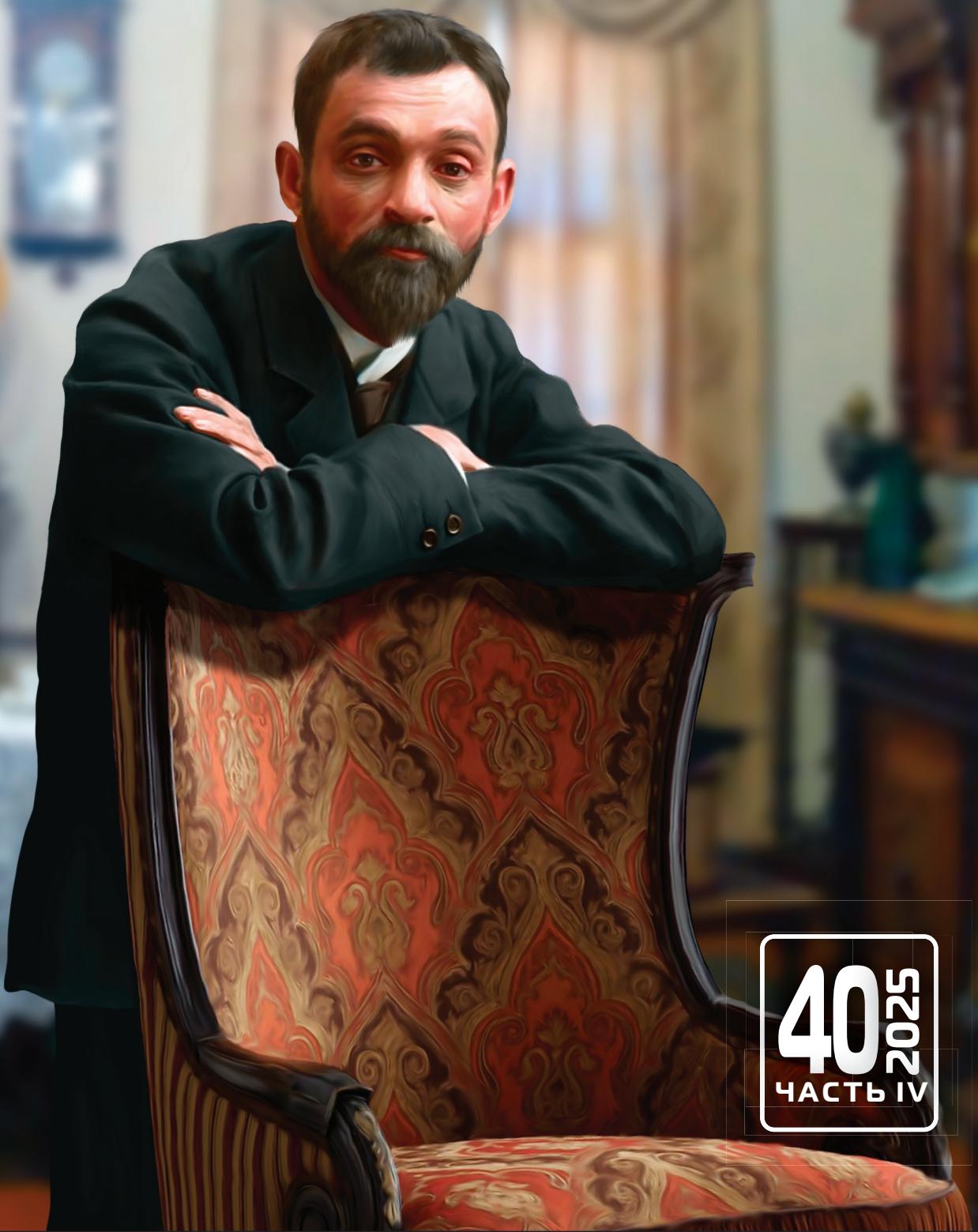

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

40
2025
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 40 (591) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Лев Исаакович Шестов (1866–1938), русский философ-экзистенциалист.

Лев Исаакович Шестов (Иегуда Лейб Шварцман) родился в Киеве в семье крупного фабриканта и торговца сукном Исаака Моисеевича Шварцмана и Анны Григорьевны, урожденной Шрейбер. В двенадцать лет мальчик исчез из дома. Вскоре семья узнала, что он был захвачен некой подпольной политической организацией. У отца потребовали выкуп, однако тот проявил принципиальность, решив, что с террористами он договариваться не станет. Мальчик, измощденный, худой и оборванный, вернулся домой через полгода — отпустили.

В детстве он мечтал стать писателем, а еще певцом, даже всерьез готовился к сцене, да так, что сорвал голос. Однако в 1889 году молодой человек окончил юридический факультет Киевского университета и вскоре стал работать в фирме отца.

Занимаясь финансовыми делами семейной мануфактуры, он много читал и пробовал писать. Метания между литературой и коммерцией естественным образом привели молодого человека к внутреннему конфликту. Лев Исаакович влюбился в православную девушку Варвару Малахиеву-Мирович. Она была писательницей, поэтессой, завсегдатаем литературных салонов и декадентских кружков. Их отношения были непростыми, кроме того, отец молодого человека был категорически против появления русской девушки в семье. В итоге невеста не выдержала и сбежала за границу, но вскоре послала к Шестову свою младшую сестру Анастасию. Это только усугубило дело: Настя влюбилась в страдающего литератора, и он готов был жениться на ней из благородства. Варвара же в разлуке осознала в полной мере, кого теряет, и сорвалась обратно. Все закончилось трагично. В итоге Анастасия сошла с ума и попала в психиатрическую лечебницу. Варвара, испытывая ужас вины, вновь уехала из России. Шестов тоже был на грани помешательства, бежал за границу и в Риме в 1896 году втайне от семьи женился на враче Анне Березовской. Через два года они вместе переехали в Берн, а в 1898 году вернулись в Россию.

Из всей этой драмы и родилась философская вселенная Льва Шестова. Философ, правда, проявил себя сначала как литературный критик. Пережив личную трагедию, Шестов взялся за историю Гамлета. В 1898 году он написал работу «Шекспир и его критик Брандес».

Затем Шестов философски препарировал идеи Толстого, Достоевского, Чехова, Мережковского и Сологуба.

В 1899 году Лев Исаакович написал книгу «Добро в учении Толстого и Ницше», и опять в ней было очень много личного. Философия Ницше была, по мнению Шестова, не прожита, а выстрадана. Толстой же ницшеанству давал решительную отповедь. Этого Шестов патриарху русской литературы простить не мог.

«Апофеоз беспочвенности» — одна из главных работ философа. Она вышла в 1905 году и наделала много шума.

Шестов сражался в этой работе с самоочевидностями, общеобязательностью, иерархичностью мышления. Единственный положительный отзыв после выхода книги оставил, кажется, только Николай Бердяев, с которым Шестов подружился еще в 1902 году. Но и он отозвался о новой работе Шестова, по признанию автора, «не по-товарищески». Отдавая дань уважения другу, называя его талантливым и оригинальным писателем, Бердяев все же поймал приятеля на несоответствиях, противоречиях, натяжках, а главное, скончался, что Шестов свернул с великого пути, оставив «философию трагедии», удовлетворяясь малым, простым, совсем уже не мятежным скепсисом.

Философию Шестова в целом можно отнести к такому направлению, как экзистенциализм. Центральными темами его размышлений были критика человеческого разума, ограниченности и недостаточности научного познания как средства «ориентировки» человека в мире; недоверие к общим идеям, системам; выдвижение на первый план конкретной человеческой жизни с её трагизмом.

Лев Исаакович все так же жил в Киеве, иногда ездил в Москву, Петербург, Швейцарию и Германию. Он занимался делами семейной мануфактуры и писал статьи в газеты.

Февральская революция 1917 года особенного восторга у Шестова не вызвала, хотя философ всегда был противником самодержавия. Октябрьскую революцию он называл «реакционной и деспотической». В 1920 году Лев Шестов с семьей покинул Советскую Россию, недолго побывал в Швейцарии и в 1921 году обосновался во Франции.

Он много и упорно писал и издавался. В 1920-х годах вышли его работы «Преодоление самоочевидностей» — к столетию Достоевского, «Власть ключей», «Неистовые речи» — о философии Плотина, «Гефсиманская ночь» — о Паскале, «На весах Иова». В этот период Шестов был в авангарде западной мысли, общался со знаменитыми философами, читал лекции в Сорbonne.

Шестов состоял в дружеских отношениях с Марией Цветаевой и поддерживал с поэтессой переписку. В 1925 году мыслитель вошел в президиум Ницшевского общества наряду с Гуго фон Гофмансталем, Томасом Манном и Генрихом Вельфлином.

Позже произошла его знаменательная встреча с Кьеркегором — поистине родственной душой. «Киркегард и экзистенциальная философия» стала одной из первых книг Льва Исааковича, ясно освещавших мысль Кьеркегора за пределами Скандинавии и Германии. И она же стала последним трудом Шестова, скончавшегося в 1938 году в Париже от туберкулеза легких.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тишина В. Ю.

Женская преступность: особенности и тенденции 227

Тюрин Н. А.

Проблемы участия субъектов малого и среднего предпринимательства в процедурах государственных закупок 229

Тюрин Н. А.

Государственные закупки в строительстве: нормативно-правовое регулирование и особенности проведения 233

Тюрин Н. А.

Система управления государственным заказом в свете задачи обеспечения экономической безопасности 236

Фаязова К. А.

Право на судебную защиту в условиях цифровой трансформации: вызовы и перспективы 240

Фаязова К. А.

Роль права на судебную защиту в системе конституционных прав и свобод 242

Федоровская Д. В.

Административная ответственность за нарушения в сфере обработки персональных данных: анализ судебной практики 244

Фролов Д. Д.

Нейтрализация противодействия со стороны участников следственных действий и использование полученных результатов по уголовному делу 246

Ханыгин К. С.

Влияние алгоритмизации и искусственного интеллекта на принципы активной роли суда в административном процессе 249

Чепига О. В.

Первоначальный этап расследования хищений прав на земельные участки, находящихся в государственной и муниципальной собственности 252

Чередников А. Н.

Слабая и сильная стороны в договоре подряда 253

Шабанов А. А.

Правовые сложности трактовки действий медицинских работников 255

Юдин В. А.

Теоретико-правовые основы реорганизации юридических лиц 258

Юдин В. А.

Особенности правового регулирования различных форм реорганизации юридических лиц 259

ИСТОРИЯ

Нетудыхаткин Р. В.

Деятельность экспедиций на Таманском полуострове в 1940–1950-х годах 262

ПОЛИТОЛОГИЯ

Рожков И. М.

Архитектура региональной безопасности Юго-Восточной Азии 265

СОЦИОЛОГИЯ

Аль-Шахдани С. А. Х.

Тенденции и перспективы социализации иностранных студентов в российских вузах в условиях интенсификации экспорта образования 269

ПСИХОЛОГИЯ

Abitova Z. S.

Gender theory and the transformation of family dynamics 274

Ганцова С. Н.

Особенности субъективного благополучия у людей с инвалидностью 276

Изюмова Л. Р.

Коррекция родительских позиций в семьях, имеющих подростков с умственной отсталостью 281

Климович А. Ю.

Исследование взаимосвязи
профессиональной идентичности
и профессионального выгорания учителей
общеобразовательной школы 286

Крохалева Л. В.

Особенности сексуального просвещения
в семьях с неудачным дебютом
у миллениалов и зумеров 289

Латыпова А. Р.

Осознанность как ресурс
психоэмоциональной регуляции студентов.... 291

Латыпова А. Р.

Влияние уровня осознанности
на психоэмоциональное состояние
студентов..... 293

Паули Е. А.

Манипуляции и их связь с самооценкой 295

Пономаренко М. Ю., Переверзева Е. С.,**Тарасова С. Г.**

Особенности структуры творческого
мышления у учащихся художественных
школ 296

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**Сагдеева Т. В.**

Красота и уродство в творчестве
Тулуз-Лотрека 299

ФИЛОСОФИЯ**Логинова Ю. Е.**

От дегуманизации к расчеловечиванию:
генеалогия концепта Хосе Отрги-и-Гассета
до наших дней 303

ПРОЧЕЕ**Бурхан Д. А.**

Захиста многоэтажних зданий
от беспилотних летательных
аппаратов в умовиях плотної городской
застройки 305

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Женская преступность: особенности и тенденции

Тишина Виктория Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Клименко Таужан Микаиловна, доктор юридических наук, профессор
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В данной статье рассматривается проблема женской преступности как социально-правового феномена, обладающего своей спецификой и историческими корнями. Автор анализирует позиции ученых на основных причинах и факторах, способствующих совершению преступлений женщинами и аргументируют свою точку зрения, с приведением примеров судебной практики.

Ключевые слова: преступность, женская преступность, факторы, причины, типология.

Женская преступность — это важная и актуальная тема для изучения как в России, так и за рубежом. Эта категория преступности включает в себя не только юридические аспекты, но и социальные, психологические и культурные факторы, влияющие на поведение женщин в криминализации.

Общественное восприятие женской преступности зачастую окрашено стереотипами. В обществе существует мнение, что преступность — это преимущественно «мужская сфера». Это может приводить к недооценке уровня и типа женской преступности, а также к предвзятым отношениям и в судебной практике.

Несмотря на то, что, согласно данным официальной статистики, большая часть преступлений совершаются мужчинами, женская преступность, хоть и медленно, но имеет стойкую тенденцию к росту. Удельный вес преступлений, совершаемых женщинами в общем числе выявленных лиц (в %), составляет: 2020 г. — 16,0%; 2021 г. — 16,2%; 2022 г. — 16,3%; 2023 г. — 16,8%; 2024 г. — 18,1%; на 01.09.2025 г — 19,8% [9].

Женская преступность не является однородным явлением и включает в себя различные виды правонарушений. По мнению Ю. М. Антоняна их можно классифицировать на следующие:

1. Экономические преступления: кражи, мошенничество, уклонение от уплаты налогов и т. д. Эти преступления часто совершаются из-за необходимости обеспечить себя и семью.

2. Преступления против личности: женщины могут быть как жертвами, так и преступниками в случаях насилия, особенно в контексте домашних конфликтов.

3. Сексуальные преступления: хотя женщины чаще становятся жертвами сексуальных преступлений, не-

которые из них могут совершать аналогичные преступления, умышленно подводя мужчин к ситуации, когда они становятся жертвами сексуального насилия [1, с. 52].

Причины и факторы, негативно влияющие на совершение указанных и иных преступлений, совершаемых женщинами, достаточно разнообразны, но в общем их можно разделить на индивидуальные (связанные с личностными демографическими характеристиками виновной) и общие (социальные):

1. Социально-экономические факторы: бедность, ограниченные возможности труда и образования часто становятся причиной, толкающей женщин на преступления. Например, финансовые трудности могут привести к совершению краж или мошенничества.

2. Психологические факторы: наличие психических расстройств и травм, полученных в детстве, могут быть важными детерминантами в совершении преступлений.

3. Семейные обстоятельства: семейное насилие и токсичные отношения часто выступают катализаторами для преступного поведения. Женщины нередко прибегают к преступному поведению, чтобы избавиться от тирании.

4. Стереотипы и общественное мнение: традиционные представления о женщинах могут затушевывать масштабы их преступной активности. Женщинам, совершающим преступления, часто приписываются обстоятельства, снижающие их вину.

4. Преступления, связанные с наркотиками: женщины также могут быть вовлечены в наркобизнес, как потребители или мелкие наркоторговцы [3, с. 29].

Так, сторонники позиции, согласно которой совершение преступлений женщинами являются отрицательные черты личности, усиленные в условиях социальной нестабильности, считают их основной причиной [10], [8].

Сторонники точки зрения превалирования социальных причин общего характера над индивидуальными, полагают их первопричиной женской преступности [4, с. 97], [7].

Как представляется, обе позиции исследователей достаточно научно аргументированы, но полагаем, что указанные факторы настолько взаимосвязаны, что их разделение носит чисто теоретический характер, т. к. в жизненных условиях они не разделимы.

Многочисленные исследования последних лет показывают, что женщины все чаще совершают преступления с особой жестокостью, и более того, террористической направленности.

Рост женской преступности обоснован должен вызывать особую тревогу, т. к. женщины, природа которых охранять жизнь, чаще всего совершают преступления, связанные с причинением различной степени вреда здоровью и даже лишением жизни, что неизбежно отражается на видах и размерах наказаний, применяемых к ним.

Так, в конце января 2024 террористке Т. суд назначил наказание в виде лишения свободы сроком 27 лет, с отбыванием в колонии общего режима.

Суд признал 26-летнюю девушку виновной в совершении теракта в Санкт-Петербурге в апреле 2023 года, в результате которого в кафе погиб военный корреспондент Владлен Татарский и еще 42 человека получили ранения. Впоследствии один пострадавший скончался в больнице. Следует отметить, что это самый крупный срок наказания женщины-преступницы в истории современной России.

По версии следствия, Т. тщательно готовилась к преступлению по заданию кураторов с Украины и заранее втерлась в доверие к своей жертве. Тогда на встречу с военкором она принесла статуэтку — бюст самого Татарского, внутри которого находилось самодельное взрывное устройство. Незадолго до вручения она сняла с устройства защитный магнит.

Когда подарок находился в непосредственной близости от выступавшего журналиста, произошел взрыв. После этого девушка сбежала с места преступления и должна была срочно улететь из России. Однако она осталась в городе и пряталась на квартире у знакомого. Помимо отбывания тюремного срока, суд обязал Т. выплатить более 16 миллионов рублей компенсации морального и физического вреда пострадавшим [11].

Преступления, совершаемые женщинами, нередко осуществляются в составе преступной группы, что значительно повышает степень общественной опасности этих деяний.

К примеру, в феврале 2023 мать и дочь — И. и В. за совершение преступлений в составе банды были осуждены на 25 лет в колонии общего режима. Их сообщницу А. приговорили к 24 годам строгого режима. Все

они — члены, так называемой, банды «Амазонок», действовавшей в 2003–2013 годах на территории Ростовской области, которую считают одной из самых жестоких банк в современной России. Преступники нападали на людей, грабили их и убивали. Всего их признали виновными в 20 убийствах, в том числе детей, и почти двух сотнях криминальных эпизодов [12].

В ходе проведения следственных действий было установлено, что И. решила совершать преступления в составе преступной группы после того, как овдовела. Первой жертвой стал муж И., которого убил ее будущий любовник Р.

В состав преступной группы (банды), которую ее члены назвали «Амазонки», помимо И., ее старшей дочери В., Р. и его родной сестры, входили и сотрудники правоохранительных органов (ДПС). Чаще всего жертвами банды «Амазонок» в результате разбойных нападений становились сотрудники правоохранительных органов. Хладнокровные убийцы, врывались в дома и расправившись с хозяевами, выносили дорогие вещи, технику и даже продукты питания. Также члены банды «Амазонок» нередко расстреливали водителей автомобилей.

Задержать банду удалось лишь летом 2013 г. после неудачного ограбления, когда наживой злоумышленников стали только три бутылки шампанского и упаковка куриных окорочек. Подозрительных людей заметили сотрудники вневедомственной охраны. Завязалась перестрелка, после чего раненую И. задержали в лесу, которая на допросах призналась, что сотрудников полиции убивала из личной ненависти и жалеет, что мало их убила.

Задержанным членам банды «Амазонок», с учетом их поведения в ходе проведения следственных действий и иных обстоятельств были назначены соответствующие виды и размеры наказаний.

Таким образом, женская преступность — это сложное и многогранное явление, требующее внимательного изучения и понимания. Жестокость при совершении преступлений, мотивация действий преступниц требует более глубоких исследований, причем не только в сфере правовых наук, но и в иных отраслях наук.

В заключении хотелось бы еще раз отметить, что ответ на вопрос «почему женщины совершают преступления?» подразумевает анализ множества факторов. В связи с чем необходимо более активное обсуждение этой темы, как в научном сообществе, так и в обществе в целом, что позволит разработать и применять к женщинам, совершившим преступление, не только репрессивные меры, но и более эффективные меры профилактики. Это предполагает и изменения в направлениях российской уголовно-правовой политики, направленной на повышение эффективности мер по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, совершаемых женщинами.

Литература:

1. Антонян Ю. М. Женская преступность в современных условиях. Москва: Юрлитинформ, 2019. 352 с.

2. Васильченко О. С. Социально-психологические факторы девиантного поведения женщин. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. 184 с.
3. Журавлев Р. Г. Типология криминального поведения женщин: исследование мотиваций и последствий. Москва: Академия МВД, 2019. 240 с.
4. Кононыхина Т. С. Криминологическая характеристика региональной женской преступности и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2023. 198 с.
5. Корчагина А. В. Феноменология женской преступности в XXI веке. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2020. 192 с.
6. Левашова К. О. Факторы риска совершения преступлений женщинами. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. 224 с.
7. Мальцева А. В. Женская преступность как особый социально опасный феномен современного общества // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8. С. 135–139.
8. Попова С. А. Криминологическая характеристика и предупреждение женской преступности в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 258 с.
9. Состояние преступности в России за 2020–2025 годы. Данные ГИАЦ МВД. М. 2025. С. 54.
10. Шеманюк М.С. Факторы, влияющие на рецидивную женскую преступность // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 2 (128). <https://doi.org/10.23670/IIRJ.2023.128.67>
11. Взрыв в кафе Петербурга: погиб военкор Владлен Татарский // www.5-tv.ru.
12. Банда «Амазонок» — 25 лет// www.5-tv.ru.

Проблемы участия субъектов малого и среднего предпринимательства в процедурах государственных закупок

Тюрин Никита Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Дерюга Артем Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются основные проблемы участия субъектов малого и среднего предпринимательства в процедурах государственных закупок, в частности — программам поддержки малого и среднего бизнеса в рамках государственных закупок. Данная тема является актуальной сейчас, в период появления на рынке большого количества предпринимательских проектов, которым нужна помочь в финансовом и организационном аспектах формирования бизнеса, составлении бизнес-плана и других важных элементов бизнес-деятельности. Российская Федерация по праву признана одним из ключевых центров развития предпринимательства стран СНГ, ведь в ней существует большое количество площадок, предлагающих как финансовую поддержку, так и услуги бизнес-наставников, специальное обучение и другие виды помощи.

Ключевые слова: государственные закупки, малое и среднее предпринимательство, государственные и муниципальные нужды, конкуренция, аукцион, электронная торговая площадка

Малое и среднее предпринимательство является неотъемлемой частью социально-экономического развития государства и выполняет ряд важнейших для национальной экономики функции, будь то поддержание конкурентной среды, создание рабочих мест, расширение потребительского спроса, противодействие монополизму или создание и внедрение инновации [1, с. 109].

История предпринимательства берет свое начало в Средних веках. Начинающими предпринимателями можно назвать купцов, торговцев и ремесленников. С середины XVI в. появляются первые акционерные общества в сфере международной торговли. Самой первой (в 1554 г.) возникла английская торговая компания для торговли с Россией. В конце XVII в. Возникают первые акционерные

банки, в том числе Английский банк (1694 г) и Шотландский банк (1695 г). В это время собственность крупных семейных фирм делится на сотни, а иногда и тысячи долей владельцев акций, расширяется пропасть между малым и крупным бизнесом.

Российское предпринимательство зародилось еще в Киевской Руси, но наибольшее развитие предпринимательства приходится на эпоху правления Петра I, когда по всей стране создавались мануфактуры, развивались различные отрасли промышленности. Дальнейшее развитие предпринимательства тормозилось существованием крепостного права [2, с. 46].

Поэтому лишь после крестьянской реформы 1861 года началось развитие таких областей промышленности, как

железнодорожная и тяжелая, а с ними и предпринимательство стало развиваться быстрыми темпами.

В конце XIX века в России сложилась индустриальная база предпринимательской деятельности, а в начале XX в. предпринимательство становится массовым явлением. В период с 20-х по 90-е годы XX в. предпринимательская деятельность в стране сводится к минимуму в связи с установленным в стране социалистическим режимом. Однако после восстановления в правах частной собственности предпринимательство в России вновь стало быстро развиваться. На 1 января 1998 г. из общего числа 2711 тысяч предприятий и организаций 1983 тысячи находились в частной собственности.

Тема становления малого и среднего бизнеса достаточно распространена в научной и учебно-методической литературе. Например, много информации на эту тему можно найти у автора Jeffrey J. Fox в книге «How to make big money in your own small business». В ней описаны различные способы сведения к минимуму ошибок на старте малого бизнеса, а также неочевидные правила, которые должен иметь в виду каждый владелец малого бизнеса. Также, автор книги считает важнейшим фактором успеха тайм-менеджмент, и поэтому уделяет правилам управления временем особое внимание.

В учебнике «Entrepreneurship» авторов V. Y. Gorfinkel, G. B. Polyak содержится информация об истории предпринимательства, особенностях современного предпринимательства, стратегиях организации и развития собственного дела, конкуренции предпринимателей, финансовом обеспечении предпринимательства. Авторы также затрагивают такие темы, как правовые основы предпринимательской деятельности и культура предпринимательской организации.

В качестве русскоязычных научных и учебно-методических источников для работы были использованы следующие публикации: «Особенности взаимодействия коммерческих предприятий и государства в форме государственно-частного партнерства» [3] и «Организация взаимодействия властных и предпринимательских структур малого и среднего бизнеса» [4].

В качестве англоязычных научных и учебно-методических источников для своей работы были выбраны только эти две книги в области истории и формирования малого и среднего предпринимательства, так как работа относится к теме, которая является смежной с темой формирования предпринимательства в России, иначе говоря, нас больше интересует институт государственных закупок в Российской Федерации.

Государственные закупки (сокращенно госзакупки) — закупки (приобретение, покупка) товаров, работ или услуг для государственных или муниципальных нужд.

Институт государственного заказа в Российской Федерации подвержен процессу постоянных преобразований. С момента перехода страны к рыночной экономике, законодательство в сфере госзаказа прошло четыре основных этапа:

— Указ Президента РФ № 305 от 08.04.95 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд»;

— Федеральный закон N 97-ФЗ от 06.05.99 «О конкурсах на размещение заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд»;

— Федеральный закон N 94-ФЗ от 21.07.05 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»;

— Федеральный закон N 44-ФЗ от 05.04.13 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5].

Однако, несмотря на многочисленные изменения, государственные закупки до сих пор остаются закрытыми для малого и среднего предпринимательства (МСП), и доля их участия в госзакупках в течение последних пяти лет не увеличивается.

В 2024 году количество государственных закупок в России, размещенных в Единой информационной системе (ЕИС) по 44-ФЗ, увеличилось на 12,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года, при этом общая сумма затрат на них осталась примерно на том же уровне. В 2022 году общий объем заключенных контрактов составил 11,1 трлн рублей, что на 18 % больше, чем в 2021 году. Однако, с 2022 года наблюдается снижение суммы открытых закупок госкорпораций, работающих по 223-ФЗ, что связано с возможностью перевода закупок в закрытые секции электронных площадок. В то же время, отставание российского малого и среднего бизнеса от зарубежных аналогичных показателей можно объяснить рядом системных недостатков, к которым можно отнести как законодательство, так и проблемы, характерные преимущественно для предприятий малого и среднего предпринимательства (см. рис. 1) [6].

Анализ обозначенных выше проблем предполагает рассмотрение принципиальных недостатков института государственного заказа в целом, а также обзор особенностей деятельности и перспективы развития малого и среднего предпринимательства в сфере государственного заказа в рамках Федеральной контрактной системы.

23 декабря 2014 года вступило в действие Постановление Правительства РФ об особенностях участия субъектов малого бизнеса в закупках государственных компаний и естественных монополий [7, с. 17].

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 33 Федеральному закону № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. [5] в описании объекта закупки указываются функциональные, технические и качественные характеристики, эксплуатационные характеристики объекта закупки (при необходимости). В соответствии с ч. 2 ст. 33 Закона о контрактной системе заказчик должен указать минимальные и максимальные

Рис. 1. Проблемы участия малого бизнеса в государственных закупках

значения показателей потребительских свойств товаров, а также значения, которые не могут изменяться.

В силу ч. 3.1 ст. 53 и ч. 4 ст. 67 Закона о контрактной системе по результатам рассмотрения поданных заявок участники закупки отстраняются от участия в торгах, если будет установлено непредоставление или предоставление недостоверной информации в составе заявок на участие в торгах [8, с. 39].

Приведенные положения закона предполагают, что при осуществлении отборочной стадии закупки (принятия решения о допуске к участию в торгах лиц, подавших заявки) заказчики проверяют, соответствуют ли представленные в заявках сведения о предлагаемых товарах установленным документацией значениям, а также требованиям действующих нормативных документов (ГОСТ, ТУ, СНиП и т. д.).

При выборе способов описания объекта закупки заказчик в соответствии с п. 1 и 2 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе обладает автономией, которая ограничена лишь требованиями возможности поставки товаров, эквивалентных требуемым, и соответствия нормативным стандартам установленных показателей их технических характеристик. Следовательно, у заказчика есть право описать требования к товарам детально, включив любое возможное количество их эксплуатационных свойств, предусмотренное законодательством о техническом регулировании.

Используя данное правомочие, заказчики устанавливают максимально сложные для восприятия характеристики товаров, преследуя цель запутать участников закупки, не участвующих в антконкурентном сговоре, и отказать им в допуске к тorgам по формальным основа-

ниям несоответствия поданной заявки требованиям документации.

Так, заказчики включают в описание товаров требование о соответствии их характеристик определенным ГОСТ, ТУ и другим нормативным документам. Указанными актами утверждены характеристики различных видов, марок, классов товаров и т. д. Установив возможность предоставления товаров, обладающих различными показателями требуемых характеристик в соответствии с определенным государственным стандартом, можно описать товар в документации так, что без тщательного изучения данного стандарта и всех нормативных актов, на которые имеются ссылки в применимом стандарте, невозможно достоверно описать сведения о товаре [9, с. 19].

Необходимо также учесть, что согласно пункта 1 части 1 статьи 33 Закона о контрактной системе обязанность заказчика должен произвести объективный обзор объекта закупки. Исходя из чего, заказчик вправе дополнить состав документации наиболее полным описанием характеристик требуемых им товаров и услуг [8].

В завершение данной работы хотелось бы сказать, что приведенные данные указывают на важность и необходимость малого предпринимательства, а значит, развитие и поддержка этой сферы является важной задачей, напрямую связанной с развитием экономики нашей страны.

Каждый фактор участия субъектов малого и среднего предпринимательства в государственных и муниципальных закупках регулируется ст. 30 ФЗ от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ. Аналогичным нормативно-правовым актом в более ранней форме считается ранее статья 15 ФЗ от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ. Однако Закон о контрактной си-

стеме содержит ряд положений, одно из которых включало в себя добавление к малым предприятиям социально ориентированных некоммерческих организаций. Однако в обоих нормативно-правовых актах говорится о мерах государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в форме закупок у малого предпринимательства

23 декабря 2014 года вступило в действие Постановление Правительства РФ об особенностях участия субъектов малого бизнеса в закупках государственных компаний и естественных монополий. Так, с 01.07.2015 года для компаний с оборотом более 10 млрд. рублей в случае предложения государственных закупок на сумму менее 50 млн. рублей, они выполняются малым и средним бизнесом бизнесом. Перечень данных товаров, работ и услуг заказчик должен определить самостоятельно. Помимо этого, были определены ключевые особенности проведения процедуры государственных закупок, согласно которым, в качестве участников закупок могут быть лишь субъекты малого и среднего бизнеса, к тому же, были определены основные субъекты процедуры закупок: перечень продукции, видов деятельности, предлагаемых услуг — все, что может быть предложено в рамках государственной закупки субъектами малого и среднего предпринимательства; включая: начальную цену контракта; размеры и варианты предоставления обеспечения участия сторонами в государственных закупках и исполнения договоров; срок заключения договора и производства оплаты в рамках выполненных обязательств.

Помимо всего прочего, наблюдается также ряд существенных проблем в действующем механизме закупок для государственных и муниципальных нужд (по 44-ФЗ). Среди наиболее актуальных проблем можно выделить отсутствие регламентации экспертизы товаров, работ, услуг для ограничения доступа недобросовестных поставщиков.

Для дальнейшего успешного развития малого предпринимательства эффективным было бы более тесное сотрудничество Департамента поддержки и развития малого предпринимательства и негосударственных организаций, таких как Опора России и Ресурсный центр малого предпринимательства. Таким образом, благодаря совместной деятельности, будут наиболее полно использованы все возможности для поддержки малого предпринимательства.

Проделана огромная работа по предоставлению малому предпринимательству льготных условий кредито-

вания и аренды нежилых помещений, упрощению проверок и снижению отчетности, но все еще требуется меры по обеспечению малого предпринимательства средствами для деятельности.

Прежде всего, необходимы решительные действия по сокращению избыточных административных барьеров, упорядочению проверок государственными контролирующими органами, и упрощению процедур отчетности. Для этого необходимо четко сформулировать требования к вышеупомянутым проверкам и процедурам отчетности на уровне федерального закона и дать указания Департаменту поддержки и развития малого предпринимательства следить за исполнением этих требований.

Также необходимо продолжать выделять средства из бюджета крупных городов РФ, и при этом контролировать использование этих средств. При прохождении бюрократических инстанций возможно нецелевое использование бюджетных средств, в то время как из-за экономического кризиса в стране наблюдается весомая нехватка средств. Необходимо постоянное финансирование из бюджета на поддержку индивидуальных предпринимателей и обеспечение им льгот по кредитованию, аренде нежилых помещений и снижение налогового бремени. Частный сектор будет расширяться, возрастет количество рабочих мест, и это приведет к сокращению безработицы. В таких условиях возникает эффект мультипликатора, то есть доход и потребление домохозяйств возрастает, что приводит к росту ВВП.

В заключение стоит отметить, что у малого и среднего предпринимательства в России имеется огромный потенциал, нереализованный в сфере государственных закупок. Несмотря на слабые производственные возможности и мощности малого предпринимательства, именно оно, при должной государственной поддержке, способно коренным образом изменить и преобразовать экономику страны, вплоть до смягчения кризисных явлений и последствий, наблюдавшихся в последнее десятилетие. Лишь адекватная государственная политика в рамках помощи и развития малого предпринимательства, наряду с адекватной системой государственных закупок позволит облегчить деятельность малого предпринимательства, а также позволит раскрыть весь его потенциал. Именно создание благоприятных условий деятельности, с учетом государственной поддержки позволит облегчить процедуру государственных закупок, что существенно преобразит современную экономическую среду.

Литература:

- Храмкин А. А. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Вводный комментарий директора Института госзакупок, председателя ассоциации экспертов по госзакупкам, к.э.н. А. А. Храмкина». М.: Юриспруденция, 2013. С. 156
- Храмкин А. А. Кадровое обеспечение контрактной системы // Бюджет. 2013. № 6. С. 46–47.
- Тараненко О. Н., Тяглов С. Г., Козловский В. А. Особенности взаимодействия коммерческих предприятий и государства в форме государственно-частного партнерства // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7. № 4. С. 48–56.

4. Тяглов С. Г. Организация взаимодействия властных и предпринимательских структур малого и среднего бизнеса // Монография / Ростов-на-Дону, 2015.
5. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [электронный ресурс]/ — Официальный сайт компании «КонсультантПлюс»// -Режим доступа -http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148532/ (дата обращения 10.07.2025)
6. Светличная Л. А. «Сравнительная характеристика ФЗ № 44 и ФЗ № 94. Часть 1: Общие положения» [электронный ресурс]/— Единый центр консультаций по госзакупкам //Режим доступа — <http://ecgz.ru/sravnitelnaya-harakteristika-fz-44-fz-94.htm> (дата обращения 10.07.2025).
7. Чагин К. Г. Закон о контрактной системе: основные изменения при расходовании средств субсидий и средств ОМС // Руководитель бюджетной организации. 2013. № 8. С. 13–31; № 9. С. 14–23.
8. Калмыков Ю. П. Вопросы оценки эффективности государственной закупочной деятельности // Вестник Финансового Университета. — 2012. — № 4 (70). — С. 37–43.
9. Шмелева М. В. Граждано-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации: автореферат дис....канд. юрид. наук. Саратов. 2013. 25 с.
10. «Слепые» закупки. Оценка ограничений доступа к участию в государственных закупках, связанных с искажениями информации о закупках [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://naiz.org/news/10/883/?phrase_id=5512 (дата обращения 10.07.2025)

Государственные закупки в строительстве: нормативно-правовое регулирование и особенности проведения

Тюрин Никита Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Дерюга Артем Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье рассматривается сфера проведения государственных закупок в строительстве, которая представляет собой сложный и многоуровневый процесс, уникально сочетающий аспекты конкуренции, правовых норм и экономических реалий. В данной статье рассматриваются структура и особенности государственных закупок, включая закрытые и открытые тендера, а также возникающие проблемы отрасли в строительной сфере. Анализ позволяет выявить как позитивные, так и негативные аспекты участия в государственных закупках, а также предложить стратегии для повышения эффективности и прозрачности в данной области.

Ключевые слова: государственные закупки, государственные и муниципальные нужды, конкуренция, аукцион, электронная торговая площадка

В условиях современной экономики процедура государственных закупок становится значимым инструментом, обеспечивающим эффективное распределение бюджетных средств и надежное выполнение государственных заказов. Особенно это актуально для строительной сферы, где высокая конкуренция и масштабы проектов требуют четкого регулирования и соблюдения правил. В данной статье мы рассмотрим особенности нормативного регламентирования государственных закупок в публичном строительстве, а также реальные практики и сложности, с которыми сталкиваются участники этого процесса.

Основные направления государственной закупочной деятельности регулируются двумя ключевыми федеральными законами: Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ [1] и Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ [2]. Оба закона служат основой для механизмов

закупок, однако различаются в подходах, принципах и правилах.

Основным законодательным актом, регулирующим проведение государственных закупок в России, является Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Этот закон устанавливает единые правила и принципы, применяющиеся ко всем государственным учреждениям и органам власти. В его рамках закупки проводятся через открытые конкурентные процедуры, такие как аукционы и конкурсы, что обеспечивает прозрачность и доступность для всех участников [3].

Организаторы закупок, по сути, — это государственные корпорации, учреждения и органы власти, среди которых можно выделить такие, как корпорация Росатом, или министерства. Процедура ведется в элек-

тронном формате, что существенно упрощает взаимодействие между заказчиками и поставщиками. В соответствии с распоряжением Правительства РФ, утверждены электронные торговые площадки, где могут проводиться эти тендера, что требует от участников хорошего понимания работы электронных систем и постоянного мониторинга объявленных торгов [4].

Одной из ключевых характеристик этого закона является отсутствие возможности заказчикам устанавливать дополнительные требования помимо тех, которые уже прописаны в самом законопроекте. В этом контексте, заказчики, представляющие государственные учреждения и органы власти, обязаны следовать установленным правилам, что формирует определённую стабильность и предсказуемость в сфере государственных закупок.

Кроме того, правительство РФ ввело распоряжение от 31.10.2013 № 2019-р, которое определяет перечень видов закупок, осуществляемых исключительно через электронные аукционы. Пять официальных электронных торговых площадок создают пространство для конкурентных торгов и способствуют максимальному привлечению участников к тендерам. Это также сокращает временные и финансовые затраты на проведение самих процедур.

Закон 44-ФЗ реализует целый ряд мер, направленных на защиту интересов как заказчиков, так и участников тендеров. К числу таких мер относятся антидемпинговые механизмы, которые предотвращают необоснованное занижение цен, что может негативно сказаться на качестве производимой продукции или оказываемых услуг. Заказчикам предоставляется право требовать обеспечение заявки и специфические банковские гарантии, что способствует более ответственному подходу участников к выполнению обязательств.

Экономия бюджетных средств стоит в центре внимания государственных закупок, поэтому цена является одним из важнейших критериев оценки предложений. Однако закон также акцентирует внимание на качестве и надежности товаров и услуг. Это гармоничное сочетание ценовых аспектов и качественных характеристик создаёт более справедливые условия для всех участников рынка. [5].

Отдельно следует рассмотреть Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Этот закон применяется к государственным корпорациям, субъектам естественных монополий и другим организациям с государственным участием, что создает дополнительный уровень гибкости в проведении закупок.

В отличие от закона 44-ФЗ, здесь заказчик имеет возможность самостоятельно разрабатывать регламенты закупок, что дает право на использование различных условий и способов проведения тендеров. Такой подход не только увеличивает гибкость, но и ставит перед участниками новые вызовы. Участникам необходимо более тщательно изучать каждое отдельное положение о закупке, чтобы понять требования и особенности конкретного тендера [6].

Несмотря на наличие законодательных гарантий и регламентации, процесс участия в государственных закупках таит в себе множество трудностей. Регулирование на уровне закона не всегда воспринимается как достаточное обеспечение надлежащих условий. Претенденты часто сталкиваются с неясностями в изданных положениях, различием трактовок тех или иных правил и зачастую изменяющимися требованиями со стороны заказчиков.

Ключевая проблема заключается в недостаточной информированности потенциальных участников о проводимых тендерах, что также связано с высокими требованиями к квалификации заявок. Нередко участники не могут справиться с бюрократическими процедурами, связанными с подготовкой и подачей документов. Это приводит к сокращению числа конкурентов и, как следствие, к падению качества оказываемых услуг и продукции.

К тому же, на стадии подготовки документов многие компании сталкиваются с необходимостью задействовать специализированные юридические и бухгалтерские ресурсы. Часто технические задания являются излишне сложными и запутанными, что требует дополнительных усилий для их анализа и понимания. Кроме того, недобросовестные практики со стороны некоторых заказчиков, такие как установление субъективных требований и предпочтений, также могут существенно затруднить участникам реализацию их прав.

Кроме этого, этот закон имеет определённые недостатки и не содержит четкой регламентации, что может негативно сказываться на конкуренции и прозрачности процесса закупок [7].

Во-первых, закон определяет лишь минимальные сроки подачи заявок для конкурсных и аукционных торгов. Заказчики, стремясь оптимизировать свои процессы, имеют возможность проводить тендеры с использованием альтернативных процедур, не регламентируемых законодательством. Это создает ситуации, когда сроки подачи заявок могут быть значительно сокращены, что, в свою очередь, ограничивает участие потенциальных поставщиков и снижает уровень конкуренции.

Во-вторых, отсутствует четкий перечень требований, которые заказчики могут предъявлять к участникам торгов. В итоге это приводит к ситуации, когда заказчики злоупотребляют данной свободой, вводя завышенные и зачастую необоснованные критерии, которые практически исключают из конкурса малые и средние компании. Следовательно, многочисленные потенциальные участники остаются за пределами тендера, что ещё сильнее ограничивает конкурентную среду.

В-третьих, в тендерной документации часто встречаются неизмеримые критерии оценки, что затрудняет соописание предложений. Заказчикам предоставляется достаточно свободы в определении квалификационных требований, что также создает дополнительные препятствия на пути к участию в закупках. Это в свою очередь может снижать общий уровень доверия к процессу и вызывать опасения у потенциальных поставщиков.

Правительство России также предусмотрело перечень товаров, работ и услуг, которые должны закупаться в электронной форме. В условиях современных реалий это означает, что участие в тендерах возможно исключительно через электронные торговые площадки. Однако разнообразие таких площадок создает трудности для участников. Для того чтобы подать заявку, необходимо пройти аккредитацию на той площадке, где размещен тендер. Это требует дополнительных временных и финансовых затрат от компаний [8].

Несмотря на описанные сложности, участие в тендерах, регулируемых 223-ФЗ, имеет свои положительные аспекты. Ввиду присутствующих трудностей, рынок закупок до сих пор недостаточно освоен, а значит, конкуренция среди участников не столь велика. Успешные претенденты могут воспользоваться отсутствием значительного количества соперников и, как следствие, увеличить свои шансы на победу.

Также стоит отметить, что заказчики, не ограниченные законодательством в выборе типа процедуры, часто назначают упрощенные способы проведения тендеров, выставляя при этом начальные максимальные цены договоров выше среднего рыночного уровня. Это может открывать дополнительные возможности для участников и увеличивать их шансы на успешное заключение контрактов и реализацию своих продуктов и услуг для государственных и муниципальных нужд.

Неопределенность и сложность процессов государственных закупок требуют постоянного мониторинга и усовершенствования действующего законодательства. Существует необходимость в разработке инструментов, способствующих более открытому и доступному обмену информацией о тендерах. Платформы для электронных закупок должны продолжать развиваться, включать актуальные данные и предназначены для поддержки как заказчиков, так и участников.

Интеграция новых технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, представляют собой потенциальные возможности для оптимизации процесса го-

сударственных закупок. Использование подобных технологий может привести к повышению эффективности и прозрачности выборов, а значит, и к снижению коррупционных рисков [9].

Государственные закупки в России, несмотря на наличие четко установленной законодательной базы, продолжают оставаться сложной и многогранной областью. Отдельные аспекты, связанные с законодательно определяемыми процедурами, открывают как возможности, так и трудности для участников. Оптимизация этого процесса с акцентом на прозрачность, доступность и использование современных технологий способна значительно улучшить ситуацию на рынке государственных закупок и создать более конкурентные условия для всех заинтересованных сторон [10].

Таким образом, процедура государственных закупок в строительной отрасли является важной составляющей государственной политики в области эффективного и целевого расходования бюджетных средств. Нормативное регламентирование закупок создает определенные правила и условия, способствующие формированию конкурентной среды. Однако реальная практика показывает, что бюрократические препятствия и сложности, с которыми сталкиваются участники, требуют постоянного внимания и совершенствования.

Для успешного участия в тендерах строительным компаниям следует не только ознакомиться с существующим законодательством, но и развивать свои внутренние процессы, обеспечивать высокое качество предоставляемых услуг и поддерживать трансакционную прозрачность. Это позволит им оптимизировать свои шансы на выигрыш в условиях жесткой конкурентной борьбы и сложной системы госзакупок.

Будущее государственных закупок в России зависит от совершенствования законодательства, повышения уровня информирования участников и внедрения инновационных технологий, которые могут сделать процессы более эффективными и привлекательными для бизнеса.

Литература:

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ.
2. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ.
3. Борисова В. В. Экосистема государственных закупок // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2020, № 2(122), с. 86–91.
4. Авдашева С. Б. и др. Регламентированные закупки в России: как повысить стимулирующую роль расходов бюджетов и регулируемых компаний // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение, 2020, № 60, с. 28–61.
5. Кидлова Н. В. Управление государственными закупками как фактор успешной реализации национальных проектов // Инновации и инвестиции, 2019, № 5, с. 247–252.
6. Анчишкина О. В. Контрактная система Российской Федерации: основные экономические параметры и ведущие тенденции сферы государственных и муниципальных закупок, закупок отдельных видов юридических лиц // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика, 2017, № 3, с. 52–75.
7. Сергеева С. А., Гладилина И. П., Колесник В. В., Балащенко Н. А. Современные подходы к развитию управления экспертизой закупок: монография. М.: Русайнс, 2022. 86 с.

8. Когденко В. Г. Исследование системы государственных закупок: анализ недобросовестных поставщиков // Экономический анализ: теория и практика, 2020, том 19, № 3, с. 430–453. DOI: 10.24891/ ea. 19. 3.430.
9. Сергеева С. А., Трофимовская А. В., Кадырова Г. М., Исаико Е.В, Институционализация применения информационных технологий как способ повышения прозрачности государственных закупок // Финансовые рынки и банки, 2022, № 3, с. 33–36.
10. Яковлев А. А., Балаева О. Н., Родионова Ю. Д., Ткаченко А. В. Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников // ЭКО, 2020, № 11(557), с. 83–103.

Система управления государственным заказом в свете задачи обеспечения экономической безопасности

Тюрин Никита Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Дерюга Артем Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются факторы, подрывающие основы экономической безопасности в управлении государственным заказом, что является одной из ключевых тем для обеспечения устойчивого развития государственной финансово-экономической системы. Анализ основан на всестороннем исследовании особенностей современного государственного заказного процесса, а также его влияния на экономическую стабильность и безопасность государства в условиях динамичной рыночной среды.

Основное внимание уделяется ряду факторов, включая коррупцию, теневую экономику и излишняя бюрократизация государственных закупок. Коррупция, в частности, является одним из наиболее разрушительных факторов, оказывавших наибольшее негативное влияние на эффективность использования бюджетных средств, и приводит к исчерпанию государственных ресурсов.

Укрепление основ экономической безопасности в управлении государственным заказом требует не только системного подхода и активных действий со стороны государственных органов, но и вовлечения общества в процессы контроля и мониторинга закупок. Лишь совместными усилиями можно преодолеть существующие вызовы и обеспечить устойчивое развитие экономики на основе открытого и честного выбора поставщиков.

Ключевые слова: государственный заказ, строительство в рамках государственного заказа, контрактная система, строительство с привлечением бюджетных средств, строительство объектов специального назначения, актуальные проблемы в сфере строительства, заказчики по государственному заказу

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации № 208 от 13 мая 2017 года, формирует основу для противодействия разнообразным вызовам и угрозам, которые могут негативно повлиять на стабильность экономики страны. Этот документ ставит своей целью не только предотвращение кризисных ситуаций в ключевых секторах, таких как ресурсно-сырьевой, производственный, научно-технологический и финансовый, но также и обеспечение должного уровня жизни населения, что делает его крайне актуальным в условиях современности. В условиях глобальной нестабильности и изменчивости международной экономической ситуации стратегический подход к экономической безопасности становится еще более настойчивым требованием [1].

Стратегия закладывает прочный фундамент для формирования и реализации государственной политики, направленной на обеспечение экономической безопасности на всех уровнях — от федерального до муниципаль-

ального, включая различные отрасли. Вопросы, касающиеся управления государственным заказом, становятся центральными в контексте этой стратегии, поскольку они непосредственно влияют на устойчивость отечественной экономики.

Управление государственным заказом представляет собой важный элемент экономической структуры, и его влияние на уровне экономической безопасности невозможно недооценить. Исполнение государственного заказа, включая приоритетный заказ на оборону, является критически важным для поддержания обороноспособности страны. Это подчеркивает необходимость выстраивания эффективной системы, способной не только реагировать на текущие вызовы, но и предвосхищать возможные угрозы [2].

Поддержка экономической безопасности в контексте системы управления государственным заказом выступает как важная задача как в теории, так и в практике. Экономическая безопасность в данном контексте подразумевает защиту от различных рисков и угроз, а также создание ра-

богоспособной информационной системы, которая обеспечивает корректное проведение процедур, связанных с выбором поставщиков, подрядчиков и исполнителей. Функционирование эффективной системы начинается с планирования закупок, которое должно осуществляться заказчиками, уполномоченными в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации. Это обеспечивает долговременность и предсказуемость государственных расходов [3].

Кроме того, важно отметить, что выбор поставщика должен происходить на основе объективных критериев, независимых от внешних факторов, не предусмотренных законодательством. Это в свою очередь обеспечивает прозрачность и честность процессов, связанных с государственными контрактами, что является одним из важнейших элементов системы.

Однако, существует ряд факторов, способных подрывать основы экономической безопасности в управлении государственным заказом [4]:

— избыточная бюрократия — может не только замедлять процессы принятия решений, но и создавать дополнительные барьеры, тормозя развитие отрасли;

— теневые экономические явления и коррупционные практики представляют собой серьезные угрозы, подрывающие доверие к системе обеспечения государственного заказа и оставляющие негативный след на уровне жизни граждан.

Эти проблемы требуют комплексного подхода к решению, включая внедрение новых технологий и повышения прозрачности на всех уровнях.

Рассмотрим характеристики вышеназванных групп факторов.

1. Бюрократия системы управления государственным заказом

На выполнение государственных заказов оказывает значительное влияние человеческий фактор, который является основой функционирования как общественного, так и частного разделения труда, а также перераспределения финансовых и материальных ресурсов. В рамках институциональной экономики, занимающейся изучением формальных и неформальных правил поведения как индивидов, так и целых институтов, открываются основы теневой экономики. Однако сами механизмы появления этих явлений остаются неопределенными и требуют более детального изучения.

В сложной системе управления государственными закупками бюрократия часто становится неотъемлемой частью функционирования. Обилие законов и подзаконных актов формирует у субъектов власти бюрократический стиль работы, который, как правило, оборачивается рутинными процедурами и затяжной волокитой. Проблемы влияния бюрократических структур на деятельность государственных организаций детально исследованы в работе «Закономерности бюрократической системы управления», написанной О. А. Булашем и Ю. Г. Швецовым. Авторы отмечают, что одной из основных закономерностей развития

бюрократических систем является постоянное рост цен-трализации власти. Данный процесс можно объяснить известным законом управления, согласно которому сложность структуры управления растет значительно быстрее, чем сложность самого объекта управления [5].

Сегодня в государственных структурах, занимающихся закупками, трудится множество чиновников — представителей бюрократии различного ранга. М. Вебер в своем труде «Рациональная бюрократия» охарактеризовал чиновников как бюрократический аппарат, который, обладая четкими регламентами, ориентируется на прошлый опыт организации. При этом, когда возникают новые проблемы, бюрократические структуры зачастую не могут адаптироваться к ним, так как настаивают на привычных, но устаревших решениях, отклоняясь от необходимых радикальных преобразований. Внедрение изменений в уже сложившиеся организационные структуры порой требует сложных согласований и длительных обсуждений. Эта бюрократическая практика приводит к тому, что организации, стремясь согласовать свои планы и подходы, сами создают дополнительные задачи и риски — каждое новое задание, даже малозначительное, может требовать неадекватных усилий по согласованию [6].

Таким образом, организации, которые не подвергаются систематической оценке своей эффективности, могут неожиданно увеличивать свои структуры без пропорционального роста функциональной нагрузки. Эта особенность бюрократизации, при которой число чиновников продолжает расти без должного контроля, требует серьезного осмысления. Законодательство, например, согласно Закону № 44-ФЗ, учреждает сложную процедуру согласования закупок и отчетности, что в свою очередь увеличивает время на принятие решений и усложняет повседневное функционирование учреждения за счет добавления новых бюрократических этапов.

Важно отметить, что бюрократия в той или иной мере присутствует в любой государственной организации, и полностью избавиться от ее негативного влияния, как показывает практика, невозможно. Вместе с тем, задача состоит не в устранении бюрократии, а в развитии правовых норм и соглашений, способных регламентировать взаимодействие между государственными заказчиками и исполнителями. При этом при разработке новых законодательных актов необходимо акцентировать внимание на путях сокращения негативного воздействия бюрократических структур, стремясь к оптимизации процессов и упрощению процедур.

Безусловно, в концепции государственного заказа человеческий фактор играет ключевую роль. Именно качественные институты, которые могут воспринимать и внедрять инновации, будут в состоянии адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. Важно, чтобы государственные организации развивались именно в этой парадигме — стремились не только к соблюдению правил, но и к их осмыслению, созданию гибкой системы, способной к быстрому реагированию на вызовы времени.

В сфере государственных закупок бюрократизация процессов наиболее остро видна в поэтапном проведении торгов, процедур заключения контракта и этапов его последующего исполнения. Каждый из перечисленных шагов оформляется соответствующими хозяйствующими актами, отчетами о совершении регламентированного действия. На установленные этапы проведения процедур торгов законодательством регламентированы конкретные сроки исполнения. Многолетний опыт осуществления государственных закупок показывает, что проблема своевременного исполнения регламентированных сроков остается неотъемлемой для должностных лиц. Кодексом административных правонарушений Российской Федерации предусмотрена ответственность должностных лиц за исполнение регламентированных сроков. Так, например, за нарушение сроков закупок (подписания актов о приемке сроком до 30 дней со дня осуществления хозяйственной операции) предусмотрена ответственность заказчика по ст. 7.32.5 КоАП. За подобное нарушение должностному лицу грозит штраф от 30 до 50 тыс. рублей.

2. Теневые экономические явления, проникающие в систему управления государственным заказом, представляют собой ту разрушительную силу, которая порождает множество проблем и противоречий в данной области. Эти явления включают в себя различные неконтролируемые действия субъекта управления, которые в своей сущности противоречат установленному законодательству. Подобная деятельность, осуществляемая в тени правовых норм, нередко ведет к серьезным правовым последствиям, среди которых административные и уголовные наказания за нарушения. Таким образом, теневые практики становятся настоящим вызовом для честной и прозрачной системы государственных закупок.

Коррупция, как один из наиболее ярких примеров теневых экономических явлений, имеет глубокие исторические корни. Ее истоки можно найти в латинском языке, где термин «коррупция» ассоциируется с такими понятиями как «продажность» и «разложение». Известный философ Никколо Макиавелли подметил, что диагностика коррупции на ранних стадиях ее возникновения представляет собой сложную задачу, однако искоренение этой порочной практики становится почти невозможным, когда она расползается по всем уровням общества. Он утверждал, что народ, попавший в объятия коррупции, теряет свою свободу и способность к самоопределению. Слова Макиавелли остаются актуальными, ведь коррупция продолжает влиять на политическую и экономическую жизнь общества, создавая порочный круг, из которого трудно вырваться [7].

Нелегальные действия, связанные с теневой экономикой в контексте государственных закупок, могут принимать различные формы. К ним относятся или говоры сторон с целью обхода процедур выбора участников, или фальсификация результатов тендера, а также подделка документов, касающихся исполнения обязательств по государственным контрактам. Кроме того, к числу подобных действий можно отнести и факты неисполне-

ния или, что еще более печально, некачественного исполнения обязательств, вытекающих из государственных контрактов. Эти действия не только наносят ущерб экономике, но и подрывают доверие граждан к институтам власти и государственным механизмам.

Важное исследование по данной теме было проведено Н. В. Мячиным, который в своей статье выделил основные аспекты негативного влияния теневых экономических явлений на эффективность государственных закупок. Его работа привлекла внимание к тому, насколько критично необходимо бороться с этими явлениями, чтобы обеспечить нормальное функционирование экономики. Специалисты по данной тематике отмечают, что необходима комплексная программа по борьбе с коррупцией и теневой экономикой, которая учитывала бы как законодательно-правовые изменения, так и практические шаги по их реализации [8].

Одним из наиболее значительных исследователей теневой экономики является Л. М. Тимофеев, который в своей работе «Институциональная коррупция социалистической системы» рассматривает специфику теневых практик в рамках социалистической модели. Несмотря на то, что его выводы касались в основном специфического исторического контекста, многие из его наблюдений о сущности и механизмах теневой экономики сохраняют свою актуальность и сегодня [9].

Ключевым моментом в понимании теневых экономических явлений является осознание того, что они не являются изолированными инцидентами. Эти явления представляют собой сложный набор взаимосвязанных процессов, который включает в себя как морально-этические, так и структурные аспекты. В этой связи общество должно стремиться к созданию более прозрачной и ответственной системы управления государственными закупками. Это потребует не только законодательных мер, но и изменения общественного сознания. Важным шагом на пути к этому является активное вовлечение гражданского общества в мониторинг и оценку процессов закупок, что позволит создать реальную обратную связь и повысить уровень доверия со стороны граждан.

Экономическим инструментом противодействия теневым явлениям при осуществлении государственных закупок является механизм препятствия заключению государственных контрактов по коррупционному (картельному)говору. Для функционирования данного экономического инструмента необходима методика маркировки закупок, осуществляемых в целях коррупции либо с применением методов теневой экономики. Такие закупки снижают эффективность расходования выделенных бюджетных средств, подвергают сомнению результаты исполнения заключенных контрактов по государственному заказу.

3. Коррупционные практики.

Согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция представляет собой серьезную угрозу для устойчивого развития общества и государства. Определение корруп-

ционных деяний включает в себя не только злоупотребление служебным положением и дачу или получение взятки, но и более широкие аспекты, такие как коммерческий подкуп и незаконное использование полномочий. Эти действия наносят урон общественным интересам, создавая основы для получения нелегальной выгоды как для отдельных лиц, так и для юридических лиц [10].

Исследования, проведенные специалистами Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ в 2021 году, подчеркивают масштаб проблемы. В их исследованиях выявлено, что коррупция в системе государственного заказа обходится исполнителям в среднем в 22,5 % от суммы контракта. С учетом того, что объем государственного финансирования в сфере закупок на 2021 год достиг 6,6 триллионов рублей, общая сумма коррупционных выплат приблизительно равняется 1,49 триллиона рублей. Эта цифра наглядно иллюстрирует, что коррупционные поощрения в данной сфере превышают даже расходы государственного бюджета на такие важные социальные сектора, как образование или здравоохранение [11].

Интересно отметить, что за последние годы наблюдается прогрессивное развитие законодательной базы, направленное на борьбу с коррупцией. Это, в свою очередь, способствовало снижению влияния теневых экономических практик на жизнь общества. Однако, несмотря на положительные изменения, коррупция продолжает проявляться в разных формах, особенно в сфере закупок.

К числу проявлений коррупции в системе государственного заказа можно отнести вымогательство взяток под угрозой срыва контрактов, заведомо завышенные цены с включением «платы за получение заказа», а также давление на нежелательных участников для заключения субподряда с заранее выбранными исполнителями. Нередки случаи нарушения правил, касающихся формирования цен; в частности, это может проявляться в чрезмерно детальном описании характеристик предмета закупки, что создает барьеры для конкуренции. Объявление условий закупки, которые заведомо невыгодны определенным участникам, также выступает как одна из форм коррупционного давления.

В случае выявления таких правонарушений контролирующие органы, такие как Федеральная антимонопольная служба и Федеральная казначайская служба России, имеют полномочия приостанавливать процедуры закупок и информировать участников о недопустимости подобных действий. Это важно не только для обеспечения законности, но и для формирования прозрачной конкурентной среды, где правила игры одинаковы для всех.

Динамика выявления коррупционных правонарушений в области государственных закупок за период 2020–2023 годов также свидетельствует о положительных изменениях. Несмотря на существующие проблемы, законодатели работают над улучшением механизмов контроля, что в свою очередь приводит к снижению числа правонарушений и повышению уровня доверия к государственным институтам (рис. 1).

Таким образом, экономическая безопасность, как важный аспект управления государственным заказом, представляет собой состояние, обеспечивающее защиту от различных угроз и рисков. Это состояние достигается через эффективное функционирование единой информационной системы торгов, четкие механизмы отбора исполнителей и полное соблюдение обязательств по государственным контрактам сторонами. Вместе с тем, определение факторов, способствующих ухудшению защищенности этой системы, становится критически важным шагом на пути к улучшению ее функционирования.

Три группы факторов экономической безопасности, выделенные в исследовании, непременно играют ключевую роль в формировании общего климата вокруг управления государственным заказом. Бюрократия, несомненно, создает определенные препятствия, тормозя процессы и увеличивая уровень сложности взаимодействия между участниками. Теневые экономические явления только усугубляют ситуацию, создавая дополнительные риски и искажения на рынке. Коррупционные практики, как один из самых ярких негативных факторов, размывают доверие к системе и подрывают ее основу.

Анализ теоретических работ ученых позволил обрисовать многогранную картину влияния этих факторов на

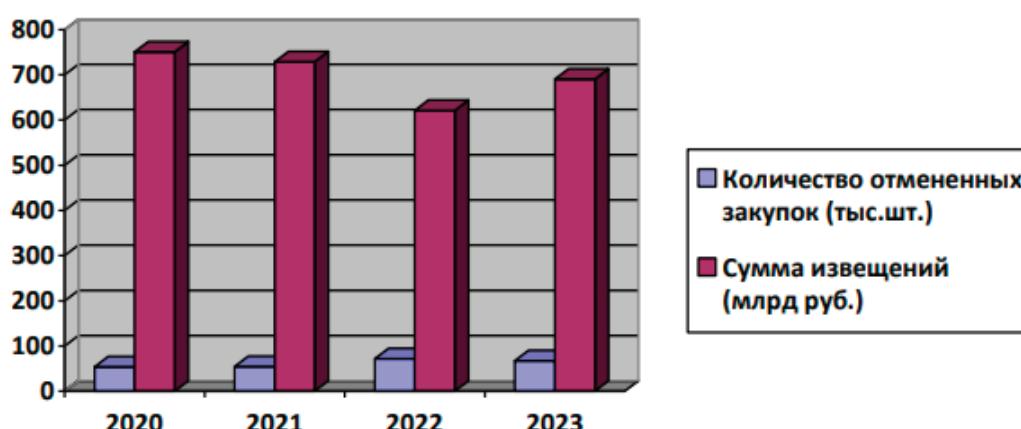

Рис. 1. Динамика коррупционных правонарушений в рамках проводимых государственных заказов в 2020–2023 гг.

систему. Документально зафиксированные аспекты бюрократии и теневой экономики, а также исследование коррупционных практик с различных позиций — морально-правовой, экономической, культурологической — открывают новые горизонты для понимания текущей ситуации. Систематизация этих данных позволяет не только более глубоко понять проблему, но и разработать целостные стратегии для её преодоления.

Понимание структурных особенностей коррупционных практик и их мотивационных механизмов, а также осознание роли каждого участника в этом сложном процессе дает возможность выработать целенаправленные меры по противодействию коррупции. Важность взаимодействия между должностными лицами, вовлеченными в коррупционные схемы, обеспечивает основу для выявления источников проблемы и формирования эффективных путей ее решения.

Все вышеперечисленные аспекты подчеркивают необходимость постоянного мониторинга и анализа состояния экономической безопасности в контексте управления го-

сударственным заказом. Это требует гибкости в подходах, инновационного мышления и готовности к постоянным изменениям. Только применяя системный и комплексный подход к решению обозначенных проблем, можно обеспечить не только защиту, но и дальнейшее развитие системы управления государственным заказом.

Таким образом, процесс формирования и развития экономической безопасности в системе управления государственным заказом требует не только теоретического осмысливания, но и практического применения полученных знаний. Это предполагает создание инновационной среды, способствующей внедрению новых технологий и методов, направленных на улучшение прозрачности, снижение коррупционных рисков и повышения эффективности работы всей системы. Невозможно переоценить важность защиты от угроз, которые нависают над экономическим пространством, и борьба с бюрократией, теневой экономикой и коррупцией станет залогом успешного функционирования системы государственного заказа в будущем.

Литература:

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208.
2. Барсукова, С. Ю. Коррупция в развитых странах, или о чем говорят международные рейтинги. Руки прочь от ветряных мельниц! / С. Ю. Барсукова. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. — 234 с.
3. Воронин, Ю. А. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России / Ю. А. Воронин, А. В. Майоров // Всероссийский криминологический журнал. — 2013. — № 1. — С. 7–16.
4. Латов, Ю. В. Теневая экономика: учебное пособие для вузов / Ю. В. Латов, С. Н. Ковалев; под ред. д. п. н., д. ю. н., проф. В. Я. Кикотя; д. э. н., проф. Г. М. Казиахмедова. — Москва: Норма, 2006. — 336 с.
5. Булаш, О. А. Закономерности бюрократической системы управления / О. А. Булаш, Ю. Г. Швецов // Вопросы экономики. — 2009. — № 9 (сентябрь). — С. 146–152.
6. Вебер, М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории / М. Вебер; пер. с нем. под ред. И. М. Грэвса. — Петроград: Наука и школа, 1924. — 221 с.
7. Никколо Макиавелли: pro et contra / сост. В. В. Сапов. — СанктПетербург, 2002. — 696 с.
8. Мячин, Н. В. Негативное влияние теневых экономических явлений на достижение эффективного результата при проведении государственных закупок / Н. В. Мячин // Проблемы современной экономики. — 2016. — № 4. — С. 270–271.
9. Тимофеев, Л. М. Институциональная коррупция социалистической системы / Л. М. Тимофеев. — Москва: Изд. центр РГГУ, 2000.
10. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. — Москва, 2008.
11. Эксперты оценили средний размер откатов при госзакупках: более 70 % поставщиков сталкиваются с коррупционными выплатами // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51/>

Право на судебную защиту в условиях цифровой трансформации: вызовы и перспективы

Фаязова Карина Артуровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Пашнина Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу современных проблем реализации права на судебную защиту в Российской Федерации. Автор исследует институциональные и процедурные трудности, влияющие на доступ к правосудию, и оценивает возможности цифровых технологий в их преодолении. Особое внимание уделено проектам суперсервиса «Правосудие он-

лайн», цифровизации исполнительного производства и развитию правового просвещения. В ходе исследования обоснована необходимость комплексного подхода к решению выявленных проблем.

Ключевые слова: право на судебную защиту, цифровизация, доступ к правосудию, Правосудие онлайн, исполнительное производство, правовое просвещение.

Право на судебную защиту как неотъемлемая гарантia охраны прав и свобод личности закреплено в статье 46 Конституции Российской Федерации [1]. Бу-дучи фундаментом всей системы прав человека, оно при-звано обеспечивать эффективный механизм разрешения споров и восстановления нарушенных прав. Тем не менее, в современных условиях эффективность данной консти-туционной гарантии нередко оказывается под угрозой, что выражается в ряде институциональных и про-цедурных проблем. Данные обстоятельства требуют на-учного осмысливания и выработки практико-ориентиро-ванных решений, направленных на укрепление правового государства.

Традиционно право на судебную защиту рассматривается в российской правовой доктрине как универсальное средство охраны прав личности. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что судебная защита — необходимое условие обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и реа-лизации других прав и свобод граждан [2].

Судебная система Российской Федерации формально охватывает все сферы общественных отношений, однако на практике доступ к правосудию для граждан осложняется высокими издержками, затруднённой коммуникацией с судебными органами и перегруженностью судов. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, только в 2023 году судами было рассмотрено свыше 26 миллионов дел [3]. Такая нагрузка вызывает объективные сложности в обеспечении тща-тельный анализа каждого спора, что создаёт риск сме-щения акцента с существа дела на соблюдение фор-мальных процедур. Решение данной проблемы возможно через совершенствование механизмов внутреннего рас-пределения дел, использование технологий автоматизи-рованной обработки информации и развитие вспомога-тельных кадров в аппаратах судов.

Ограниченност правовой информированности насе-ления также остаётся значительным вызовом. Несмотря на развитие бесплатной юридической помощи, работу юридических клиник при вузах и активность профессио-нальных сообществ, значительная часть граждан остаётся неосведомлённой о способах защиты своих прав. Это осо-бенно проявляется в случаях, когда лицо не осознаёт са-мого факта нарушения или полагает, что судебное обращение не принесёт результата. В ответ на данный вызов необходимо активное развитие цифровых платформ, спо-собных с использованием алгоритмов искусственного интеллекта предоставлять помочь в составлении доку-ментов, навигации по судебным процедурам и разъяс-нении правовых норм. В настоящее время в рамках про-

екта суперсервиса «Правосудие онлайн» [4] создаются сервисы, направленные на решение этих задач.

Цифровизация судопроизводства является важным этапом в развитии правовой системы. Платформы «ГАС Правосудие», «Мой Арбитр» уже обеспечивают гра-жданам широкие возможности для удалённого взаимодействия с судебной системой, подачи документов, отслеживания хода дела и получения судебных актов. Одновременно с этим цифровая трансформация выявила определённые социальные барьеры: для пожилых гра-ждан, лиц с ограниченным доступом к интернету и недостаточными цифровыми навыками требуется разра-ботка дополнительных инструментов сопровождения. Вместе с расширением сети физических точек доступа це-лесообразно представляется и развитие цифровых плат-форм с элементами искусственного интеллекта, пред-назначенных для генерации исковых заявлений, жалоб, консультаций и проверки корректности процессуальных документов. Такие меры позволят объединить ресурсы государства и юридического сообщества для формиро-вания доступной и адаптивной правовой среды.

Исполнение судебных актов по-прежнему остаётся одним из слабых звеньев системы защиты прав граждан. Согласно официальной статистике Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, уровень фактического исполнения судебных решений остаётся на уровне около 60 % [5], что свидетельствует о разрыве между правосудием как формальным актом и реальным восстановлением нарушенных прав. Основными причи-нами остаются кадровый дефицит в органах принуди-тельного исполнения, недостаточная автоматизация про-цедур, пробелы в межведомственном взаимодействии и отсутствие действенных стимулов для добросовестного поведения должников. Разработка проекта «Цифровой пристав», предусматривающего автоматизацию про-цессов розыска имущества должников и контроля исполнения решений, может существенно изменить ситуацию при условии масштабного внедрения и нормативной поддержки.

Высокая стоимость обращения в суд также ограничи-вает реализацию права на судебную защиту. Несмотря на наличие законодательных механизмов освобождения от уплаты государственной пошлины для отдельных кате-горий граждан, предусмотренных статьёй 333.36 Налого-вого кодекса Российской Федерации [6], общая тенденция такова, что увеличение размеров госпошлины, расходов на юридические услуги, проведение экспертиз и оформ-ление документов оказывает сдерживающее влияние на активность граждан в защите своих прав. Для значи-тельной части населения совокупные затраты становятся

непреодолимым барьером, что подрывает суть конституционного принципа доступности судебной защиты.

Решение указанных проблем требует системного подхода, основанного на сочетании организационных, технологических и правовых мер. Мониторинг эффективности принимаемых решений, развитие механизмов обратной связи с гражданским обществом, а также активное использование новых цифровых технологий, таких как сервис «Правосудие онлайн», представляются необходимыми условиями успешной модернизации системы судебной защиты в Российской Федерации.

Таким образом, право на судебную защиту в современных условиях сталкивается с комплексом вызовов институционального, процедурного и социального характера. Цифровизация правосудия, развитие правового просвещения, модернизация исполнительного производства и повышение доступности судебных процедур представляют собой ключевые направления укрепления гарантий судебной защиты. Только при условии синергии усилий государства, профессионального сообщества и граждан возможно обеспечить реализацию конституционного принципа судебной защиты как реально действующего института, а не декларативной нормы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 20.04.2025).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 N 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — N 6. — Ст. 699.
3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Официальная статистика за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 26.04.2025).
4. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р (ред. от 31.05.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — № 32. — Ст. 5138.
5. Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации. Статистические данные об исполнении судебных актов за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: <https://fssp.gov.ru> (дата обращения: 26.04.2025).
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 01.01.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.

Роль права на судебную защиту в системе конституционных прав и свобод

Фаязова Карина Артуровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Пашнина Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Исследование посвящено анализу основных аспектов конституционного права на судебную защиту и его роли в обеспечении справедливости и развития правового государства. В работе рассматриваются теоретические основы права гражданина на судебную защиту, механизмы его реализации и проблемы развития данного института. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования судебной системы и укрепления конституционных основ государства.

Ключевые слова: судебная защита, права и свободы, человек, правосудие.

Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту обеспечивает гарантии и защиту прав и свобод каждого гражданина. Наличие эффективной судебной системы, способной защищать права и интересы

каждого, является неотъемлемым элементом демократического правового государства.

Конституция Российской Федерации провозгласила, что права и свободы человека являются высшей ценностью

стью [1]. Среди множества прав и свобод, которые присущи каждому человеку с рождения независимо от пола, расы, политических убеждений, материального или социального статуса, в наше время особенно важным является обеспечение доступа к судебной защите.

В современном обществе роль судебной системы в формировании общественного строя и развития демократии играет ключевую роль, считает правовед Ю. В. Савлович [2, с. 4]. Он подчеркивает, что степень правовой защиты определяет эффективность, доступность и значимость судебных механизмов при последующем осуществлении юридических действий.

В науке судебную защиту рассматривают как институт конституционного права, вид государственной защиты прав и свобод личности, как общественное отношение и государственную функцию (или составную часть правоохранительной функции государства). Иногда судебная защита отождествляется с правосудием или представляется как гарантия доступа к нему [3, с. 117].

Судебная защита в контексте конституционно-правовых исследований считается широкоаспектным явлением социально-правового характера. Варьируя в зависимости от области применения, она может представлять собой субъективное право, гарантию, функцию государственной власти, правовой институт или составную часть механизма осуществления основных прав и свобод личности. Этот инструмент используется для разрешения споров, тем самым восстанавливая нарушенные права и свободы индивида [4, с. 118].

Помимо прочего исследуемое право закреплено во множестве международных и национальных законов, а также в конституциях многих стран, что демонстрирует его важность как ключевого элемента в правовой системе.

Право на судебную защиту считается универсальным методом защиты нарушенных прав и свобод личности из-за своего характера. Отметим, что судебная защита распространяется на широкий круг лиц. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что право на судебную защиту применяется к индивидам (гражданам, иностранным лицам и лицам без гражданства) и к общественным объединениям, включая юридические лица и муниципальные организации (которые обладают определенными правами в сфере правосудия в зависимости от применимости этих прав к ним). Государство гарантирует исполнение судебных решений и все субъекты права обязаны им следовать.

Права на судебную защиту занимает фундаментальное место в системе конституционных прав и свобод, поскольку, не имея возможности обратиться в суд за защитой нарушенных прав, свобод и интересов лица рискуют остаться без должной защиты и лишиться возможности их восстановления.

Кроме того, провозглашенное Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту реализует обеспечение гарантии справедливого судопроизводства. Необходимо отметить, что каждое лицо имеет право на

равный доступ к правосудию, приведение и представление своих доводов и доказательств в защиту нарушенного права, а также обжалование судебных решений в установленные законом инстанции.

Право на судебную защиту не исчерпывается лишь правом на обращение в суд. Оно включает в себя право на личное участие в отстаивании своих прав и свобод, право требования от суда предоставления судебной защиты, а также право на получение квалифицированной юридической помощи. В связи с этим право на судебную защиту может рассматриваться как совокупность правомочий, обеспечивающих лицу возможность добиваться восстановления нарушенных прав.

Справедливо отмечает Н. А. Колоколов [5, с. 250], эффективность правосудия не определяется количественными показателями судебной работы, а связана с достижением социально значимых целей. Одной из основных социально значимых целей в процессе правосудия является защита прав граждан. Таким образом, эффективность правосудия в целом и работа каждого судьи зависят от степени достижения этой цели.

Как ранее отмечалось, конституционное право на судебную защиту выступает важной гарантией прав и свобод каждого гражданина, но его эффективная реализация сталкивается с рядом серьезных проблем. Несмотря на существование законодательных основ для судебной защиты, на практике многие граждане сталкиваются с трудностями в ее реализации.

Во-первых, доступ к правосудию остается ограниченным для малоимущих, лиц с ограниченными возможностями и жителей удаленных районов. Финансовые и организационные препятствия часто лишают их реальной возможности воспользоваться судебной защитой. В таких случаях право на судебную защиту становится не может полноценно исполняться, что свидетельствует о необходимости разработки механизмов государственной поддержки доступа к правосудию.

Во-вторых, в России наблюдается сомнения граждан в объективности судебной системы и справедливости правосудия. Увеличение нагрузки на судей снижает качество принимаемых решений и продлевает сроки рассмотрения дел, что препятствует своевременному рассмотрению споров, помимо этого проблема усугубляется сложностью исполнения судебных решений.

Кроме того, сложность и длительность процедур обжалования судебных решений становятся препятствием к восстановлению правосудия. Вследствие этого возникает вопрос о необходимости реформирования существующей системы в целях получения ускоренного рассмотрения дел и увеличения доступности апелляционного рассмотрения споров для граждан.

Наконец, проблемой остается недостаток правовой осведомленности граждан, особенно в удаленных регионах. Недостаток знаний о своих правах и сложность доступа к квалифицированной юридической помощи делают судебную защиту недоступной для значительной части на-

селения. Государственные программы по повышению правовой грамотности населения могли бы помочь устранить этот барьер и повысить эффективность системы судебной защиты.

Место права на судебную защиту в системе конституционных прав и свобод определяется его связью с другими конституционными правами. Оно взаимосвязано с правом на свободу личности, правом на справедливое судебное разбирательство, правом на неприкосновенность частной жизни и другими правами. Право на судебную защиту взаимодействует с другими элементами

правовой системы, такими как законодательство, исполнительная и законодательная власти, правосудие.

Таким образом, право на судебную защиту выступает основой, на которой строится правовой порядок, демократия и справедливость в обществе. Оно защищает личные и общественные интересы, поддерживает баланс между правами граждан и деятельностью государственных органов. В условиях правового государства это право требует постоянного внимания и реформ, чтобы обеспечить равенство и доступ к правосудию для каждого, способствуя укреплению законности и правовой стабильности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Самович Ю. В. Правовая регламентация судебной защиты прав человека в Российской Федерации: учеб. пособ. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2016. С. 4.
3. Белик, В. Н. Конституционные права личности и их защита: учебное пособие для вузов / В. Н. Белик. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 169 с.
4. Белик, В. Н. Осуществление защиты прав и свобод граждан: учебное пособие для среднего профессионального образования / В. Н. Белик. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 169 с.
5. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. М.: Юрист, 2007. 328 с.

Административная ответственность за нарушения в сфере обработки персональных данных: анализ судебной практики

Федоровская Дарья Владимировна, студент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Статья посвящена анализу судебной практики по привлечению операторов обработки персональных данных к административной ответственности. Автор рассматривает конкретные примеры привлечения нарушителей к ответственности по ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, освещает результаты их решения. На основе обзора новейшей судебной практики автор доказывает эффективность и неотвратимость применения штрафных санкций за нарушения, в первую очередь за обработку данных без надлежащего согласия субъекта.

Ключевые слова: персональные данные, защита персональных данных, оператор обработки персональных данных, административная ответственность, судебная практика

В настоящее время законодательство о защите персональных данных претерпевает серьёзную модернизацию, направленную на усиление контроля над процедурами сбора, хранения и обработки персональных данных. Одновременно с этим ужесточается ответственность за её незаконное распространение — так, с 30 мая 2025 г. в Российской Федерации действуют обновлённые редакции Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [1] и Уголовного кодекса РФ [2], ужесточившие наказание за утечку и неправомерную обработку персональных данных [3]. Данные нововведения привели к значительному (в несколько раз) росту штрафных санкций за нарушения в этой области, а также к усилению мер ответственности за злоупотребленияope-

раторов обработки персональных данных при работе с конфиденциальными сведениями.

В контексте настоящего исследования важно подчеркнуть, что ключевым инструментом поддержания законности в данной области выступает административная ответственность. Это особенно актуально в связи с тем, что субъектами нарушений чаще всего выступают юридические лица, являющиеся операторами обработки персональных данных. Таким образом, за игнорирование норм защиты персональных данных и неисполнение установленных обязанностей, определенных в Федеральном законе «О персональных данных» [4], операторы обработки персональных данных могут быть привлечены к ответственности по соответствующим статьям КоАП РФ [5, С. 333].

По справедливому замечанию А. А. Ивакина: «это обусловлено тем, что существенная часть противоправных деяний в информационной сфере относится не к преступлениям, а к административным правонарушениям» [6, С.28]. С этой точкой зрения сложно не согласиться, учитывая стабильный рост количества судебных разбирательств, касающихся защиты прав субъектов персональных данных. Как указывает М. П. Бессонов, современная судебная практика изобилует примерами «... в которых СМИ, владельцы интернет-ресурсов и различные операторы (телефонные или в сети Интернет) доказывают, что обрабатываемая и выкладываемая в общий доступ информация не нарушает прав граждан» [7, С.15]. Впрочем, анализ судебных актов одновременно демонстрирует и обратную тенденцию, подтверждая многочисленные случаи нарушения гарантированного законодательством права на защиту личной информации.

К примеру, анализируя судебную практику привлечения к ответственности по ст. 13.11 КоАП РФ, следует отметить, что обработка персональных данных без надлежаще оформленного согласия субъекта неизменно влечет за собой подтверждение судами правомерности назначения административного наказания за данное нарушение. Данной категорией дел **весьма богата и судебная практика**.

Так, в рамках проверки Сорочинской межрайонной прокуратуры соблюдения ИП Рашкевич Л. И. законодательства о защите прав потребителей и персональных данных (проходила с 13 мая 2024 г. по 29 мая 2024 г.) установлено, что предприниматель осуществлял деятельность по предоставлению займов. При заключении договоров им оформлялись согласия на обработку персональных данных клиентов. Однако в согласиях, полученных в период с декабря 2023 г. по май 2024 г. (на примере 13 конкретных расчетных таблиц), отсутствовали обязательные сведения, требуемые ст. 9 Федеральным законом «О персональных данных». В их числе: полные реквизиты субъекта и оператора, перечень обрабатываемых данных, цели и способы их обработки, а также срок действия согласия.

Данное нарушение послужило основанием для привлечения ИП Рашкевич Л. И. к административной ответственности — на основании этого против предпринимателя было возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ. Постановлением судьи судебного участка № 1 г. Сорочинска и Сорочинского района Оренбургской области от 28 июня 2024 г., оставленным без изменения решением судьи Сорочинского районного суда Оренбургской области от 6 сентября 2024 г., ИП Рашкевич Л. И. привлечена к ответственности в виде штрафа в 50 000 рублей. Шестой кассационный суд общей юрисдикции в своем Постановлении от 20 января 2025 г. по делу № 16-139/2025 [8] оставил данные решения в силе, признав их законными и обоснованными.

В качестве дополнительных примеров привлечения операторов персональных данных к административной ответственности за обработку персональных данных без

надлежаще оформленного согласия субъекта в судебном порядке приведем также:

— Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2024 г. по делу № 16-633/2024 [9], согласно которому ООО «РЕАЛЛОМ» было привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ за обработку персональных данных умерших лиц без их согласия;

— Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 декабря 2024 г. по делу № 16-7655/2024 [10], согласно которому АО «Почта России» признано виновным в совершении административного правонарушения по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ за передачу персональных данных клиента третьему лицу без его согласия (судебные инстанции оставили в силе решение о наложении штрафа);

— Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2025 г. по делу № 16-1536/2025 [11], по которому компания Ookla LLC привлечена к ответственности по части 9 статьи 13.11 КоАП РФ за повторное несоблюдение требований к обработке персональных данных граждан РФ (суды оставили без изменения решение о наложении штрафа в размере 6 000 000 рублей);

— Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2025 г. по делу № 16-2629/2025 [12], по которому ООО «Сибстройсервис» привлечено к ответственности по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ за предоставление персональных данных без согласия субъекта (суд изменил постановление, заменив штраф на предупреждение, учитывая отсутствие вреда и предыдущих нарушений);

— Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 декабря 2024 г. по делу № 16-5588/2024 [13], согласно которому ООО «Медицинский центр диагностики и профилактики» привлечено к ответственности по части 2 статьи 13.11 КоАП РФ за обработку персональных данных без письменного согласия пациента и их передачу третьему лицу (суды подтвердили законность привлечения к ответственности и оставили без изменения штраф, отклонив доводы о малозначительности правонарушения);

— Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 декабря 2024 г. по делу № 16-5882/2024 [14], ООО «МВМ» привлечено к ответственности по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ за неправомерную обработку персональных данных, подтвержденную доказательствами (суды оставили без изменения решение о наложении штрафа в размере 60 000 рублей).

Анализ современной судебной практики, представленный в данном научном исследовании, однозначно подтверждает действенность и неотвратимость наступления ответственности. На примере многочисленных дел (ИП Рашкевич Л. И., ООО «РЕАЛЛОМ», АО «Почта России», Ookla LLC и др.) показано, что суды последовательно привлекают операторов к ответственности за нарушения, главным из которых является обработка персо-

нальных данных без надлежаще оформленного согласия субъекта. При этом судебные инстанции, включая кассационные, тщательно проверяют законность и обоснованность таких решений, оставляя их в силе.

В заключение можно сказать, что ужесточение административной ответственности (рост штрафов по ст. 13.11 КоАП РФ) за злоупотребления операторов обработки персональных данных при работе с конфиденциальными сведениями должно положительно сказаться на стабильном правовом регулировании и защите прав субъектов данных

в судебном порядке. Это доказывает, что законодатель и правоприменительная практика двигаются в направлении создания жесткой регуляторной среды, призванной обеспечить эффективную защиту прав субъектов персональных данных. Сформировавшаяся устойчивая судебная практика служит четким сигналом для всех операторов о необходимости строгого соблюдения установленных процедур, в частности, требований к получению и оформлению согласия на обработку данных, во избежание значительных финансовых и репутационных потерь.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // С3 РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1; 2025. № 31. Ст. 4656.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // С3 РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 31. Ст. 4636.
3. Персональные данные: новые штрафы с 30 мая 2025 года. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/28492/> (дата обращения 26.09.2025).
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных»// С3 РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451; С3 РФ. 2025. № 28. Ст. 3840.
5. Далевская Н. Н. Некоторые проблемы, связанные с влиянием цифровых технологий на законодательство об административных правонарушениях / Н. Н. Далевская // Современный ученый, 2024. № 5. С. 331–336.
6. Ивакин А. А. Совершенствование административной ответственности в области защиты информации в условиях гибридной войны против России на современном этапе / А. А. Ивакин, А. Н. Прокопенко // Проблемы правоохранительной деятельности, 2025. № 2(60). С. 26–35.
7. Бессонов М. П. Защита персональных данных: судебная практика в Российской Федерации / М. П. Бессонов // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки, 2024. № 23. С. 15–17.
8. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2025 г. по делу № 16–139/2025. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 26.09.2025).
9. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2024 г. по делу № 16–633/2024. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 26.09.2025).
10. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 декабря 2024 г. по делу № 16–7655/2024. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 26.09.2025).
11. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2025 г. по делу № 16–1536/2025. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 26.09.2025).
12. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2025 г. по делу № 16–2629/2025. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 26.09.2025).
13. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 декабря 2024 г. по делу № 16–5588/2024. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 26.09.2025).
14. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 декабря 2024 г. по делу № 16–5882/2024. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 26.09.2025).

Нейтрализация противодействия со стороны участников следственных действий и использование полученных результатов по уголовному делу

Фролов Даниил Дмитриевич, студент магистратуры

Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается нейтрализация противодействия со стороны участников следственных действий в контексте уголовного процесса. Особое внимание уделяется методам и правовым механизмам, направленным на преодоление сопротивления со стороны подозреваемых, обвиняемых или других участников расследования. Обсуждаются различные формы противодействия, такие как отказ от сотрудничества, ложные показания или использование угроз.

Автор анализирует правовые инструменты, позволяющие следствию эффективно справляться с такими действиями и использованию полученных результатов для обеспечения законности и обоснованности принятия решений в рамках уголовного дела. В статье также акцентируется внимание на важности применения специальных средств и технологий, таких как аудиовизуальные записи, для обеспечения доказательности и предотвращения манипуляций со стороны участников процесса.

Ключевые слова: нейтрализация, противодействие, следственные действия, уголовное дело, правовые механизмы, доказательства, отказ от сотрудничества, ложные показания, аудиовизуальные записи, законность, защита прав

Уровень преступности в Российской Федерации снижается уже в течение длительного периода. Тем не менее, это не означает, что напряжённость между правоохранительными органами и преступниками снизится. Экономические, культурные и политические факторы — лишь некоторые из многочисленных факторов, влияющих на непрерывный цикл реформирования уголовного законодательства. В интернете доступно огромное количество материалов, инструктирующих людей о различных противоправных действиях, изготовлении оружия или взрывчатых веществ, сокрытии или уничтожении вещественных доказательств, а также о воспрепятствовании усилиям правоохранительных органов по поиску и установлению личности преступников. По данным оперативных сотрудников и следователей, большинство преступников стремятся максимально уклониться от уголовной ответственности. Они намеренно стремятся подорвать работу правоохранительных органов, уйти от уголовной ответственности, а также затруднить или сделать невозможным проведение оперативно-розыскных мероприятий и производство следственных действий. В сложившихся обстоятельствах целесообразно разработать и реализовать в оперативных подразделениях органов внутренних дел стратегии, направленные на снижение или ослабление сопротивления лиц, участвующих в планировании, исполнении или расследовании преступлений, а также на выявление улик и следов, скрытых их преднамеренными действиями. Проблемы устранения препятствий в раскрытии и расследовании преступлений рассматривались в публикациях многих учёных, в том числе Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, А. В. Дулова, А. А. Закатова, И. А. Климова, И. М. Комарова, Ю. Г. Корухова, Н. И. Порубова, Э. Р. Россинской, Г. К. Синилова и других. В основе расследования и раскрытия преступлений лежит последовательность мер, направленных на затруднение установления личности преступников, потерпевших и свидетелей, а также на выявление следов и вещественных доказательств, связанных с преступлением. Более того, противодействие часто осуществляется непрерывно, до, во время и после совершения противоправного деяния. Описанные действия многогранны, методичны и целенаправленны, поскольку человек корректирует несколько аспектов для достижения наилучших результатов. Это воздействие может быть сложным, поскольку оно осуществляется в разных местах, в разное время и различными методами, все из которых направ-

лены на достижение неудовлетворительного результата с ограниченными ресурсами и процессами.

Пространственное представление преступного события создает сеть связей между внутренними и внешними элементами окружающей среды. Эта картина может улучшить понимание личности преступника, применяемой методологии и используемого оборудования, что полезно для оперативных расследований и криминалистической экспертизы [8,с.14].

Получение оперативно значимой информации о преступлении, его исполнителях, потерпевших и свидетелях, а также любых дополнительных сведений о лицах, местах или объектах, прямо или косвенно связанных с преступлением, несомненно, является важнейшим фактором, способным улучшить обстоятельства дела при раскрытии и расследовании преступления посредством оперативной поддержки предварительного расследования. Для сбора доказательств, подтверждающих, опровергающих или дополняющих имеющиеся доказательства и способствующих оценке их объективности и достоверности, необходимы систематические протоколы поиска и следственные действия на протяжении всего процесса расследования преступления. Важнейшие данные для проведения операций распространяются в системе «источник информации — оперативный сотрудник». Поток исходных данных — это стохастический процесс, характеризующийся постоянной вероятностью распространения информации, относящейся к преступлению. Достоверность информации в этом контексте часто определяется стабильностью входящего канала, наличием промежуточных звеньев, авторитетностью источника и способностью анализировать содержащиеся в нем данные. Для принятия обоснованного решения в развивающейся следственной ситуации оперативник должен точно интерпретировать информацию, полученную в конкретных условиях и в конкретный момент, а также предложить алгоритм решения проблемы и определить ресурсы и методы проведения следственных действий. Полезным может оказаться исследование уголовного дела 2016 года о краже в букмекерской конторе. Неустановленный мужчина проник в торговую зону за час до её закрытия, угрожал мужчине огнестрельным оружием и скрылся со значительной суммой денег. Создание его субъективного портрета или идентификация с помощью систем автоматического распознавания лиц были затруднены из-за того, что он был в хирургической маске. На мужчине были перчатки. При осмотре места преступления оперативные сотрудники не

обнаружили никаких вещественных доказательств или следов, которые могли бы дать информацию. Более того, осмотр прилегающих дворов не дал никаких результатов. Вызов эксперта-баллистика в качестве свидетеля имел важное значение для предварительного расследования, направленного на проверку возможных версий, и анализа записей с камер видеонаблюдения, расположенных рядом с рабочим местом кассира в зоне оперативного действия. Свидетель отметил в ходе видеоанализа, что оружие имеет сходство с боевым пистолетом Макарова, отличаясь газобаллонной конструкцией и уникальной формой курка и передней кромки затвора. Подвижные части пистолета могут выйти из строя из-за чрезмерной пластичности металла, из которого изготовлен затвор. Более того, у нападавшего не было опыта обращения с огнестрельным оружием, что подтверждается записью с камер видеонаблюдения, сделанной во время ограбления [5, с.23].

Задержание через год двух граждан России П. и Т. сотрудниками Главного управления по борьбе с организованной преступностью и бандитизмом Министерства внутренних дел Российской Федерации подтвердило эти выводы. Орудие убийства было обнаружено в результате проведенной проверки. Обвинительные приговоры стали возможны благодаря обоснованности выводов оперативно-розыскных мероприятий, основанных на ранее собранных доказательствах, и представлению заключения эксперта-баллистика с использованием записей видеонаблюдения. После освобождения из-под стражи П. и Т. были приговорены к длительным срокам лишения свободы. В сфере предупреждения и расследования преступлений время является наиболее значимым внешним фактором, влияющим на действия следователей. Как отмечается в юридической литературе, проведение судебно-следственных мероприятий существенно зависит от времени, поскольку оно способствует выявлению способов совершения и скрытия преступления, оценке обстоятельств, сокращению круга подозреваемых и решению соответствующих вопросов. [2, с.53].

Со временем как видимые, так и нематериальные доказательства могут исчезать, тем самым облегчая или затрудняющая расследование преступления. Следовательно, экспертизы и исследования являются основными методами установления специфики исторического преступления; они способствуют подтверждению или опровержению доказательств, собранных в ходе оперативно-розыскных мероприятий и предыдущих следственных действий. В ходе расследования уголовного дела об исчезновении К. в 2011 году сотрудники органов внутренних дел инициировала множество мероприятий по сбору и оценке информации о ней и ее близких знакомых. В результате был сделан вывод об участии в похищении К. гражданки В., приемной матери К., несмотря на ее многочисленные судимости. В. дала множество ответов, которые было сложно обосновать, и категорически отрицала какую-либо причастность к исчезновению К. Она намеревалась распылить ресурсы правоохранительных органов таким образом, чтобы

это затруднило расследование и проведение оперативно-розыскных мероприятий. В поисках «свидетелей», которые могли видеть пропавшую женщину, она установила прямую или косвенную связь с родственниками и знакомыми К. Впоследствии останки жертвы были сожжены в печи, а пепел развеян. Несмотря на попытки обвиняемой воспрепятствовать расследованию данного преступления, ее усилия по избежанию уголовного преследования оказались безрезультатными. Для предъявления обвинения В. и ее сообщнику следствие широко использовало такие ресурсы, как негласные источники информации, оперативные мероприятия и следственные действия, а также всестороннее изучение полученных доказательств. Судебно-медицинская экспертиза образцов волос и ногтей, собранных посмертно и сохраненных на месте первоначального захоронения, способствовала установлению личности К. и обстоятельств ее смерти [6, с.22].

В процессе раскрытия данного преступления была установлена причастность В. к организации убийства гражданки Л., совершенного в 1992 г., с целью завладения принадлежащим потерпевшей жилым домом. Анализ дела оперативного учета, уголовного дела и материалов, содержащихся в них, позволил определить направления работы по установлению всех обстоятельств убийства Л. Из имеющихся материалов следовало, что В. недолго до убийства Л. приезжала к своему знакомому — председателю сельского совета для оформления поддельного завещания от имени Л. в свою пользу. В. передвигалась на автомашине ВАЗ-2101 красного цвета вместе с неустановленным мужчиной (до 2011 г. установить принадлежность автомашины и личность водителя, исходя из материалов дела оперативного учета, не представлялось возможным). Оперативным сотрудником в ходе проверки информации о знакомых фигурантки в период с 1991 по 1993 г. были отработаны родители и знакомые двух братьев — Е. и Д., страдавших наркотической зависимостью, ранее входивших в круг общения В. (к моменту проведения оперативно-розыскных мероприятий умерли). При проведении оперативного опроса матери братьев, а также ее соседки по лестничной клетке Н., погибший сын которой входил в компанию Е. и Д., было установлено, что в собственности сына Н. находилась автомашина ВАЗ-2101 красного цвета, на которой он и один из братьев погибли в автомобильной катастрофе в 1993 году. Впоследствии К., оформлявший завещание, опознал по предъявленным ему фотоизображениям в сыне Н. водителя автомашины, с которым В. приезжала к нему в сельсовет. Изложенное в настоящей статье позволяет сделать следующие выводы:

1. Конечной целью противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел является достижение максимально возможного результата воздействия на нормальное функционирование правоохранительной системы государства, снижение ее эффективности, невозможность изобличения лиц, подготавливающих, совершающих либо совершивших преступления, и привлечения их к установленной законом ответственности [3, с.16].

2. Противодействие, как правило, осуществляется непрерывно, характеризуется системностью, целенаправленностью и многовекторностью. Совокупность форм и методов нейтрализации противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел в зависимости от складывающейся конкретной оперативно-розыскной или следственной ситуации может носить процессуальный, криминалистический, оперативной-розыскной, уголовно-правовой и иной характер. Вместе с тем эффективность используемых правоохранительными органами форм и методов по нейтрализации противодействия со стороны заинтересованных лиц увеличивается при комплексном применении таких форм и методов их использования вне зависимости от вида противодействия (простого или сложного) [4,с.96].

3. Возможность негативного воздействия на процесс раскрытия преступлений и расследования уголовных дел

может быть минимизирована путем увеличения количества используемых сил и средств, источников оперативно значимой информации, возможности ее качественной интерпретации, использования передовых достижений в области судебной экспертизы, современных информационных технологий, задействования при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий наиболее подготовленных сотрудников [2,с.21].

4. Временной фактор оказывает значительное влияние на процесс раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. Выявление закономерностей изменения свойств элементов системы преступления, произошедших под его воздействием, их текущее состояние в конкретный момент времени, правильная их интерпретация позволяют получить необходимую для раскрытия и расследования преступления оперативно-розыскную и криминалистически значимую информацию.

Литература:

1. Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2022. — 944 с.
2. Климов И. А. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД / И. А. Климов, Г. К. Синилов // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: сб. ст. — Москва: Юрид. ин-т МВД России, 2024. — С. 20–26.
3. Комаров И. М. О понятии противодействия расследованию преступления как криминалистической категории и некоторых способах его преодоления / И. М. Комаров // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. тр. — Москва: Акад. управления МВД России, 2022. — С. 267–270.
4. Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии / А. В. Дулов. — Москва.: Юрид. лит., 2021. — 168 с.
5. Закатов А. А. О практике расследования грабежей и разбойных нападений, совершенных в условиях неочевидности / А. А. Закатов // Проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности: сб. науч. тр. — Волгоград, 2020. — С. 54–60.
6. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие / Н. И. Порубов. — Москва: Бек, 2023. — 196 с.
7. Кокорин Д. Л. Отдельные аспекты тактики допроса несовершеннолетнего / Д. Л. Кокорин, С. В. Мосина // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2022. — № 2. — С. 21–27.
8. Вентцель Е. С. Введение в исследование операций / Е. С. Вентцель. — Москва: Советское радио, 2021. — 390 с.
9. В Минске задержаны подозреваемые в нападении на букмекерскую контору [Электронный ресурс] // Сайт белорусского телеграфного агентства БЕЛТА. — URL: <https://www.belata.by/incident/view/vminske-zaderzhany-podozrevayemye-v-paradenii-nabukmekerskuju-kontoru-259487-2017/> (дата обращения: 25.09.2025).
10. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. — Минск: Амалфея, 2021. — 304 с.

Влияние алгоритмизации и искусственного интеллекта на принципы активной роли суда в административном процессе

Ханыгин Кирилл Сергеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается проблема трансформации принципа активной роли суда в административном судопроизводстве под воздействием процессов алгоритмизации и внедрения искусственного интеллекта. Анализируются тенденции цифровизации правосудия, нормативная база Российской Федерации и международные стандарты, регули-

рующие применение интеллектуальных технологий в судебной деятельности. Особое внимание уделено вопросам соотношения человеческого усмотрения и машинных решений, рискам формализации и утраты судебной инициативы. На основе проведенного анализа предложены направления совершенствования правового регулирования и этических стандартов использования искусственного интеллекта в административном судопроизводстве.

Ключевые слова: активная роль суда, административное судопроизводство, цифровизация, искусственный интеллект, алгоритмизация, электронное правосудие.

Современный этап развития судебной системы Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий, направленных на повышение эффективности и прозрачности судопроизводства. В контексте административного процесса, где суд выполняет активную функцию по защите прав граждан в публично-правовых отношениях, особое значение приобретают вопросы сохранения независимости судебного усмотрения и недопущения подмены судебной инициативы алгоритмизированными решениями.

Алгоритмизация правосудия, понимаемая как использование автоматизированных систем для распределения дел, анализа судебной практики, обработки доказательств и подготовки проектов решений, становится объективной реальностью [3, с. 15]. Однако столь масштабное внедрение технологий в процессуальную сферу требует научного осмысливания с точки зрения соответствия основным принципам судопроизводства, закрепленным в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ).

В частности, принцип активной роли суда, закрепленный в статье 14 КАС РФ, предполагает, что суд обязан содействовать установлению всех фактических обстоятельств дела, обеспечивать процессуальное равенство сторон и направлять процесс к достижению законного результата [2]. Возникает вопрос: сохраняется ли этот принцип в условиях алгоритмизированного правосудия, или же его содержание претерпевает качественные изменения под влиянием цифровизации?

Анализ современного законодательства и практики показывает, что активная роль суда в административных делах основывается на сочетании принципов публичности и состязательности [5, с. 72]. Суд не может занимать позицию пассивного наблюдателя, поскольку административное судопроизводство направлено на защиту интересов граждан от возможного произвола государственных органов. Вместе с тем, внедрение искусственного интеллекта (далее — ИИ) и автоматизированных систем изменяет способы реализации этой функции.

Одним из проявлений алгоритмизации является использование ГАС «Правосудие» и автоматического распределения дел. Эти системы позволяют минимизировать влияние человеческого фактора, обеспечивая случайность назначения судьи [6]. Однако при отсутствии прозрачности алгоритмов возникает риск нарушения права на «естественному судью», закрепленного в статье 47 Конституции Российской Федерации [1]. В данном контексте активная роль суда должна выражаться и в обес-

печении контроля за корректностью функционирования алгоритмов.

Не менее значимым аспектом является применение аналитических инструментов ИИ, предназначенных для обобщения судебной практики и прогнозирования исходов дел. Такие решения позволяют выявлять статистические закономерности, но не способны учитывать индивидуальные особенности спора, субъективные обстоятельства и морально-этический контекст [12, с. 35]. Следовательно, использование подобных инструментов должно носить вспомогательный характер и не заменять оценочную деятельность судьи.

Международные стандарты, в частности Этическая хартия по применению ИИ в судебных системах, принятая СЕРЕЙ (Совет Европы) в 2018 году, прямо указывают, что решения, принимаемые с помощью алгоритмов, должны оставаться под контролем человека и подлежать судебному пересмотру [13]. Российская судебная система, следуя этим принципам, должна формировать правовые и организационные механизмы предотвращения подмены усмотрения судьи машинным выбором.

Кроме того, актуальной проблемой становится доказательственное значение цифровых данных и электронных документов, полученных с применением ИИ. КАС РФ в редакции 2024 года допускает использование электронных доказательств, но не содержит норм, определяющих их правовой режим и критерии достоверности [2]. В условиях, когда часть доказательственной информации формируется автоматически, роль суда как активного исследователя приобретает особое значение.

Научные дискуссии концентрируются вокруг вопроса о допустимости машинных рекомендаций в судебных актах. По мнению отдельных авторов, ссылки на результаты алгоритмического анализа в мотивировочной части судебного решения возможны лишь при условии их проверяемости и обоснованности [11, с. 133]. Таким образом, ИИ может использоваться как аналитический инструмент, но не как источник правового убеждения.

Нельзя не отметить, что алгоритмизация судопроизводства затрагивает также этические и гуманистические аспекты правосудия. Судья — это не только интерпретатор норм, но и носитель ценностных ориентиров, обеспечивающих справедливость. ИИ лишен способности учитывать эмоциональные и моральные факторы, которые нередко имеют решающее значение в делах, связанных с защитой прав личности [12, с. 39]. Поэтому внедрение ИИ требует сохранения человеческого участия в каждом звене принятия решений.

Важным направлением является разработка национальных этических стандартов применения ИИ в судебной системе. В настоящее время их основу составляют общие принципы ответственности и транспарентности, заимствованные из зарубежных моделей, включая Регламент (ЕС) 2024/1689 «Акт об искусственном интеллекте» [14]. Однако российское законодательство нуждается в адаптированных нормах, учитывающих особенности административного судопроизводства и принцип активной роли суда.

Таким образом, алгоритмизация судебной деятельности представляет собой объективный процесс, который способен повысить эффективность и открытость правосудия, но одновременно создаёт риски технологического формализма. Принцип активной роли суда в административном процессе требует переосмысливания

в новых условиях, с сохранением его сущностных характеристик — инициативности, исследовательского подхода и приоритета внутреннего убеждения судьи.

Для обеспечения баланса между технологическими возможностями и правовыми гарантиями необходимо:

1. закрепить в КАС РФ положения о допустимости и пределах использования алгоритмов в правосудии;
2. разработать стандарты прозрачности и контроля ИИ-систем, применяемых судами;
3. внедрить этические принципы, гарантирующие приоритет человека при принятии решений.

Только при соблюдении указанных условий цифровизация не приведет к утрате фундаментальных принципов правосудия, а станет инструментом их эффективной реализации в административных делах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. — Дата обращения: 27.09.2025.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. — Дата обращения: 27.09.2025.
3. Электронное правосудие: монография / Е. В. Бурдина, К. Л. Брановицкий, А. Н. Долженко [и др.]; под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. — Москва: Российский государственный университет правосудия, 2021. — 344 с.
4. Кононов, Д. А. Правовые основы цифровизации правосудия: монография / Д. А. Кононов. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. — 127 с.
5. Максуров, А. А. Актуальные проблемы судебного права: монография / А. А. Максуров. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 308 с.
6. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев; Тюменский государственный университет, Институт государства и права. — Тюмень: Тюменский государственный университет, 2022. — 130 с.
7. Судейское усмотрение: сборник статей / Московское отделение Ассоциации юристов России; отв. ред. О. А. Егорова, В. А. Вайпан, Д. А. Фомин; сост. А. А. Суворов, Д. В. Кравченко. — Москва: Юстицинформ, 2020. — 176 с.
8. Пешкова, А. А. Принцип активной роли суда как самостоятельный принцип административного судопроизводства / А. А. Пешкова // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/peshkova_a_a.pdf. — Дата обращения: 27.09.2025.
9. Титова, И. А. Правовое регулирование распределения дел в судах: содержание, реализация, проблемы и направления совершенствования / И. А. Титова // Право и политика. — 2022. — № 7.
10. Казанцев, Д. А. Проблемы и перспективы регулирования отношений в рамках сделки, совершенной с участием искусственного интеллекта / Д. А. Казанцев // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 2.
11. Мухин, А. И. Трансформация судебной системы в эпоху цифровизации / А. И. Мухин // Юридическая наука. — 2022. — № 6.
12. Приженникова, А. Н., Коляда, Г. Ю. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты / А. Н. Приженникова, Г. Ю. Коляда // Образование и право. — 2020. — № 2.
13. CEPEJ. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Environment // Council of Europe [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/cepej/ethical-charter-ai>. — Дата обращения: 27.09.2025.
14. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года «Акт об искусственном интеллекте (AI Act)» // EUR-Lex [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu>. — Дата обращения: 27.09.2025.

Первоначальный этап расследования хищений прав на земельные участки, находящихся в государственной и муниципальной собственности

Чепига Олег Витальевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья рассматривает особенности первоначального этапа расследования хищений прав на земельные участки, находящихся в государственной и муниципальной собственности.

Отмечается значимость комплексного подхода на первоначальном этапе расследования для эффективной защиты интересов государства и общества, а также повышения правовой защищённости земельных участков.

Ключевые слова: земельное право, земельные участки, следственные действия, экспертиза, государственная собственность, муниципальная собственность.

Расследование хищений прав на земельные участки, находящихся в государственной и муниципальной собственности представляет собой один из самых сложных видов имущественных преступлений. Эти преступления наносят прямой ущерб государственному бюджету, нарушают имущественные интересы общества и создают угрозу законности в сфере земельных правоотношений. В современной криминалистической и юридической литературе подчеркивается, что скрытность таких преступлений, использование сложных схем и участие большого числа лиц делают первоначальный этап расследования ключевым для успешного раскрытия преступления [1]. В большинстве случаев они реализуются посредством мошеннических схем, злоупотреблений служебным положением, подлога документов, а также коррупционных связей.

Расследование вышеуказанных преступлений требует особого внимания, поскольку такие деяния связаны с имущественными интересами, часто с организованной преступной деятельностью, а также с нарушением прав граждан и юридических лиц, претендующих на законное пользование землей и начинается с анализа информации из различных источников: жалоб граждан, результатов прокурорских проверок, заключений органов осуществляющих земельный контроль. Своевременная фиксация сигналов позволяет не только выявить факт преступления, но и предотвратить дальнейшее отчуждение земельных участков [2].

Работа с различными документами является одним из важнейших этапов первоначального расследования рассматриваемого преступления. Земельные преступления практически всегда оставляют «бумажный след»: решения органов власти федерального и муниципального уровня, документация по планировке территории, акты согласования, договоры купли-продажи или аренды. Особенно подчеркивается необходимость внимательного анализа всех документов, выявления исправлений, подделки печатей и подписей [3]. Так, тщательный анализ протоколов аукциона может позволить выявить заранее определённого победителя, и факт формального оформления документов, что даст следствию первые ключевые сведения о преступной схеме.

Не менее важными являются допросы участников процесса. На первоначальном этапе допросы начинают с лиц низового уровня: специалистов, представителей юридических или физических лиц, кадастровых инженеров, сотрудников органов, готовивших документы. Что в свою очередь позволяет понять технологию подготовки решений и выявить всех участников преступной схемы. Допросы должностных лиц и подозреваемых проводятся после получения первичной информации о подготовке фиктивных постановлений о предоставлении земельных участков, с постепенным выявлением противоречий и уточнением ролей каждого. Пример из судебной практики показывает, что допрос рядовых сотрудников администрации позволил выявить подготовку фиктивных актов о предоставлении земельных участков, что в дальнейшем привело к привлечению к ответственности нескольких должностных лиц [4].

Экспертная работа на первоначальном этапе имеет одно из основополагающих значений для положительного расследования. Почерковедческие экспертизы помогают установить подлинность подписей и документов, землеустроительные экспертизы проверяют соответствие кадастровых данных фактическому использованию участка, его площади и расположения на нём объектов капитального строительства, а экономическая экспертиза позволяет оценить размер причиненного ущерба. Комбинированный подход обеспечивает формирование убедительной доказательной базы и подготовку к дальнейшему расследованию [5].

Особое внимание уделяется межведомственному взаимодействию. Успешное проведение оперативно-розыскных мероприятий помогает выявить скрытые связи между участниками преступной схемы и предотвратить уничтожение доказательств. Совместная работа правоохранительных органов позволяет выявить полноту картины преступления, определить конечных выгодоприобретателей и позволяет своевременно применять меры по сохранению имущества.

Последовательность действий на первоначальном этапе имеет определяющее значение для успешного расследования хищений прав на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собствен-

ности. Изначально проводится анализ сведений о фактах преступления, затем осуществляется работа с документами и проведение допросов, параллельно назначаются экспертизы и ведутся оперативно-розыскные мероприятия. Такой комплексный подход минимизирует риск упущения важных деталей для расследования.

Таким образом, первоначальный этап расследования хищений прав на земельные участки является основополагающим в данной сфере. Своевременное выявление

преступлений, внимательная работа с документами, грамотная организация допросов, экспертные исследования и взаимодействие с правоохранительными органами позволяют не только раскрыть преступление, но и вернуть государству и муниципалитетам незаконно отчуждённые земельные участки. Комплексный и системный подход обеспечивает эффективную защиту интересов государства, укрепляет правопорядок и повышает доверие граждан к органам власти.

Литература:

1. Кашин И. В. Криминалистика имущественных преступлений. — М.: Юрайт, 2018.
2. Лебедев А. В. Следственные действия при расследовании экономических преступлений. — СПб.: Питер, 2019.
3. Голубцова Е. М. Криминалистика имущественных преступлений: учебное пособие. — М.: Академия, 2020.
4. Романова Н. А. Земельные преступления и их расследование. — М.: Норма, 2017.
5. Кравченко П. С. Тактика и методика следственных действий в экономических дела. — М.: Проспект, 2021.

Слабая и сильная стороны в договоре подряда

Чередников Александр Николаевич, юрист консультант
000 «Бизнес-Право» (г. Новосибирск)

В статье рассматриваются вопросы о слабой и сильной стороне договора и о несправедливых договорных условиях, в том числе в рамках подрядных правоотношений. Проведена работа по установлению критерии, которые позволяют определить сторону в договоре в качестве слабой или сильной. Выполнен анализ правоприменимой практики по вопросу признания заказчика и подрядчика слабой или сильной стороной.

Ключевые слова: слабая и сильная сторона в договоре, договор подряда, несправедливые договорные условия, свобода договора, заказчик, подрядчик.

Все гражданское законодательство пронизано фундаментальными принципами гражданского права — равенства сторон и добросовестности. В развитие этих основополагающих начал в институт договорного права введены такие правовые категории, как слабая и сильная сторона в договоре. Их суть сводится к тому, что ни один участник гражданского оборота не может навязывать другому заведомо невыгодные условия, что является одним из примеров ограничения принципа свободы договора.

Наиболее ярко проявляется раскрытие слабой и сильной стороны договора в отношениях между продавцом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, и потребителем. В таком случае все очевидно: продавец является сильной стороной, а потребитель — слабой стороной договора.

Как отмечает Фогельсон Ю., у слабой стороны при вступлении в договорные отношения с сильной стороной договора возникают крайне невыгодные и явно обременительные для нее условия, и когда ими несоразмерно распределяются права и обязанности в пользу стороны, разработавшей проект договора, такие условия определяются как несправедливые договорные условия [3, с. 29–30].

Применительно к правоотношениям, вытекающим из договора подряда, становится не все так однозначно. Например, заказчик, формируя условия и проект договора, фактически диктует свои условия другой стороне, и подрядчик, который является профессионалом на рынке по выполнению определенного вида работ, заключает такое соглашение несмотря на то, что для него такие условия неприемлемы. При таких обстоятельствах, с точки зрения здравого смысла представляется слабой стороной именно подрядчик.

Однако в правоприменимой практике нередко происходит иное понимание слабой и сильной стороны в договоре. Концептуальные положения слабой и сильной стороне в договоре заложено в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее — Постановление Пленума № 16). По смыслу разъяснений, данных в абзаце 4 пункта 4 Постановления Пленума № 16, слабой стороной в правоотношениях выступает именно физическое лицо, который не осуществляет предпринимательскую деятельность. Что касается сильной стороны в договоре, то пункт 11 Постановления Пленума № 16 относит к таковой профессионала, который

подготовил проект договора, соответственно, суду надлежит толковать спорные условия договора в пользу его контрагента. Более того, в упомянутом пункте Постановления Пленума № 16 закреплена презумпция того, что сильной стороной выступает профессионал в соответствующей сфере, требующей специальных познаний.

Довольно часто суды придерживаются той позиции, что если обе стороны являются профессиональными по отношению к предмету договора, то слабой стороны быть не может. Мотивировка весьма проста: стороны имели возможность ознакомиться с договором, заключали его, полностью осознавая смысл и последствия, при этом сторона, позиционирующая себя в качестве слабой, не опровергала условия заключенного соглашения [10]. Наряду с этим суды отмечают, что подрядчик по своей сути не бывает слабой стороной договора [11,12]. Более того, судебная практика признает заказчика в качестве слабой стороны в договоре подряда. Суды мотивируют это тем, что подрядчик по умолчанию профессионал при выполнении определенного вида работ, а заказчик — такими компетенциями не обладает и данное презюмируется [6,7].

Исходя из вышеизложенного возникает вопрос: всегда ли профессионализм может использоваться в качестве критерия определения слабой и сильной стороны в договоре?

По мнению автора, такой критерий «упрощает» работу судебных органов, позволяя с наименьшими временными затратами рассматривать такую категорию дел, в том числе позволяя судам «минимизировать» исследование всей совокупности фактических обстоятельств дела.

Вместе с тем, такой подход не может признаваться справедливым. Исходя из смысла пунктов 9 и 10 Постановления Пленума № 16 следует, что если сторона, даже являясь профессионалом, вынужденно заключает договор на условиях другой стороны, то она может быть слабой. Этот вывод вполне вписывается в нынешние рыночные условия: подрядчик заключает договор с неприемлемыми, невыгодными, а порой даже кабельными условиями для него вследствие того, что выйти на заключение другого договора он просто не сможет, поскольку подобного вида работ с приемлемыми для него условиями на рынке найти крайне затруднительно. В свою

очередь для заказчика все складывается в его пользу: он готовит договор, на условия которого подрядчики реально повлиять не могут, а если появляются какие-либо разногласия — в любой момент можно найти другого «удобного» подрядчика.

В судебной практике встречаются случаи, когда в качестве сильной стороны в договоре может выступать не только лицо, обладающее профессиональными знаниями в определенной области, но и обычный субъект без таких познаний. Так, в одном из судебных актов суд пришел к выводу о том, что «сильным участником экономического отношения может быть назван тот контрагент, который доминирует над другой стороной, диктуя финансовые, юридические и прочие условия, обладает большими организационными возможностями в данном виде деятельности в силу своего положения на рынке» [8]. А в другом деле суд сделал подробный анализ критериев, исходя из которых суд признал заказчика сильной стороной в договоре:

- заказчик — крупнейшая российская частная компания в сфере энергетики и теплоснабжения, субъект естественной монополии;
- проект договора подготовлен заказчиком и заключён по конкурсной процедуре, то есть по форме, прилагаемой в составе конкурсной документации;
- в результате у подрядчика отсутствовала возможность влиять на условия договора [9].

На основании изложенного, приходим к выводу о том, что такой критерий, как профессионализм, положенный в основу определения слабой и сильной стороны в договоре, не отражает реального положения дел и баланса интересов сторон. Полагаем, что в основу определения слабой и сильной стороны должны лежать конкретные фактические обстоятельства дела, а именно:

- у кого преобладают экономические, юридические и прочие условия;
- обладает большими организационными возможностями в данном виде деятельности в силу своего положения на рынке;
- кем предложен проект договора;
- имелась ли реальная возможность у стороны влиять на условия договора.

Литература:

1. Бакулин А. Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора // Судья. 2019. N 8. С. 20–27.
2. Карапетов А. Г., Бевзенко Р. С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. N 9. С. 6–106.
3. Фогельсон Ю. Несправедливые (недобросовестные) условия договоров // Хозяйство и право. 2010. N 10. С. 29–55.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.05.2025 N Ф04-1059/2025 по делу N A45-26450/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

7. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 06.03.2025 по делу А45-9493/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.01.2025 N Ф09-7423/24 по делу N A60-54834/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.11.2024 N Ф09-5501/24 по делу N A50-22708/2021 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
10. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.06.2024 N Ф03-2243/2024 по делу N A73-8175/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.02.2024 N Ф04-7900/2024 по делу N A67-10516/2022// Справочная правовая система «Консультант Плюс».
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31.08.2022 N Ф07-11053/2022 по делу N A26-5930/2021 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Правовые сложности трактовки действий медицинских работников

Шабанов Арсен Анзорович, студент магистратуры

Научный руководитель: Клименко Таужан Микаиловна, доктор юридических наук, профессор
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В данной статье автором предпринимается попытка вычленить основные правовые сложности трактовки действий медицинских работников, определить несоответствия: между теоретическими образовательными подходами и ответственностью за их практическое применение; обязанностей и возможностей, а также требований к медицинским работникам и их нормативно-правового обеспечения; между задачами и ответственностью работников практического здравоохранения и научно-педагогических кадров, занимающихся подготовкой работников практического здравоохранения.

Ключевые слова: ответственность медицинских работников, контроль качества, требования к медицинским работникам

Как известно, обеспечение должного качества оказания медицинской помощи является одной из текущих задач, стоящих перед медицинскими организациями, выполнение этой задачи регулярно проверяется контролирующими, надзорными органами и страховыми организациями. В последнее время, в связи с участившимися случаями оказания ненадлежащей медицинской помощи, которые приводят к негативным последствиям для граждан, стали актуализироваться вопросы ответственности медицинских работников.

Важно отметить, что данная тема является неоднозначной, приведшей к формированию многочисленных дискуссий между правоведами, работниками правоохранительных органов, сотрудниками системы здравоохранения Российской Федерации, представителями контролирующих и надзорных органов и т. д. Так, одни считают, что необходимо ужесточить наказания за, так называемые «врачебные ошибки», тогда как другие полагают, что врачей и иной медицинский персонал и вовсе необходимо освободить от уголовной ответственности, в том числе путем декриминализации ряда статей в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ). В то же время, если можно обсуждать декриминализацию ответственности за медицинские действия, встает вопрос, как оценивать, какие действия были медицинскими, а какие немедицинскими и т. д.

В настоящее время отношение медицины к сфере услуг распространило на деятельность медицинских работников применение законодательства о защите прав потребителей [3]. Таким образом можно провести следующую параллель — к примеру, результатом покупки автомобиля или кирпича является получение товара должного качества, и за ненадлежащее качество, т. е. не соответствие товара заявленным пользовательским характеристикам производитель несет ответственность, что может повлечь определенные последствия (судебные разбирательства, взыскание морального, материального вреда и т. д.).

Вместе с тем, здоровье не является товаром. Здоровье является конечной целью ряда процессов, из которых надо отметить врожденные особенности организма, которые не всегда легко выявляются, то есть исходный уровень здоровья, условия жизни и труда, условия среды, режим питания, влияющие на уровень здоровья, и текущие изменения, находящиеся во взаимодействии с исходным уровнем здоровья, и только на фоне этих двух процессов возникает болезнь.

Так, срок, развитие и форма течения заболевания во многом зависят от перечисленных же факторов, и только на этой фазе пациент может обратиться за медицинской помощью, будь то профилактический осмотр, выявивший раннюю стадию заболевания, или обращение в связи с выраженным симптомами заболевания. Только на фоне

уже имеющихся особенностей исходного уровня здоровья и текущих факторов, составляющих понятие индивидуальности, врач может проводить лечение.

При этом лечение пациента со сферой услуг тоже относится плохо. Приведем следующий пример — покраска стен или выполнение ремонта, или постройки дома не учитывает поведение заказчика. Таким образом, если, например, в момент постройки дома заказчик работает его же кувалдой, по логичным и понятным причинам вины строителей в этих действиях не будет. Однако с медициной этот принцип несопоставим. Лечебный процесс — это еще и выполнение пациентом предписаний. При таких обстоятельствах необходимо сделать вывод, что применение норм защиты прав потребителей возможно в медицине только условно.

Важно отметить, что сравнение медицины возможно только с процессом обучения, где есть учебный план и приемы обучения. Странно было бы обвинять учителей или тренеров в отсутствии желаемого конечного результата. От тренеров или учителей в данном случае будет требоваться реалистичная оценка состояния ученика (индивидуальности) и действие в соответствии с принятыми приемами обучения, а от ученика — следование наставлениям. В медицине ситуация аналогична. Помимо обязанностей врачей, которые мы еще обсудим, есть и обязанности пациентов, описанные в одном из базовых для здравоохранения федеральных законов [1].

В свою очередь, многие из правозащитников исходят из того, что пациент, болея, испытывает страдание и не может отвечать за негативные исходы лечебного процесса, как бы расплачиваясь за это полученными страданиями, но в таком случае моральные страдания медицинского работника также могут быть достаточной мерой наказания. При этом ответственность человека, спрыгнувшего с моста, за его действия не вызывает сомнений, даже несмотря на все полученные им страдания. Важно отметить, что, когда мы говорим об ответственности медицинского работника, необходимо отталкиваться от ответственности за нарушение принятых норм.

В указанной связи, следует отметить, что вариант негативного результата при соблюдении принятых норм лечения — не может рассматриваться как повод для взыскания. В то же время встает вопрос о нормах, на которые врач может опираться при оказании медицинской помощи. Ответ на этот вопрос нормативно — правовыми актами не раскрывается, в связи с чем остается на усмотрение врача, на какие источники он будет опираться в первую очередь, если не разработано соответствующего медицинского источника кроме сложившейся клинической практики (это могут быть национальные руководства, учебники и монографии). Так, за основу можно взять нормы, закрепленные для осуществления работы судебно-медицинских экспертов. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных [2].

Что может являться нормой лечения в медицинском обществе, где программы обучения и учебные пособия или устарели морально, или написаны без должного контроля со стороны научного же сообщества, исходя из коллегиального братства; встречаются учебные пособия для студентов с упоминанием коммерческих наименований лекарственных средств, а на научных конференциях даже на лекциях, заявленных как учебная программа, в открытую проводится реклама коммерческих продуктов; где учебные программы во многом составляются не из принципов целесообразности, а из принципов коллегиальности научно-педагогического сообщества. При этом, механизм обучения, казалось бы, напрямую связан с формированием тех самых норм, но как мы видим нормы эти продиктованы корпоративными задачами. С другой стороны, клинические рекомендации являются ориентиром для проведения лечебно-диагностического процесса [4]. Таким образом, проведение научно-практических мероприятий без ссылки на порядки оказания помощи по специальностям или клинические рекомендации по заболеваниям не отвечают запросам практических медицинских работников, ибо назначение средств, упомянутых в лекциях, но не внесенных в порядки или клинические протоколы является нарушением качества оказания медицинской помощи (при отсутствии необходимых назначений). В то же время доведение до медицинского сообщества содержания принятых и утвержденных порядков оказания медицинской помощи, а также содержание клинических рекомендаций (протоколов) является задачей как юридических служб медицинских организаций, так и руководителей медицинских организаций и, наконец, задачей самообразования медицинских работников.

Необходимо отметить, что ориентиром в разработке клинических протоколов является официально не принятая доктрина доказательной медицины, при этом в ряде протоколов, уже принятых и одобренных Минздравом РФ, содержатся ложные утверждения, выставлены неверные уровни доказательности, или ссылки на первоисточники не соответствуют заявленным цитатам, что является, с одной стороны, проявлением корпоративного научно-педагогического безразличия, а с другой стороны, «покрыванием своих». Отчасти, подобное является отражением безответственности. Результатом подобной деятельности без каких-либо четких ориентиров и модернизации, является снижение качества обучения и, как следствие, снижение качества медицинской помощи. Но ответственность за оказание помощи несет практическое звено здравоохранения, обучающееся у научно-педагогического медицинского сообщества, нередко в силу традиции возглавляющего в том числе и медицинские организации, не имея при этом организационных навыков в силу совершенно иной системы обучения. Отчасти этим продиктована развивающаяся в последние годы тенденция создания учебных центров при частных медицинских учреждениях.

При этом необходимо отметить, что должностные инструкции, утверждаемые внутри каждой медицинской орг-

ганизации и разрабатываемые на основе имеющихся Квалификационных справочников [5], являются одним из элементов внутренней (в МО) защиты врача, но в то же время зачастую, не воспринимаются ни самими работниками, ни руководством медицинских организаций как документ, требующий серьезного подхода.

При отсутствии должной системы ориентиров врачи могут нести ответственность за действие или бездействие в любом исходе лечебного процесса.

При этом необходимость формирования четких ориентиров во врачебной деятельности, принятых и понятых медицинским сообществом, является необходимым условием правильной трактовки действий медицинских работников. Так, при производстве каких-либо товаров и услуг в сфере потребления в течение многих лет существуют понятия, как ГОСТ (введены в 1992 году [7]) или ТУ (введены в 1995 году [6]). В медицине же аналогичные понятия отсутствуют, а имеющиеся нормативно-правовые акты крайне неоднородны и во многом содержат теории и предположения, а не современное видение подходов к диагностике и лечению.

Так даже в трактовке распространенного, но юридически не существующего термина «врачебная ошибка» существует понятие норм. Среди обязательных критериев для определения наличия «врачебной ошибки» внесенных судебно-медицинским экспертом и учёным Израилем Гамшевичем Вермелем было названо три условия, при наличии которых (всех одновременно), с его точки зрения, должна наступать уголовная ответственность медицинских работников за ненадлежащее лечение:

— медицинский работник в силу полученного образования и занимаемой должности должен был осозна-

вать, что действия его являются неправильными и потому могут причинить вред больному;

— действия медицинского работника в конкретном случае были объективно неправильными, находящимися в противоречии с общепризнанными и общепринятыми правилами медицины;

— эти объективно неправильные действия способствовали наступлению неблагоприятных последствий — смерти больного или причинение существенного вреда его здоровью [8].

Исходя из подобного перечисления условий — получается, что определение объективно не правильных действий медицинских работников не совсем очевидно, на чем основывается. В то же время обязательность и достаточность знаний и навыков перечислена в стандартах профессионального образования и должностных инструкциях, а связь действий и наступивших неблагоприятных последствий лежит в рамках деятельности судебно-медицинских экспертов.

Таким образом, формирование необходимых, современных и качественно разработанных клинических рекомендаций является необходимым условием появления «норм медицинской деятельности», которые будут выступать, как механизмом защиты, так и механизмом определения нарушений в лечебной деятельности. Ввиду большой неоднородности и противоречий в действующих нормативно-правовых актах, регламентирующих работу медицинских организаций, разработка клинических рекомендаций самим медицинским сообществом маловероятна, такой запрос необходимо направить медицинскому сообществу от проверяющих и контролирующих органов.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 ноября. Ст. 27.
2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Парламентская газета. 2001. 2 июня, часть 2 ст. 8.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.05.2017) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
4. Приказ Минздрава России от 10.05.2017 № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Приказ Минздрава СССР от 21.07.1988 № 579 (ред. от 25.12.1997) «Об утверждении квалификационных характеристик врачей-специалистов».
6. Поправка к ГОСТ 2.114-95 «Единая система конструкторской документации. Технические условия» // ИУС «Национальные стандарты». 2006. № 10.
7. Соглашение о проведении согласованной политики в области стандартизации, метрологии и сертификации // Бюллетень международных договоров. 1993. № 4. С. 21–26.
8. Вермель И. Г. Судебно-медицинская экспертиза лечебной деятельности (вопросы теории и практики): учеб. пособие. Свердловск, 1988.

Теоретико-правовые основы реорганизации юридических лиц

Юдин Владимир Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья представляет собой комплексный теоретико-правовой анализ института реорганизации юридических лиц, рассматриваемого в контексте защиты интересов кредиторов. Актуальность исследования обусловлена наличием проблем и споров в правовом регулировании, порождающих правоприменимельные риски. В работе реорганизация рассматривается сложный юридический состав. Проведена систематизация подходов к определению правовой природы реорганизации, а также выявлены противоречия в механизме гарантий прав кредиторов.

Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования процедурных механизмов, а также повышения эффективности судебного контроля за добросовестностью действий участников реорганизации.

Ключевые слова: реорганизация юридического лица, универсальное правопреемство, передаточный акт, разделительный баланс, гарантии прав кредиторов, правоприменимельные риски.

Институт реорганизации юридических лиц занимает центральное место в системе инструментов корпоративного управления, выступая ключевым механизмом адаптации хозяйствующих субъектов к динамике рынка. Несмотря на детальную законодательную регламентацию, теоретическое осмысление его правовой природы остается дискуссионным, а правоприменимельная практика выявляет устойчивые проблемы, связанные с противоречивостью норм и недостаточностью гарантий для третьих лиц.

В цивилистической доктрине под реорганизацией принято понимать особый юридический факт (сложный юридический состав), влекущий прекращение или изменение организационно-правового статуса одного либо нескольких субъектов права с одновременным переходом их прав и обязанностей к иным лицам в порядке универсального правопреемства [5]. Квалифицирующими признаками, отличающими реорганизацию от схожих правовых явлений (ликвидации, создания юридического лица), выступают:

1. Правопреемство универсального характера, означающее переход всей совокупности прав и обязательств (или ее определенной части) к правопреемнику(-ам) как единого целого. Данный признак является системообразующим и предопределяет специфику правового регулирования.

2. Трансформация субъектного состава правоотношений.

3. Легальная обоснованность оснований, подразделяющихся на добровольные (детерминированные корпоративным волеизъявлением) и принудительные (императивно установленные в санкционированных законом случаях) [7].

Правовое регулирование реорганизации в России представляет собой многоуровневую систему. Ее основу формируют нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 57–60), которые устанавливают фундаментальные принципы и определения. Эти общие положения конкретизируются в специальном корпоративном законодательстве: федеральных законах «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Процедурные аспекты, связанные с внесением записей в единый государственный реестр, регламентируются Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [1,2,3,4,6].

Процесс реорганизации — это последовательность пяти взаимосвязанных этапов, образующих единую юридическую процедуру [9].

1. Принятие решения. Процесс инициируется решением уполномоченного органа управления компании (например, общего собрания акционеров или участников). Это решение должно быть легитимным и соответствовать требованиям закона и устава.

2. Уведомление регистрирующего органа. Компания обязана в установленный срок уведомить налоговый орган (ФНС) о начале процедуры реорганизации. Это влечет внесение соответствующей записи в ЕГРЮЛ, что официально публикует информацию о процессе для всех заинтересованных лиц.

3. Информирование кредиторов. Закон возлагает на реорганизуемое юридическое лицо обязанность письменно уведомить всех известных кредиторов, а также дважды опубликовать уведомление в специализированном издании «Вестнике государственной регистрации». Цель этой стадии — обеспечить право кредиторов на защиту своих интересов.

4. Подготовка документов правопреемства. Ключевой этап — это составление передаточного акта (при слиянии, присоединении, преобразовании) или разделительного баланса (при разделении, выделении). Эти документы призваны четко определить, какие именно права и обязанности переходят к каждому правопреемнику. Научная и практическая проблема заключается в том, что законодательство не содержит четких критериев содержания этих документов, что может приводить к их неопределенности.

5. Государственная регистрация. Финальный этап — обращение в регистрирующий орган с полным пакетом документов для государственной регистрации юридических лиц, созданных в результате реорганизации, и/или прекращения деятельности реорганизованных компаний.

Одной из наиболее острых проблем в институте реорганизации остается поиск баланса между гибкостью корпоративных преобразований и защитой интересов кредиторов. Законодатель предусматривает ряд гарантий, однако их эффективность на практике зачастую оказывается ограниченной.

К числу этих гарантий относятся [8]:

– Право кредитора на досрочное исполнение обязательств. Кредитор вправе потребовать досрочного погашения долга или прекращения обязательства с возмещением убытков. Однако сложность доказывания размера убытков на практике снижает эффективность этого инструмента.

– Солидарная ответственность. При разделении или выделении, если разделительный баланс не позволяет определить правопреемника по конкретному обязательству, все вновь возникшие юридические лица несут по нему солидарную ответственность. Эта норма служит мерой защиты, но действует уже после факта возможного нарушения, а не предотвращает его.

– Проблема правовой природы передаточного акта. В науке и на практике отсутствует единое понимание юридической силы передаточного акта и разделительного ба-

ланса. Неясно, являются ли они правоустанавливающими документами или носят лишь вспомогательный, информационный характер. Эта неопределенность создает значительные риски для кредиторов, которые не могут быть уверены в том, к кому именно переходят те или иные обязательства их должника [10].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что реорганизация юридических лиц — это сложный и многосторонний правовой институт, основанный на принципе правопреемства. Несмотря на детальную законодательную регламентацию, в его теоретическом осмыслении и практическом применении сохраняются серьезные проблемы.

Наиболее значимые из них связаны с обеспечением реальной, а не декларативной защиты прав кредиторов. В качестве направлений для совершенствования законодательства можно предложить: установление законодателем четких требований к содержанию передаточного акта, введение механизма независимой оценки имущества, передаваемого правопреемникам, и развитие судебной практики, направленной на пресечение недобросовестных реорганизаций. Дальнейшее изучение этих аспектов необходимо для повышения стабильности и предсказуемости гражданского оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
3. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 33 (часть I). — Ст. 3431.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
5. Габов, А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект) / А. В. Габов. — Москва: Статут, 2014. — 880 с.
6. Гражданское право: учебник: в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. — Москва: ТК Велби, 2008. — Т. 1. — 1008 с.
7. Кашанина, Т. В. Корпоративное право / Т. В. Кашанина. — Москва: Норма, 2017. — 815 с.
8. Козлова, Н. В. Правосубъектность юридического лица / Н. В. Козлова. — Москва: Статут, 2005. — 476 с.
9. Реорганизация и ликвидация юридических лиц по законодательству России и стран Западной Европы / [авт. кол.: В. А. Рахмилович и др.]. — Москва: Юристъ, 2000. — 264 с.
10. Цепов, Г. В. Передаточный акт и разделительный баланс как основания правопреемства при реорганизации / Г. В. Цепов // Законодательство. — 2017. — № 8. — С. 20–28.

Особенности правового регулирования различных форм реорганизации юридических лиц

Юдин Владимир Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу специфики правового регулирования отдельных форм реорганизации юридических лиц в российском законодательстве. Актуальность темы обусловлена практической значимостью реорганизации как инструмента корпоративного управления и наличием существенных различий в процедурных требова-

ниях к ее проведению в зависимости от избранной формы. В работе последовательно рассматриваются особенности слияния, присоединения, разделения, выделения и преобразования. Исследуются специальные процедурные требования, а также вопросы защиты прав кредиторов. На основе проведенного анализа выявляются проблемные аспекты правоприменения и формулируются предложения по совершенствованию корпоративного законодательства.

Ключевые слова: реорганизация, формы реорганизации, правопреемство, слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование.

В современной экономической реальности реорганизация выступает ключевым инструментом реструктуризации бизнеса, позволяя оптимизировать его структуру, повысить конкурентоспособность и адаптироваться к вызовам рынка. Однако единый по своей сути институт реорганизации распадается на несколько форм, каждая из которых обладает собственной правовой спецификой [1]. Недоучет этих особенностей на практике приводит к серьезным правовым рискам, включая оспаривание проведенной реорганизации и нарушение прав кредиторов.

Слияние и присоединение относятся к так называемым консолидирующими формам реорганизации, основной целью которых является укрупнение бизнеса [4]. При слиянии несколько самостоятельных юридических лиц прекращают свою деятельность, и на их базе создается одно новое, к которому и переходят все права и обязанности реорганизованных компаний. Присоединение отличается тем, что одно или несколько юридических лиц прекращают деятельность, передавая все свои активы и обязательства уже существующему обществу [1].

Ключевой особенностью данных форм является универсальное правопреемство, при котором к вновь созданному или продолжающему деятельность обществу переходит весь комплекс прав и обязанностей без исключений [8]. Специфическим процедурным требованием для слияния и присоединения выступает обязанность заключения договора о слиянии или присоединении, который утверждается участниками всех участвующих в реорганизации обществ [2, 4]. Этот договор определяет порядок и условия реорганизации, а также механизм конвертации акций или долей. Кроме того, крупные сделки по слиянию и присоединению часто требуют предварительного согласия антимонопольного органа в целях недопущения ограничения конкуренции [5].

Разделение и выделение, напротив, направлены на дробление бизнеса и относятся к дисперсионным формам реорганизации. При разделении юридическое лицо прекращает деятельность, а его права и обязанности распределяются между вновь созданными компаниями. Выделение характеризуется тем, что из состава действующего юридического лица выделяется одно или несколько новых, при этом исходное общество не прекращает свою деятельность [1].

Правопреемство при этих формах носит сингулярный (частичный) характер. Объем прав и обязанностей, переходящих к каждому новому юридическому лицу, определяется специальным документом — разделительным балансом. Именно неопределенность содержания раз-

делительного баланса является основной проблемой на практике, так как она может использоваться для вывода активов и ущемления прав кредиторов [11]. В качестве важной гарантии законодатель установил солидарную ответственность всех вновь созданных юридических лиц по обязательствам реорганизованной компании, если разделительный баланс не позволяет определить ее правопреемника. Это правило создает дополнительную защиту для кредиторов в условиях дисперсии имущества.

Преобразование представляет собой особую форму реорганизации, при которой юридическое лицо одной организационно-правовой формы прекращает деятельность, а его правопреемником становится вновь созданное юридическое лицо другой организационно-правовой формы [1]. Наиболее распространенными примерами являются преобразование акционерного общества в общество с ограниченной ответственностью и наоборот.

Как и при консолидирующих формах, правопреемство при преобразовании является универсальным: к вновь созданному юридическому лицу переходят все права и обязанности реорганизованного, включая лицензии и иные разрешения специального характера, если иное не установлено законом [6]. Ключевой особенностью преобразования является то, что оно не влечет распыления или консолидации имущества, а меняет лишь «юридическую оболочку» субъекта права. Это обуславливает упрощенный, по сравнению с другими формами, порядок уведомления кредиторов, которые, как правило, не вправе в этом случае требовать досрочного исполнения обязательств [8].

Несмотря на общие этапы реорганизации (принятие решения, уведомление регистрирующего органа, информирование кредиторов), для каждой формы законодатель устанавливает специальные процедурные нюансы. Например, при присоединении этап государственной регистрации касается только прекращения деятельности присоединяемых обществ, а при выделении, напротив, регистрируются только вновь возникающие лица [7].

Зашита прав кредиторов также имеет свою специфику. При консолидирующих формах (слияние, присоединение, преобразование) кредитор имеет дело с одним правопреемником, что снижает риски. При дробящих формах (разделение, выделение) риск неопределенности правопреемника максимален, чем и объясняется введение солидарной ответственности [10]. На практике суды часто встают на сторону кредиторов, признавая разделительный баланс неопределенным, если он не позволяет установить, к кому перешло конкретное обязательство [7].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что каждая из пяти форм реорганизации обладает уникальным комплексом правовых характеристик. Консолидирующие формы (слияние, присоединение) и преобразование основаны на универсальном правопреемстве и требуют заключения специальных договоров или соблюдения особого порядка смены правовой формы. Дробящие формы (разделение, выделение) характеризуются сингулярным правопреемством, определяемым разделительным балансом, и сопровождаются повышенными гарантиями для кре-

диторов в виде солидарной ответственности. Основные проблемы правоприменения по-прежнему связаны с недостаточной определенностью документов о правопреемстве и сложностями в защите прав кредиторов при разделении и выделении. В целях совершенствования законодательства представляется необходимым закрепить в законе более четкие требования к содержанию передаточного акта и разделительного баланса, а также развивать судебные подходы, направленные на пресечение злоупотреблений при реорганизации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
3. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 33 (часть I). — Ст. 3431.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
5. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3434.
6. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 19. — Ст. 2716.
7. Аюшева И. З. Защита прав кредиторов при реорганизации юридического лица: новеллы правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — № 6. — С. 46–50.
8. Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект) / А. В. Габов. — Москва: Статут, 2014. — 880 с.
9. Габов А. В. Порядок осуществления прав кредиторов при реорганизации // Журнал российского права. — 2016. — № 5 (233). — С. 44–54.
10. Долинская В. В. Реорганизация юридических лиц: теоретические и практические проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2014. — № 7. — С. 14–19.
11. Цепов Г. В. Передаточный акт и разделительный баланс как основания правопреемства при реорганизации // Законодательство. — 2017. — № 8. — С. 20–28.

ИСТОРИЯ

Деятельность экспедиций на Таманском полуострове в 1940–1950-х годах

Нетудыхаткин Роман Васильевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Дианова Наталья Федоровна, кандидат культурологии, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье представлена деятельность экспедиций на Таманском полуострове в 1940–1950-х гг. В этот период после оценки ущерба памятникам археологии, нанесенного военными действиями, экспедиционная деятельность по своему характеру становится более обширной в сравнении с довоенными годами, наблюдается рост числа экспедиций и отрядов, расширяется география исследований. Работы охватывали городище Фанагория и его некрополь, городища Патреи, Гермонасса и их окрестности.

Ключевые слова: археология, экспедиция, Таманский полуостров, Краснодарский край.

В годы войны Таманский полуостров находился под немецкой оккупацией, в связи с чем экспедиционная деятельность была приостановлена. Освобождение от немецко-фашистских захватчиков произошло 9 октября 1943 г. В 1944 г. работа по оценке нанесенного ущерба осуществлялась комиссией, в которой состоял Н. В. Анфимов.

Исследования возобновились уже в 1947 г. под руководством М. М. Кобылиной в рамках Фанагорийской экспедиции, организованной Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра и Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Было проведено обследование берегового раскопа, позволившее установить восточные границы Фанагории античного периода. Также в том году были разбиты три новых раскопа у склона Майской горы. Найдены представляли собой фрагменты керамики римского и эллинистического периодов [1, с. 8].

Помимо работ, описанных выше, в Фанагории проводилось исследование раскопа, получившего название Железнодорожный. По свидетельству местного жителя, в 1942 г. во время выполнения земляных работ по сооружению насыпи железной дороги были обнаружены терракотовые статуэтки в виде женских фигур. Данные сведения стали основанием для проведения работ в этом месте. Исследования в этом раскопе выявили наличие мастерской коропласта весьма совершенной техники.

В число задач Фанагорийской экспедиции в полевом сезоне 1947 г. входило также обследование траншей военного времени, показавшее, что рытье этих траншей открыло и повредило ряд каменных гробниц. Всего было

обнаружено семь таких могил, которые А. П. Смирнов датировал XIV–XV вв. [1, с. 26].

В 1948 г. раскопки Фанагории велись на некрополе, а также на верхней и нижней террасах города. При исследовании некрополя было выявлено, что часть могил была разрушена при рытье военных траншей и грабительских лазов. При этом 34 погребения были оценены как более или менее сохранившиеся, из них 16 были датированы II–III вв. до н. э., 6 — первыми веками нашей эры. Оставшиеся могилы, ввиду отсутствия погребального инвентаря, не могли быть датированы. Раскопки небольшой площади на холме «Г» выявили напластование культурных слоев общей мощностью порядка 6,75 м. Характер найденных объектов позволил сделать вывод о том, что в средневековый период здесь находились хозяйствственные постройки, в первые века нашей эры — монументальное здание общественного назначения. На нижнем раскопе была обследована береговая часть, обнаружены следы выборки камня. На северном раскопе произведено исследование восьми культурных слоев. Помимо перечисленных работ, в станице Сенной во время строительных работ был обследован курган (как отмечается, поврежденный немецким блиндажом), а также Н. И. Сокольским произведено дополнительное исследование мастерской терракот, обнаруженной годом ранее [2, с. 4].

Раскопки 1949 г. продолжили изучение холма «Г» и раскопа на берегу залива. На холме продолжалось изучение комплекса, характерного наличием большого количества амфор; был сделан вывод, что комплекс выполнял функции склада. Раскопки на «Северном городке» служили подготовительными к большим работам в Фанагории в

1950 г., было сделано несколько прирезок. В верхних слоях было обнаружено значительное количество архитектурных остатков.

В 1950 г. работы производились на холме «И» (некрополь «И»), расположенному к востоку от холма «Е», исследованного в 1948 г. На данной площади нашли античный некрополь, в общей сложности открыли 57 погребений. В 1951 г. здесь же обнаружили еще 53 могилы разной сохранности. В этом же году исследуется юго-восточная часть города, для чего разбивается небольшой раскоп с целью изучения стратиграфических слоев. Был выявлен район античного периода, имевший ремесленное назначение, на что указывало наличие печи и соответствующий керамический материал: обломки посуды, в том числе бракованной [3, с. 122].

А. С. Башкировым в 1947 г. было проведено обследование городища Патрей, находившегося на территории Фонталовского полуострова, с последующими разведочными работами, включавшими ввиду финансовых и прочих затруднений лишь топографическую фиксацию с установлением северной и южных границ поселения и сбором подъемного материала, а также стратиграфические исследования в местах береговых обрушений. Установление западной и восточной границ планировалось провести в 1948 г.

В 1948 г. была организована очередная экспедиция в Патрей, в ходе которой исследован комплекс и винодельня, обнаруженная и занесенная на карту годом ранее. При дальнейшем исследовании винодельни были также обнаружены пять давильных площадок для винограда и установлено, что винодельня являлась частью комплекса.

В 1950 г. был обнаружен клад монет в эллинистическом слое прибрежного раскопа Патрейского городища, состоявший из 82 бронзовых монет эпохи Митридата VI Евпатора. В 1951 г. был найден еще один клад из 397 бронзовых монет IV в. до н. э. в позднеантичном слое. Монеты находились в яйцевидном сосуде и были замурованы в стене [4, с. 119].

В 1951 г. В. Д. Блаватский возглавил Синдскую экспедицию. Продолжались работы, начатые в 1950 г. в окрестностях станицы Тамань. В составе экспедиции действовали четыре отряда — под руководством И. Б. Зеест, Т. В. Блаватской, Д. Б. Шелова и самого В. Д. Блаватского, — занимавшиеся исследованиями древних поселений и могильников.

Деятельность отряда В. Д. Блаватского велась на поселении, разведочными мероприятиями был собран подъемный материал античного и средневекового периодов. Проведенные раскопки на площади первого раскопа выявили всего один культурный слой. Далее исследовали второй и третий раскопы, нашли три культурных слоя и выполнили их датировку: первый — I-II вв. н. э., второй — III-IV вв. н. э., третий — средневековое время. Разбив и исследовав площадь еще одного, четвертого раскопа, выявили один культурный слой, указывающий на

то, что напластования античного и раннесредневекового времени были перерыты в тмутараканский период. Полученные при исследовании материалы позволили сделать вывод о сельскохозяйственном назначении поселения. Пятый раскоп был организован для исследования погребения человека с конем. Найденный инвентарь (бальзамарий) был датирован первыми веками нашей эры. Отряд Д. Б. Шелова осуществил разведки и раскопки в нескольких небольших поселениях в окрестности Германассы. В числе других памятников было исследовано поселение, расположенное к западу от Цокурского лимана и названное Западно-Цокурским. Раскопки носили охранный характер, так как находившийся там глинодобывающий карьер местами уничтожил и повредил культурный слой. Работы проводились в разрушающей части поселения, наибольшая мощность выявленного культурного слоя составила 2,8 м. Выявленные культурные слои удалось датировать:

- самый ранний, не содержащий строительных остатков, датировали IV в. до н. э.;
- эллинистический, содержащий развалины каменной стены, датировали III-II вв. до н. э.;
- слой сарматского периода, содержащий большое количество керамического материала, датировали I в. до н. э. — IV в. н. э. [5, с. 159].

Отряд И. Б. Зеест провел раскопки на некрополе в мысе Тузла. В ходе раскопок были исследованы три склепа, лишь один из них оказался в сохранности, достаточной для описания его конструкции. Все склепы были датированы I-II вв. н. э.

В 1952 г. Синдский отряд экспедиции под руководством В. Д. Блаватского продолжил исследование сельскохозяйственной территории Боспорского царства. Работы велись силами трех отрядов: первый производил раскопку двух не исследованных ранее поселений и продолжал работы на некрополе в окрестности Суворовского поселения, второй продолжал раскопки поселения неподалеку от Цокурского лимана, третий производил разведочные работы в восточных, юго-восточных и западных окрестностях станицы Тамань. В 1953 г. продолжалось изучение северо-западной части Синдики. Раскопками некрополя, находившегося южнее Суворовского поселения, были выявлены четыре погребения, датируемых от IV в. до н. э. до сарматского периода. Впервые было проведено исследование четырех поселений: Восточно-Карабетова, Пятиколодезное, Десятый километр и Двенадцатый километр.

Основные работы проводились на территории поселения Пятиколодезное. Были разбиты четыре раскопа некрополя на склонах холмов. В общей сложности было обнаружено 13 захоронений, датируемых от VI в. до н. э. до первых веков нашей эры. В это же время неподалеку от раскопок некрополя были исследованы еще три площади раскопов для выявления поселения, относящегося к данному погоду. Результаты исследований выявили шесть культурных напластований, позволивших установить пе-

риод существования этого поселения — с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Обнаруженные постройки, такие как винодельня, сооружались в основном из камня, также в строительстве употреблялся сырцовый кирпич. Характер находок позволил сделать вывод о том, что жители зани-

мались сельским хозяйством, виноделием, рыбной ловлей и гончарным делом [6, с. 118].

Таким образом, исследования, проведенные в 1940–1950-х гг., позволили сделать множество открытий, связанных с жизнью древних городов и поселений.

Литература:

1. Отчет. Фанагорийская экспедиция 1947 г. // Научный архив Института Археологии РАН (НА ИА РАН). Ф-1, Р-1, № 150. Л. 1–56.
2. Отчет о раскопках в Фанагории в 1948 г. // Научный архив Института Археологии РАН (НА ИА РАН). Ф-1, Р-1, № 253. Л. 1–64.
3. Кобылина, М. М. Раскопки в Фанагории / М. М. Кобылина. — Текст: непосредственный // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — 1953. — № 51. — С. 122–127.
4. Мец, Н. Д. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1945–1952 гг.) / Н. Д. Мец. — Текст: непосредственный // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — 1953. — № 52. — С. 113–120.
5. Шелов, Д. Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани / Д. Б. Шелов. — Текст: непосредственный // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — 1953. — № 51. — С. 159–165.
6. Блаватский, В. Д. Четвертый год работы в Синдике / В. Д. Блаватский. — Текст: непосредственный // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — 1957. — № 70. — С. 118–129.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Архитектура региональной безопасности Юго-Восточной Азии

Рожков Иван Михайлович, студент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Настоящая статья посвящена изучению системности противоречий в Юго-Восточной Азии. В рамках исследования было выявлено, что Китай и США используют внутрирегиональные проблемы для укрепления своих геополитических позиций. Также было определено, что Бруней, Мьянма, Камбоджа и Лаос придерживаются китайской стороны противостояния, а Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Таиланд, Индонезия и Сингапур — американской. Тем временем АСЕАН выступает лишь диалоговой площадкой для разрешения споров.

Ключевые слова: АСЕАН, Китай, США, терроризм, Юго-Восточная Азия, Южно-Китайское море.

Southeast Asia's Regional Security Architecture

This article is devoted to the study of the systemic nature of the contradictions in Southeast Asia. The study revealed that China and the United States are using intraregional issues to strengthen their geopolitical positions. It was also determined that Brunei, Myanmar, Cambodia, and Laos are aligned with the Chinese side of the conflict, while Vietnam, the Philippines, Malaysia, Thailand, Indonesia, and Singapore are aligned with the American side. Meanwhile, ASEAN serves as a platform for dialogue and dispute resolution.

Keywords: ASEAN, China, USA, terrorism, Southeast Asia, South China Sea.

Юго-Восточная Азия в условиях действующей системы международных отношений представляет собой крайне противоречивый регион. Безусловно, это быстроразвивающийся центр глобальных торговли и производства, однако усугубление гражданской войны в Мьянме и пограничный конфликт Камбоджи и Таиланда в 2025 г., а также реакция стран АСЕАН на эти события показали мировой общественности, что архитектура региональной безопасности Юго-Восточной Азии является сложным конструктом с участием внешних игроков.

Данное исследование проводится в рамках системного подхода, чтобы выявить конфигурацию сил и архитектуру региональной безопасности в Юго-Восточной Азии со всеми взаимосвязями, которые там присутствуют. В связи с тем, что темы недавнего конфликта Таиланда и Камбоджи и обострения войны в Мьянме недостаточно изучены, ключевыми предметами анализа расстановки сил в регионе стали спор в Южно-Китайском море, экономическая и политическая экспансия Китая и США, терроризм в исламских государствах, а также попытки АСЕАН независимого и нейтрального решения региональных споров. В результате исследования сделан вывод о си-

стемности противоречий в Юго-Восточной Азии, а выявленные тенденции сгруппированы в виде схемы.

Конфликт, связанный с разграничением территориальных вод в Южно-Китайском море (ЮКМ), уже более полувека является главной причиной разногласий в регионе. Три района ЮКМ считаются зонами международных споров: континентальный шельф Тонкинского залива, Парасельские острова и острова Спратли. Первые две территории — причина длительного конфликта Китая и Вьетнама. В Тонкинском заливе КНР ведет исключительно экспансионистскую военную политику. Так, например, в 2017 г. Вьетнам был вынужден прекратить бурение нескольких нефтяных месторождений на шельфе из-за давления КНР. В 2020 г. китайские корабли вновь появились в территориальных водах Вьетнама [8, с. 155]. На Парасельских островах ситуация аналогична. По данным американской разведки, Китай оккупировал крупнейший остров вьетнамской островной цепи — о. Вуди — и разместил там новейшие истребители J-11 и JH-7 [9, с. 19]. В территориальном конфликте на островах Спратли замешаны, вдобавок к Китаю и Вьетнаму, еще Филиппины, Малайзия и Бруней. Начало конфликту в этом районе положило малайско-индонезийское соглашение о разграничении

континентального шельфа. Этот шаг затронул интересы Филиппин, Вьетнама и Брунея. Объектами спора стали острова, занятые филиппинцами (о. Терумбу Лаксамана) и вьетнамцами (о. Пулау Амбойна Кечил), а также часть брунейской рыболовной зоны. Китай же предпринимает попытки по созданию искусственных островов в районе архипелага Спратли, где строит инфраструктуру — сеть контроля над ЮКМ, что и является причиной претензий на эту островную цепь.

Для Китая принадлежность Южно-Китайского моря — вопрос национальной безопасности, поскольку именно через ЮКМ идет 40 % от общего объема торговли этой страны. В Южно-Китайском море сосредоточены богатые залежи природных ресурсов: нефти, природного газа и минералов. Здесь добывается не менее 8 % объема мировой добычи рыбы [4]. В 2016 г. Арбитражный суд в Гааге, инициированный Филиппинами, постановил, что Китай не имеет исторических прав на спорные территории. Однако, как показывают события, КНР продолжает пренебрегать международным правом, в частности Конвенцией ООН 1982 г. по морскому праву.

Из-за китайской экспансии страны Юго-Восточной Азии стремятся выработать единую позицию по действиям КНР в регионе. Для Вьетнама и Филиппин вопрос территориальной принадлежности островов в этой акватории — узловая проблема обеспечения региональной безопасности. Как итог, эти государства рассматривают Китай в качестве агрессора. Малайзия и Бруней, несмотря на прямую вовлеченность в противоречия по ЮКМ, исторически придерживались более сдержанной позиции, поэтому сейчас также избегают открытой критики Пекина. Аналогично придерживается нейтральной позиции Лаос, для которого укрепление взаимодействия с КНР входит в число ключевых приоритетов внешней политики. Камбоджа, стремясь сохранить стратегическое сотрудничество с КНР, блокирует заявления, так или иначе осуждающие действия Китая. Индонезия, Сингапур и Таиланд, не являясь прямыми участниками спора, считают необходимым мирное урегулирование противоречий на основе Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, при этом поддерживая военное присутствие США в регионе.

Соединенные Штаты резко отреагировали на действия Китая. В 2022 году на саммите в Мадриде тогдашний генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил, что альянсу надо быть более активным в Индо-Тихоокеанском регионе, поскольку теперь угрозы НАТО исходят из Южно-Китайского моря [11]. Американский проект Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) предполагает коалицию стран, целью которых является сдерживание Китая. Камбоджа, Лаос, Бруней и Мьянма отказались обсуждать эту инициативу в рамках АСЕАН, не желая ставить под угрозу стратегические выгоды от сотрудничества с КНР; тем временем Индонезия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Малайзия

и Филиппины, наоборот, выступили в поддержку данного проекта. Такая расстановка сил вполне понятна: США состоят в двусторонних военных союзах с Таиландом и Филиппинами, а с Малайзией, Сингапуром и Вьетнамом ведут тесный военно-технический диалог.

Ситуация в регионе складывается так, что США пытаются сдерживать влияние Китая. На момент 2018 г. американские прямые инвестиции в Юго-Восточную Азию достигли 329 млрд долл., что превышает суммарный объем вкладов в Японию, Китай, Индию и Южную Корею. Тем не менее основным торговым партнером стран АСЕАН является Китай: торговый оборот между ними достиг 591 млрд долл., что уже не идет в сравнение со 272 млрд долл. торгового оборота США со странами региона [7, с. 341]. Огромное влияние Китая в регионе отражается и на результатах опросов общественного мнения среди граждан стран Юго-Восточной Азии. Так, по данным опроса, проведенного сингапурским Институтом исследования Юго-Восточной Азии в 2019 г., на вопрос «Какая страна оказывает наибольшее экономическое влияние на страны ЮВА?» 73,3 % реципиентов ответили «Китай», в то время как только 7,9 % проголосовали за США [7, с. 342].

Осознавая экспансию Китая в регионе, США под предлогом борьбы с терроризмом активизировали свое присутствие в Юго-Восточной Азии. К тому же сами страны АСЕАН признают свою неспособность предотвратить распространение радикального исламизма. Согласно данным Global terrorism index, четыре государства АСЕАН входят в топ-30 самых террористически нестабильных: Мьянма, Филиппины, Индонезия и Таиланд [10]. В Юго-Восточной Азии активно действуют террористические группировки, члены которых воруют людей, совершают ограбления и даже захватывают города. В Индонезии 19 группировок связаны с ИГ¹, в Малайзии — 5, на Филиппинах — 3 [1]. Все они ведут свою историю с середины XX в., когда началось движение за независимость против западной системы; в итоге они радикализировались и превратились в террористические группировки. Регион поделили на четыре мантика: первый (Сингапур и Малайзия) и четвертый (Австралия) занимаются вопросами финансирования, третий (восточная часть Малайзии, остров Сулавеси, Филиппины и остров Калимантан) — обучением боевиков, второй (Индонезия) — террористической деятельностью. Ключевая цель террористических группировок — создание халифата в государстве с самым большим количеством мусульманского населения — Индонезии. Сама Индонезия около 30 лет боролась с радикальными исламистами в провинции Ачех, Таиланд до сих пор воюет с исламистской Объединенной организацией освобождения Патани, а в 2017 г. на Филиппинах «Мауте» и «Абу Сайяф» захватили часть острова Минданао и на несколько месяцев закрепились в городе Марави. В том же 2017 г. на

¹ Запрещенная на территории Российской Федерации организация.

Юго-Восточную Азию пришлась третья часть всех террористических атак в мире.

В вопросах противодействия угрозе радикального исламизма государства АСЕАН сделали ставку на развитие взаимодействия с США. Как результат, Соединенные Штаты построили новые военные базы в Сингапуре и Малайзии, укрепили базу на Филиппинах, а Вьетнам передал американцам военную базу в Камрань — одном из лучших глубоководных портов мира.

Внешнеполитическая ситуация складывается неблагоприятно для стран АСЕАН, которые оказались вовлечены в борьбу великих держав за влияние в Азии. Одни явно склоняются в сторону Китая, другие, наоборот, выражают поддержку США, что, безусловно, подрывает целостность организации. Ассоциации необходимо сохранять нейтралитет и демонстрировать свою независимость в решении региональных проблем. Согласно Хартии АСЕАН, ключевой механизм урегулирования конфликтных ситуаций — диалог, консультации и переговоры [5, с. 88]. Ассоциации уже удалось разрешить часть пограничных споров, в частности за счет деятельности совместных комитетов: Малайзия-Таиланд, Малайзия-Индонезия, Малайзия-Филиппины, Филиппины-Индонезия. Однако

в той же Хартии отсутствуют положения о санкционных механизмах в отношении тех членов Ассоциации, которые не соблюдают правила «Пути АСЕАН» (невмешательство во внутренние дела других государств, уважение суверенитета и территориальной целостности, отказ от применения силы, мирное урегулирование споров [2, с. 156]) и допускают нарушения прав человека на своей территории. Таким образом, у АСЕАН нет прямых рычагов давления, например, на власти Камбоджи и Таиланда в их пограничном споре, а также на руководство Мьянмы в их внутригосударственном конфликте. В итоге страны АСЕАН в большинстве случаев остаются в стороне от реального разрешения конфликтов, а Китай и США, пользуясь сложившейся ситуацией, наращивают свое влияние в регионе под различными предлогами.

Архитектуру безопасности Юго-Восточной Азии можно представить в виде схемы (рис. 1), где Соединенные Штаты и КНР делят регион на два блока и используют местные проблемы (терроризм, демаркация границ и др.) в целях собственного доминирования. АСЕАН же как блок занимает нейтральную позицию и является диалоговой площадкой для урегулирования вопросов безопасности.

Рис. 1. Схема архитектуры безопасности Юго-Восточной Азии

Литература:

1. Радикальный исламизм в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/extremism-asean?ysclid=mduqyng0sx445766996> (дата обращения 26.08.2025).
 2. Никифоров, И. А. ACEAH как сообщество безопасности: проблемы теоретического осмысления / И. А. Никифоров // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2018. — № 10 (3). — С. 154–174.

3. Мьянманский кризис как испытание на прочность: что ждет АСЕАН? [Электронный ресурс] // РСМД, — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myanmanskiy-krizis-kak-ispytanije-na-prochnost-chto-zhdet-asean/?ysclid=mdur2hz93n945548206> (дата обращения 26.08.2025).
4. Милославская, Т. П. Бруней в территориальных спорах. / Т. П. Милославская // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2012. — № 19. — С. 224–233.
5. Королев, А. С. Переосмысление опыта построения сообществ безопасности кейс АСЕАН / А. С. Королев // Международные процессы. — 2019. — № 3 (58). — С. 80–98.
6. Лоссовский, И. Е. Формирование стратегий национальной и региональной безопасности в юго-восточной Азии / И. Е. Лоссовский // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2012. — № 4 (20). — С. 16–23.
7. Рогожина, Н. Г. Региональная безопасность в Юго-Восточной Азии в контексте американского проекта «Индо-Тихоокеанский регион» / Н. Г. Рогожина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. — 2020 — № 12 (4). — С. 338–353.
8. Мосяков, Д. В. Тупики вьетнамо-американских отношений / Д. В. Мосяков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — № 4 (4 (53)). — С. 147–157.
9. Зеленова, И. В. «Малаккская дилемма» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии / И. В. Зеленова // Азия и Африка сегодня. — 2017. — № 1. — С. 16–20.
10. Global terrorism index [Электронный ресурс] // Vision of humanity. — URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения 26.08.2025).
11. Лавров: НАТО хочет передвинуть линию обороны альянса к Южно-Китайскому морю [Электронный ресурс] // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20220425/lavrov-1785416839.html?ysclid=mezyk46p32148149273> (дата обращения 26.08.2025).

СОЦИОЛОГИЯ

Тенденции и перспективы социализации иностранных студентов в российских вузах в условиях интенсификации экспорта образования

Аль-Шахдани Суфьян Аднан Хамид, соискатель
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются тенденции и перспективы социализации иностранных студентов в российских вузах в условиях интенсификации экспорта образования. Актуальность темы обусловлена растущим числом иностранных студентов, обучающихся в России, и необходимостью их успешной интеграции в образовательную среду. Социализация иностранных студентов является многогранным процессом, включающим адаптацию к новым культурным и социальным условиям, развитие межкультурных коммуникаций и формирование профессиональных связей. В статье анализируются основные факторы, влияющие на социализацию иностранных студентов, включая языковые барьеры, культурные различия и поддержку со стороны вузов. И рассматриваются современные тенденции, такие как создание международной среды в учебных заведениях, развитие программ поддержки и интеграции, а также использование цифровых технологий для улучшения взаимодействия. Также статья посвящена перспективам социализации иностранных студентов, включая возможности карьерного роста и труда в России, и важности социальной ответственности вузов за успешную адаптацию студентов. В заключение подводятся итоги исследования, акцентируется внимание на значении социализации для формирования положительного опыта обучения и жизни иностранных студентов в России.

Ключевые слова: образовательные услуги, экспорт образования, российские вузы, иностранные студенты, международные сообщества, социализация, тенденции, перспективы социализации, интенсификации.

Введение

Определение образовательного экспорта. Образовательный экспорт подразумевает обмен образовательными услугами и продуктами через международные границы, включая предоставление образовательных услуг иностранным студентам, экспорт образовательных программ, а также инвестиции в образовательные учреждения за рубежом. В последние десятилетия наблюдается значительное увеличение числа иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Этот процесс обусловлен как растущей привлекательностью российского образования, так и глобальными тенденциями в сфере международной мобильности студентов. Россия, обладая богатым культурным наследием и высоким уровнем образовательных стандартов, становится все более востребованной среди молодежи из разных стран. Однако успешная интеграция иностранных студентов в образовательную среду требует внимательного подхода к вопросам их социализации. [1] Социализация иностранных студентов включает в себя множество аспектов, таких как адаптация к новым культурным условиям, преодоление языковых барьеров и формирование социальных связей как внутри учебного заве-

дения, так и за его пределами. Успешная социализация не только способствует улучшению образовательного опыта студентов, но и играет ключевую роль в их личностном развитии и профессиональной реализации. В условиях интенсификации экспортования образования перед российскими вузами стоит задача создания благоприятной среды для иностранных студентов. Это включает в себя разработку программ поддержки, активное вовлечение студентов в культурные и социальные мероприятия, а также использование современных технологий для улучшения коммуникации и взаимодействия. Важность этих аспектов становится особенно актуальной в свете глобальных изменений, вызванных пандемией COVID-19 и переходом на дистанционное обучение. [2] Цель данной статьи — проанализировать тенденции и перспективы социализации иностранных студентов в российских вузах, выявить ключевые факторы, влияющие на этот процесс, а также предложить рекомендации для повышения эффективности интеграции студентов в образовательную среду. Понимание этих аспектов позволит не только улучшить качество образования, но и укрепить международные связи России с другими странами, способствуя развитию взаимопонимания и культурного обмена. [3]

Тенденции социализации иностранных студентов в российских вузах в условиях интенсификации экспорта образования

На протяжении последнего десятилетия прослеживается отчетливая тенденция значительного увеличения численности иностранных студентов в российских вузах: с 282 тыс. иностранных студентов в 2013/2015 учебном году до 395 тыс. в 2023/2024 году. Проиллюстрируем это на рис. 1.

При этом целевые показатели международного сотрудничества в сфере образования на ближайшие годы составляют 500 тыс. В последние годы Россия становится все более привлекательной страной для иностранных студентов, что связано с интенсификацией экспорта образования. Это явление порождает новые тенденции в социализации иностранных студентов, которые требуют внимательного изучения. [4]

1. Увеличение потока иностранных студентов: Согласно данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, количество иностранных студентов в российских вузах значительно возросло. Это связано как с качеством образования, так и с доступностью образовательных программ. Вузы предлагают различные программы на английском языке, что делает обучение более доступным для студентов из других стран. В результате, студенты из стран СНГ, Азии, Африки и Латинской Америки все чаще выбирают российские университеты для получения высшего образования. [5]

2. Создание международных сообществ: в российских вузах активно формируются международные студенческие сообщества, которые объединяют студентов из разных стран. Эти сообщества становятся платформами для обмена опытом и культурой, что способствует более

быстрой социализации иностранных студентов. В таких группах студенты могут делиться своими впечатлениями о жизни в России, обсуждать учебные вопросы и организовывать совместные мероприятия.

3. Роль технологий: Современные технологии играют важную роль в социализации иностранных студентов. Социальные сети и мессенджеры позволяют студентам поддерживать связь с родными и друзьями на родине, а также находить единомышленников среди своих сверстников в России. Онлайн-платформы для общения и обучения помогают студентам преодолевать языковые барьеры и находить информацию о жизни в России.

4. Перспективы развития: в условиях глобализации и роста конкуренции на рынке образовательных услуг Россия должна продолжать развивать свои программы для иностранных студентов. Это включает в себя не только улучшение качества образования, но и создание комфортной социальной среды для учащихся. Важно учитывать культурные особенности различных стран и предлагать индивидуализированные подходы к социализации. [6]

Социализация иностранных студентов в российских вузах — это многогранный процесс, который требует комплексного подхода со стороны образовательных учреждений. Успешная интеграция студентов не только способствует их личностному развитию, но и укрепляет международные связи, что в свою очередь обогащает культурное разнообразие России. [7] В условиях интенсификации экспорта образования необходимо продолжать работу над созданием благоприятной социальной среды для иностранных студентов, что станет залогом успешного будущего как для самих студентов, так и для российской системы образования в целом.

Рис. 1. Количество иностранных студентов в российских вузах, 2013–2025 гг.

Перспективы социализации иностранных студентов в российских вузах в условиях интенсификации экспорта образования

В условиях усиления санкций и прекращения сотрудничества с западными странами Россия подчеркивает значимость экспорта высшего образования и расширяет взаимодействие с государствами «мирового большинства». Целевые показатели по экспорту высшего образования продолжают расти, и в Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и перспективу до 2036 года», принятом в мае 2024 года, обозначена цель увеличить количество иностранных студентов в российских вузах до 500 тысяч к 2030 году.

Обсуждая проблему экспорта образования как услуги, следует отметить важное отличие этой деятельности от общей политики интернационализации образования. Экспорт образования, осуществляемый развитыми странами, может преследовать различные цели, такие как содействие развитию, формирование позитивного имиджа страны, подготовка специалистов для более эффективного сотрудничества с их родными странами и привлечение талантов. [8] В то же время экспорт образования как услуги имеет ярко выраженное экономическое обоснование, целью которого является получение прибыли и привлечение дополнительных средств в экономику и образовательную систему страны, проводящей такую политику.

В последние годы Россия активно развивает свои образовательные программы для иностранных студентов, что связано с растущим интересом к российскому высшему образованию на международной арене. [9] С увеличением числа иностранных студентов, которые выбирают российские вузы для получения образования, возникает необходимость в изучении процессов их социализации. Социализация иностранных студентов — это многогранный процесс, который включает в себя адаптацию к новой культурной среде, взаимодействие с местными студентами и преподавателями, а также интеграцию в образовательный и социальный контексты. [10] Процесс социализации иностранных студентов в российских вузах в условиях интенсификации экспорта образования имеет свои уникальные перспективы. Вот некоторые из них:

1. Формирование профессиональных связей: Учеба в российском вузе предоставляет возможность для создания профессиональных контактов, которые могут быть полезны в будущем. Иностранные студенты могут завести знакомства с местными специалистами, что может способствовать их карьерному росту как в России, так и в их родных странах. [11]

2. Адаптация к новой образовательной среде: Процесс социализации включает в себя адаптацию к российской системе образования, особенностям учебного процесса и взаимодействию с преподавателями и студентами. Это помогает иностранным студентам не только успешно учиться, но и развивать навыки критического мышления

и самостоятельности. Это предотвращает возникновение любых форм маргинализации и социальной изоляции.

3. Кросс-культурное взаимодействие: Иностранные студенты имеют возможность взаимодействовать с представителями различных культур и национальностей. Это способствует обмену опытом, расширению кругозора и формированию толерантности, что является важным аспектом в глобализированном мире. Межкультурное взаимодействие — весомый показатель качества образовательных программ и стратегических планов, направленных на поддержку интеграции и социальной адаптации иностранных студентов в российских университетах. Это взаимодействие не только обогащает студенческий опыт, но и способствует налаживанию взаимопонимания и межкультурного сотрудничества. [12]

4. Развитие языковых навыков: Общение на русском языке в учебной и социальной среде способствует улучшению языковых навыков иностранных студентов. Это не только помогает им в учебе, но и открывает новые возможности для общения и интеграции в российское общество. Это хорошо, когда иностранцы общаются друг с другом на русском языке, так как это укрепляет навыки иностранных студентов на внутреннем уровне и способствует популяризации русского языка на международной арене. Русский язык является одним из важнейших языков в мире, и общее число говорящих на нём как на родном, так и на втором языке составляет около 258 миллионов человек по всему миру, что делает его восьмым по распространённости языком в мире. [13]

5. Участие в культурных мероприятиях: Российские вузы часто организуют культурные мероприятия, фестивали и конкурсы, которые позволяют иностранным студентам погрузиться в русскую культуру. Участие в таких событиях способствует лучшему пониманию традиций и обычаяев страны. Использование визуальных и аудиоматериалов в культурных мероприятиях действительно может обогатить опыт студентов, позволяя им лучше понять культуру и образовательные возможности страны. [14] Это также способствует распространению информации о России среди иностранных студентов и может помочь привлечь большее количество желающих учиться в стране. Концепция «мягкой силы» подразумевает использование культурных и образовательных ресурсов для создания положительного имиджа и влияния на других.

6. Создание международных сообществ: в вузах формируются международные студенческие сообщества, которые помогают иностранным студентам находить единомышленников, делиться опытом и поддерживать друг друга в процессе адаптации. [15] Создание инклюзивной среды обучения, способствующей обмену идеями и опытом, может существенно способствовать успеху иностранных студентов, позволяя им чувствовать себя частью академического сообщества. Эти программы также повышают способность студентов адаптироваться к новой среде, что приводит к улучшению академических результатов и развитию их социальных навыков.

7. Поддержка со стороны университета: Университеты должны активно поддерживать иностранных студентов на всех этапах их обучения. Это может включать создание специализированных центров по работе с иностранными студентами, где они смогут получить информацию о жизни в России, учебном процессе и возможностях трудоустройства. Психологическая поддержка также играет важную роль: многие студенты могут испытывать стресс из-за разницы в культуре и языке, поэтому наличие психологов или консультантов поможет им справиться с трудностями. [16]

Эти перспективы подчеркивают важность процесса для иностранных студентов, помогая им не только успешно учиться, но и интегрироваться в новое общество, обогащая их личный и профессиональный опыт.

Заключение

Изменение международной обстановки вокруг России в период с 2013 по 2025 год оказало положительное влияние на численность иностранных студентов в российских вузах. Наблюдается устойчивый рост числа иностранных студентов, что свидетельствует о качестве образовательных программ и разработанных стратегических планах по успешной интеграции и социальной адаптации иностранных студентов. Этому также способствует сохраняющийся уровень внешней академической мобильности и общая численность иностранных аспирантов. Со-

циализация иностранных студентов в российских вузах в условиях интенсификации экспорта образования представляет собой многогранный процесс, который требует комплексного подхода и внимания со стороны образовательных учреждений. Тенденции, наблюдавшиеся в последнее время, свидетельствуют о растущем интересе к российскому образованию на международной арене, что создает новые возможности для культурного обмена и интеграции студентов из разных стран. Перспективы социализации иностранных студентов зависят от создания комфортной образовательной среды, активного вовлечения студентов в университетскую жизнь и развития программ поддержки, направленных на преодоление языковых и культурных барьеров. Важно также учитывать индивидуальные потребности студентов, предлагая разнообразные формы взаимодействия, такие как клубы по интересам, волонтерские проекты и культурные мероприятия.

Таким образом, успешная социализация иностранных студентов в российских вузах не только способствует их академическим достижениям, но и формирует положительный имидж страны как образовательного центра. Это, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему развитию экспорта образования и укреплению международных связей. В конечном итоге, создание благоприятных условий для социализации иностранных студентов станет важным шагом к формированию многонационального и культурно разнообразного академического сообщества.

Литература:

1. Фатх ар-Рахман Юсеф. Пандемия привела к увеличению инвестиций в электронное обучение в Саудовской Аравии — Запуск системы, отвечающей требованиям академических учреждений и образовательной системы, Газета «Ашарк аль-Аусат». 2020г. [https://aawsat.com/home/article/2348586/ %D8% A7%D9%84%D8%AC%D8%A7%D8% A6%D8%AD%D8%A9-%D8%AA%D8%AD%D9%81%D8%B2-%D8%AA%D9%83%D8%AB%D9%8A%D9%81-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%AB%D9%85%D8%A7%D8%B1-%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B9%D9%84%D9%8A%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%84%D9%83%D8%AA%D8%B1%D9%88%D9%86%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%B9%D9%88%D8%AF%D9%8A?page=8">https://aawsat.com/home/article/2348586/ %D8% A7%D9%84%D8%AC%D8%A7%D8% A6%D8%AD%D8%A9-%D8%AA%D8%AD%D9%81%D8%B2-%D8%AA%D9%83%D8%AB%D9%8A%D9%81-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%AB%D9%85%D8%A7%D8%B1-%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B9%D9%84%D9%8A%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%84%D9%83%D8%AA%D8%B1%D9%88%D9%86%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%B9%D9%88%D8%AF%D9%8A?page=8](https://aawsat.com/home/article/2348586/)
2. Абдулсемедова Г. М., Карагаева Г. Е. Этапы современной реформы государственного финансирования учреждений высшего образования в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2017. № 2 (16). С.5–9.
3. Национальный фонд развития Королевства Саудовская Аравия 2025г. <https://ndf.gov.sa/ar/the-connection-between-export-and-the-national-economy/>
4. Погорельская А. М., Дериглазова Л. В. Экспорт российского высшего образования как услуги: инструменты и текущие результаты// Высшее образование в России. 2024г. № 10. С. 106–123
5. Николаев В. К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022. № 3 С. 149–166
6. Сулейманова О. А., Щепилова А. В., Беклемешева Н. Н., Фомина М. А. Прагматическая адаптация контента сайта университета как средство мотивации адресата // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкоизнание. 2017. Т. 16. № 4. С. 137–149.
7. Иноземцева К. М. Интернационализация высшего профессионального образования в России: языковая политика // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 145–152.
8. Минаева Е. А. Мобильность студентов и экспорт образования во время и после пандемии: вызовы и прогнозы // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. 05.06. № 4. С. 90–95.

9. Запесоцкий А. Платное образование — не услуга, студент — не клиент // Высшее образование в России. 2002. № 2. С. 48–50.
10. Гаджиев Н. Г. Современные подходы к финансированию образовательных программ вуза // Вестн. АГТУ: Сер. Экономика. 2016. № 2. С. 7–12.
11. Инструкции и условия подачи заявок на программу учебных грантов для Высшей комиссии по развитию образования в Ираке / Высшая комиссия по развитию образования в Ираке — Министерство высшего образования и научных исследований Ирака. 2025г. <https://hced.ur.gov.iq/terms-and-conditions>
12. Михайленко О. И. Проблемы адаптации иностранных студентов-психологов и педагогов к учебе в российском вузе (на примере КБГУ) // Актуальные вопросы современного образования: сборник научных трудов. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-adaptatsii-inostrannyh-studentov-psihologov-i-pedagogov-k-uchebeye-v-rossiyskom-vuze-na-primere-kbgu> (дата обращения: 07.12.2024).
13. Петрова Т. Ю., Арсенова М. А. Проблема влияния социально-психологического климата в педагогическом коллективе на организацию образовательного процесса. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2013. С. 168–170.
14. Савицкая Е. В. Результаты и перспективы международного сотрудничества в сфере образования // Россия: тенденции и перспективы развития, С.582–584, г.2015.
15. Г. П. Иванова, Н. Н. Ширкова, О. К. Логвинова. Иностранный студент в российском вузе // Монография 2022.
16. Русскоязычные. Википедия, свободная энциклопедия. 13 сентября 2025 г. <https://ar.wikipedia.org/wiki/%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%88%D8%B3%D9%8A%D8%A9>:~:text=%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%88%D8%B3%D9%8A%D8%A9: %20%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5),%D8%A5%D8%B3%D8%B1%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D9%84%20%D9%88%D8%A3%D9%84%D9%85%D8%A7%D9%86%D9%8A%D8%A7%20%D9%88%D9%83%D9%86%D8%AF%D8%A7%20%D9%88%D8%A7%D8%AD%D8%AA%20%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%A4%D9%84%D9%88%D9%84%D8%A7%D9%8A%D8%A7%D8%AA%20%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%A4%D9%84%D9%88%D9%84%D8%A7%D9%8A%D8%A7%D8%AD%D8%AF%D8%A9.

ПСИХОЛОГИЯ

Gender theory and the transformation of family dynamics

Abitova Zhanar Sabetkhanovna, candidate of pedagogical sciences, deputy director
Korkyt Ata Kyzylorda University (Kazakhstan)

The article examines the features of the gender approach in analyzing gender inequality, as well as the impact of global transformations on the evolution of family roles and models of family relations. The gender approach is interpreted as a methodological framework that makes it possible to reveal the social, cultural, and economic mechanisms underlying inequality and to outline prospects for its overcoming. Emphasis is placed on the importance of harmonizing gender interactions through the recognition of the intrinsic value of the individual and the dismantling of traditional patriarchal stereotypes. Based on socio-philosophical analysis, it is shown that the modern family represents a dynamically developing institution in which traditional and innovative values coexist.

Keywords: gender approach, gender roles, gender inequality, patriarchal culture, family, social transformations, stereotypes.

Introduction

In contemporary scholarly discourse, the issues of gender and gender roles occupy a special place, as they are directly connected with social inequality, the transformation of cultural norms, and the reconfiguration of family strategies. Global processes affecting both economic and sociocultural spheres have contributed to a reconsideration of traditional notions regarding the distribution of male and female roles in society and within the family. The relevance of this study lies in the necessity of analyzing the gender approach as a methodological framework that makes it possible to uncover the specific social and cultural mechanisms of gender inequality, as well as to identify potential ways of overcoming it.

Modern socio-philosophical and sociological research demonstrates that gender-related issues are not limited solely to questions of discrimination or equality. They encompass a broader range of problems, including cultural stereotypes, the balance between traditional and innovative models of family life, and the impact of social transformations on changing gender attitudes. Applying a gender-based perspective provides an opportunity for a comprehensive understanding of these processes, allowing one to view the individual as valuable and autonomous, and social relations as the outcome of constructive interaction between genders.

The scientific novelty of this study lies in substantiating the argument that global transformations affecting the economic and sociocultural spheres have created the necessity for new strategies in the sphere of family relations and the distribution of gender roles. In today's rapidly changing world, particular significance is attached to the gender flexibility of family members, which is manifested in the rethinking of

traditional stereotypes and the emergence of nontraditional forms of marital and family unions. The modern family can no longer be regarded as a stable and harmonious system; on the contrary, family relations are characterized by internal contradictions and developmental dynamics. Current trends point to the increasing prevalence of diverse and nonstandard family models.

The loss of ancestral foundations as a form of monopoly over the individual leads to a crisis of spiritual orientations. By choosing professional self-realization and the freedom of interpersonal contacts over the traditional family structure, a person finds themselves in a state of «existential vacuum». Contemporary scholarly developments are generally interdisciplinary in nature, bringing together the efforts of demographers, psychologists, and sociologists. However, in most cases, the family is examined in functional terms, which leaves aside an analysis of its essential and cultural characteristics. It is precisely the socio-philosophical approach, drawing upon accumulated interdisciplinary material, that makes it possible to conceptualize the family as a phenomenon of sociocultural reality, as a subsystem of society, and as a special sphere of human existence. Such an approach provides a holistic vision of the family and sets the direction for further research. The family, as a universal value, transcends the local dimension and acquires the status of a universal human value [1, p. 94].

Despite the rich tradition of domestic socio-philosophical scholarship on the family, questions remain concerning its future, the transformation of models of family relations and gender roles, as well as the dependence of these processes on the cultural traditions and mentalities of different ethnic groups. Certain aspects of these issues are reflected in the works of both domestic and foreign scholars. For instance, S. G. Aivazova,

S. Bern, G. A. Brandt, E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina, and N. M. Rimashevskaya analyze the characteristics of the family in the Soviet and post-Soviet periods, emphasizing the role of culture in shaping gender stereotypes and roles [2].

Philosophical reflections on new models of family relations in the context of contemporary economic, social, and cultural realities have been presented in the works of S. A. Bulgakova, A. V. Voronova, O. A. Voronina, S. A. Lyausheva, V. Ya. Nagevichene, M. E. Yordanova, and others [3]. This article employs the concept of the social construction of reality developed by P. Berger and T. Luckmann [4], within which human perceptions of the world are regarded as a factor in shaping social reality, characterized by both objective and subjective dimensions. From the perspective of social constructivism, gender roles appear as social constructs that determine the dominant or subordinate position of men and women.

According to the observations of Yu. S. Zadvornova, the success of overcoming these problems largely depends on the types of gender roles adopted by spouses, how they share responsibility for the material provision of the family, the upbringing and education of children, the resolution of household issues, and the extent to which the family's life strategies align with the distribution of power between partners [5, p. 32].

Contemporary research indicates that the Soviet model of gender role distribution, although in a modified form, continues to persist in the Russian family. This can be explained by the fact that in public consciousness particularly among representatives of the older generation traditional ideas about the roles of men and women remain strong. As a result, the modern family demonstrates a coexistence of different models: patriarchal and Soviet patterns persist alongside egalitarian values.

The contemporary gender reality confirms this thesis: stereotypes of femininity and masculinity are increasingly interwoven, and new models of gender relations are being formed. Significant influence on these processes has been exerted by advances in medicine in the field of sex reassignment, as well as the expansion of sexual freedom, which have led to the erosion of the binary gender model as a normative framework. As a result, gender roles are undergoing transformation. Similar tendencies can also be observed in Kazakh society today, where new types of family unions are emerging that presuppose alternative gender roles. Nevertheless, despite cultural pluralism and the shift from the traditional patriarchal order toward innovative models of family life, traditional norms continue to retain their significance in Kazakh family practice. No matter how much we speak about modernization, emancipation, or the equalization of men's and women's roles within the family sphere, in practice the traditional orientation persists, although variability of models and the search for new options are undoubtedly present [6].

References:

1. Lyausheva S. A. The influence of modernization of society on the institution of the family. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya.* 2010. №. 2. P. 105–110.

Thus, the study of family transformation requires consideration not only of intra-family interaction but also of the broader socio-economic context. This makes it possible to forecast the further development of the family as a social institution and to determine the balance between traditional and new models of family relations [7].

Accordingly, the gender approach is not limited to a critique of the patriarchal system but seeks to propose new models of social relations based on equality and partnership [8]. This approach is oriented toward overcoming discriminatory practices and dismantling entrenched stereotypes that hinder the full self-realization of the individual.

Contemporary research demonstrates that the equal participation of men and women in social, economic, and cultural processes contributes to more sustainable development of society as a whole. Gender theory views the individual as an active subject, capable of independently constructing their identity and determining life strategies. This becomes particularly important in the context of global transformations, when traditional forms of social organization lose stability, and flexibility and variability of behavioral models come to the forefront.

Consequently, the application of the gender approach opens up prospects for the formation of new social practices based on the principles of justice, equality, and respect for difference. It makes it possible not only to identify the causes and mechanisms of gender inequality but also to determine pathways for overcoming it. At the same time, it is essential to take into account the national and cultural specificities and the mentality of society, since universal models cannot always be adequately implemented within specific sociocultural contexts.

Conclusion

The gender approach contributes to identifying contradictions in the distribution of roles between men and women, reveals their sociocultural conditioning, and highlights prospects for the harmonization of gender relations. Taking into account interdisciplinary factors and national-cultural specificities opens up opportunities for developing more balanced strategies for the evolution of the family institution under conditions of global transformation.

Funding

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan. Grant AP26101317. The Influence of Cultural Values on the Formation of Gender Roles among Residents of the Southern Regions of Kazakhstan: Traditional and Innovative Approaches.

2. Butler, J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. London: Routledge, 1990. 272 p.
3. Zadvornova Yu. S. Tendentsii transformatsii gendernykh rolei v sovremennoi rossiiskoi sem'ye [Trends in the transformation of gender roles in the modern Russian family]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2013. No. 2 (67). P. 32–40.
4. Batler Dzh. *Genderne bespokoistvo. Feminizm i podryv identichnosti* [Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity]. Transl. from English. London: Routledge, 1990. 272 p.
5. Solomina V. A. *Sotsiologicheskii podkhod k izucheniyu gendera i rolei* [Sociological approach to the study of gender and roles]. *Journal of World Women Studies*. 2021. No. 1. P. 15–27.
6. Giddens A. *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press, 1992. 216 p.
7. Hochschild A. R. *The Second Shift: Working Families and the Revolution at Home*. New York: Viking, 1989. 311 p.
8. Inglehart R., Norris P. *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 238 p.

Особенности субъективного благополучия у людей с инвалидностью

Ганцова Светлана Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гринина Елена Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Представлены результаты эмпирического изучения субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью у людей с инвалидностью. Сравнительное исследование проведено на выборке из 20 трудоспособных людей, 10 из которых имели статус «инвалид», остальные — с нормальным состоянием здоровья. С целью диагностики благополучия и удовлетворенности жизнью применялись шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Н. Н. Лепешинского, французская Шкала субъективного благополучия (адаптация А. А. Рукавишникова и М. В. Соколовой) и авторская анкета. Результаты исследования показали наличие специфических особенностей субъективного благополучия у людей с инвалидностью: у них в два раза ниже доля тех, кто имеет высокий уровень психологического благополучия при этом очень высоко влияние поддерживающей среды, но доля с низким уровнем благополучия в два раза меньше; они чаще демонстрируют низкие значения в шкалах автономии и позитивного отношения с окружением; субъективное благополучие схоже, но наблюдается перевес в положительную сторону в эмоциональном комфорте.

Отмечено, что негативное влияние на благополучие и удовлетворенности жизнью могут оказывать проблемы со здоровьем, физические ограничения, доступность окружающей среды (люди с инвалидностью оценили ее низко), трудности в социализации и формировании позитивных отношений с окружением, сложности в утверждении своей независимости, например, отсутствии работы. Полученные в результате исследования данные могут быть использованы в разработке технологий психологического сопровождения людей с инвалидностью.

Ключевые слова: психологическое благополучие, люди с инвалидностью, субъективное благополучие, люди с ограниченными возможностями здоровья, удовлетворенность жизнью.

Features of subjective well-being in people with disabilities

Keywords: psychological well-being, people with disabilities, subjective well-being, people with limited health opportunities, life satisfaction.

За последние годы заметно вырос интерес общества к вопросам благополучия людей с инвалидностью. Субъективное благополучие как комплексное психологическое понятие включает в себя удовлетворенность жизнью, позитивное эмоциональное состояние и адекватное восприятие своего места в обществе. Проблему субъективного благополучия в психологии изучали М. А. Аргайл, В. Динер, Н. Бредбёрн, К. Риффа, У. Джеймс, М. Селигман, М. В. Соколова, Л. В. Куликов, Р. М. Шамионова, Е. Е. Бочарова.

С одной стороны, общество улучшает условия для людей с инвалидностью — законы, материальная и социальная помощь, адаптация среды и технологии должны повышать их благополучие. С другой стороны, культура демонстрации идеальной жизни в соцсетях задаёт недостижимые стандарты успеха и красоты. В условиях физических и социальных барьеров это вызывает у многих людей с инвалидностью чувство неполноценности, стресс, тревогу, депрессию и снижение жизненной удовлетворённости.

Исходя из всего этого можно предположить, что у людей с инвалидностью могут быть свои специфические особенности субъективного благополучия, отличающиеся от таковых у людей без инвалидности. Поскольку субъективное благополучие динамично, его уровень может повышаться благодаря доступу к информации, цифровым платформам, дистанционному обучению и работе, а также соцсетям и другим средствам общения. Возможно и снижение уровня субъективного благополучия в результате воздействия ряда факторов.

Под субъективным благополучием в психологии понимают общее чувство удовлетворенности жизнью и эмоциональное состояние, которое включает в себя положительное восприятие как настоящего, так и будущего. Влияние на переживание человеком субъективного благополучия оказывают такие факторы, как социальные связи, уровень дохода, здоровье, личные достижения и культурные особенности. Все эти аспекты во взаимосвязи формируют комплексную картину субъективного благополучия, отражая индивидуальные различия и осознание собственного места в окружающем мире. Возможно и снижение уровня субъективного благополучия в результате воздействия ряда факторов. Поскольку субъективное благополучие динамично, его уровень может повышаться благодаря доступу к информации, цифровым платформам, дистанционному обучению и работе, а также соцсетям и другим средствам общения.

Концепция благополучия охватывает как гедонистические, так и эвдемонистические аспекты. В эвдемонистическом подходе основным понятием является полнота самореализации личности и индивидуальных черт человека, возможность стать субъектом своей жизни [12]. В гедонистическом подходе главным является удовлетворенность потребностей и желаний индивида [4]. В этом подходе счастье и удовлетворение достигаются через максимизацию положительных эмоций и минимизацию болезненных.

Люди с высоким уровнем субъективного благополучия, как правило, удовлетворены своей жизнью и лишь изредка испытывают грусть или гнев. Напротив, низкий уровень субъективного благополучия характеризуется недовольством жизнью, редким ощущением любви и счастья, а также преобладанием отрицательных эмоций [5].

Если говорить о психологической характеристике людей с инвалидностью, то можно отметить, что они сталкиваются с определенными сложностями, но их личностные характеристики остаются индивидуальными. Ключевыми аспектами психологии данной группы являются: эмоциональная адаптация принятия своей инвалидности, влияние стереотипов и предвзятости общества, роль социальной поддержки (поддержка со стороны играет критическую роль в формировании позитивного самоощущения и улучшении качества жизни), стремление к независимости (многие люди с инвалидностью демонстрируют высокую степень решимости, целеустремленности).

В рамках исследования особенностей субъективного благополучия у людей с инвалидностью, проводимого на

базе Центра реабилитации и реабилитации инвалидов г. Саратова и Всероссийского общества инвалидов г. Энгельса, были установлены следующие цели и задачи.

Цель исследования — изучить специфику субъективного благополучия у людей с инвалидностью в сравнении с людьми без инвалидности. Исследование направлено на анализ различий в эмоциональном состоянии, уровне удовлетворенности жизнью и восприятии окружающей действительности между двумя группами респондентов. Исследование проводилось с участием 20 человек трудоспособного возраста, из которых 10 являлись людьми с инвалидностью, а 10 без инвалидности. Респонденты были случайно выбраны, что позволяет получить более представительные результаты.

Для диагностики Субъективного благополучия использовались следующие методики: шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Н. Н. Лепешинского [9], французская Шкала субъективного благополучия (адаптация А. А. Рукавишникова и М. В. Соколовой, 1996) и авторская анкета, целью которой было изучение данных опрошенных. Шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Н. Н. Лепешинского содержит 84 пункта и включает 6 шкал, а также общий показатель. Положительные отношения показывают удовлетворительные, доверительные связи с окружающими. Автономия отражает самостоятельность и независимость респондента. Управление окружением указывает на способность контролировать свою среду и эффективно использовать возможности. Личностный рост означает чувство развития и самореализации. Цель в жизни характеризует наличие смысла и направленности. Самопринятие говорит о положительном отношении к себе и принятию своих качеств. Общий показатель варьируется от низкого (84–323 балла) до высокого (354 и более) [9].

Французская Шкала субъективного благополучия (адаптация А. А. Рукавишникова и М. В. Соколовой, 1996), которая является психоdiagностическим инструментом для скрининга и измерения эмоционального компонента благополучия. Она позволяет оценить качество эмоциональных переживаний человека в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности до подавленности, раздражительности и чувства одиночества [13]. Шкала состоит из 17 пунктов, содержание которых связано с эмоциональным состоянием, социальным поведением и некоторыми физическими симптомами.

Авторское исследование проведено методом анкетирования с целью изучения данных респондентов, таких как пол, образование, наличие работы, семья, образования и т. д.

Результаты исследования по шкале Рифф получились следующими: у людей без инвалидности психологическое благополучие на высоком уровне имеют 60 % опрошенных, средний уровень — 20 %, низкий — 20 %. У людей с инвалидностью высокий уровень психологического благополучия у 30 % опрошенных, средний уровень — 60 %, низкий у 10 %. Средний балл по выборке среди людей без инвалидности распределился следующим образом:

Высокий уровень психологического благополучия — 432 балла; средний уровень психологического благополучия — 351 балл; низкий уровень психологического благополучия — 292 балла.

Среди людей с инвалидностью показатели выглядят следующим образом: высокий уровень психологического благополучия — 442 балла; средний уровень психологического благополучия — 353 балла; низкий уровень психологического благополучия — 313 баллов.

На основе этих данных можно сделать следующие выводы: несмотря на то, что процент людей с инвалидностью с высоким уровнем психологического благополучия (30 %) значительно ниже по сравнению с людьми без инвалидности (60 %), это является показателем того, что одна треть из них достигает значительного уровня психологического благополучия. Это может свидетельствовать о наличии эффективных адаптационных механизмов и поддерживающих систем в их жизни.

Данные по среднему уровню психологического благополучия показывают, что 60 % людей с инвалидностью имеют его и 20 % людей без инвалидности. Это может означать, что многие люди с инвалидностью могут находить удовлетворение и личностное значение в жизни, несмотря на имеющиеся ограничения. Равнозначные данные в обеих группах по низкому уровню благополучия могут свидетельствовать о том, что факторы, влияющие на психологическое благополучие, являются универсальными и не зависят от наличия инвалидности. Хочется отметить, что респонденты, с низким уровнем психологического благополучия не имеют работы и на вопрос к кому вы чаще обращаетесь, если у вас проблемы, отвечают — к своим родителям.

Частая ориентация на родителей в сложные моменты может указывать на наличие у людей недостатка социальных связей и поддержки со стороны других [6]. Также респонденты с низким уровнем психологического благополучия имеют низкий уровень по шкале автономия. Это приводит к конформизму и сильной зависимости от чужого мнения. Такой человек легко поддается внешнему влиянию, не способен отстаивать свое мнение и действовать независимо. Необходимо отметить, что людей с инвалидностью и высоким уровнем благополучия объединяет следующее: все выросли в полной семье, у всех есть образование, все зарегистрированы в социальных сетях и посещают культурно-массовые мероприятия. Эти данные получены в результате анкетирования. На респондентов с высоким уровнем благополучия и объединённых выше-указанными критериями влияют следующие факторы:

1) семейная поддержка может формировать позитивное восприятие жизни, самомнение, эмоциональную стабильность [2].

2) образование является важным аспектом для формирования жизненных позиций и возможностей. Люди с образованием, как правило, имеют больший доступ к информации, ресурсам и возможностям, что позволяет им адаптироваться к социальным и экономическим условиям, даже с учетом инвалидности.

3) социальные сети и культурно-массовые мероприятия способствуют созданию и поддержанию социальных связей. Это взаимодействие снижает чувство изоляции и способствует развитию устойчивости к стрессу [1].

Таким образом, сочетание этих факторов создает благоприятную среду, в которой люди с инвалидностью могут развивать свою индивидуальность и иметь высокий уровень субъективного благополучия, несмотря на наличие физических ограничений.

Рассмотрим шкалы опросника Рифф по которым люди с инвалидностью и без инвалидности набрали низкие баллы. Низкие оценки самопринятия отмеченные у 10 % людей с инвалидностью и у 20 % людей без инвалидности указывают на проблемы с самопринятием в обеих группах. Личностный рост: 10 % опрошенных с инвалидностью демонстрируют трудности в области личностного роста. Это может указывать на недостаток ресурсов и возможностей для самореализации. Важно создавать программы поддержки, которые бы способствовали развитию навыков и уверенности в себе. Позитивные отношения: 20 % людей с инвалидностью и 10 % людей без инвалидности отмечают низкие оценки по шкале позитивных отношений с другими. Для людей с инвалидностью это может быть связано с социальной изоляцией и ограниченными возможностями для взаимодействия. У людей без инвалидности этот показатель также предупреждает о недостатке качественных межличностных связей в обществе. Автономия: у 20 % людей с инвалидностью и 10 % людей без инвалидности низкие оценки по шкале автономии сигнализируют о том, что обе группы испытывают сложности в утверждении своей независимости. Для людей с инвалидностью это может быть связано с физическими или социальными ограничениями, а для людей без инвалидности — с внутренними барьерами, мешающими им заявлять о своих желаниях и целях. Управление окружением: уровень 20 % по шкале управление окружением у людей без инвалидности возможно связан с тем что 70 % респондентов работают и в связи с этим могут испытывать трудности в организации повседневной деятельности.

Анализ данных о позитивных отношениях с окружающими у людей с инвалидностью и без инвалидности позволяет выделить ключевые аспекты, влияющие на их социальное взаимодействие и психологическое благополучие. Низкий уровень позитивных отношений: у людей без инвалидности этот уровень составляет 10 %. Это довольно низкий процент, что указывает на то, что подавляющее большинство из них имеют хотя бы минимально удовлетворительные отношения с окружающими.

В то же время, среди людей с инвалидностью низкий уровень достигает 30 %. Это говорит о том, что среди них имеется значительная доля, испытывающая трудности в установлении близких и доверительных отношений. Это может быть связано с чувствами изоляции и недостатка поддержки.

Средний уровень позитивных отношений: у людей без инвалидности 60 % имеют средний уровень позитивных отношений, что говорит о нормальном уровне социальных взаимодействий, где многие способны санкционировать свои эмоции и заботу о других. У людей с инвалидностью этот показатель также составляет 60 %, что указывает на потенциальные возможности для формирования положительных социальных связей. Однако важно отметить, что при большем проценте низкого уровня сложнее говорить о мерах поддержки и их реализации.

Высокий уровень позитивных отношений: у людей без инвалидности высокий уровень достигает 30 %, что свидетельствует о наличии группы, активно открывающейся заботе, эмпатии и близости в отношениях.

У людей с инвалидностью этот уровень составляет лишь 10 %. Это может говорить о том, что они чаще сталкиваются с барьерами, которые мешают им развивать близкие отношения, включая трудности в коммуникации и восприятии себя.

Психологический анализ показывает, что у людей с инвалидностью наблюдаются более серьезные трудности в социализации и формирования позитивных отношений. Это может быть следствием как внешних факторов (стигматизация, барьеры доступа к ресурсам), так и внутренних (низкая самооценка, страх отвержения).

Для обеих групп важно поддерживать качественные социальные связи, однако в случае людей с инвалидностью необходимо предоставление дополнительных ресурсо-ориентированных инициатив, направленных на создание инклюзивной среды и поддержку развития эмпатии и социальных навыков. Примечательно, что шкала субъективного благополучия показала, что 40 % опрошенных людей с инвалидностью испытывают напряжение в кластере напряженность и чувствительность (субъективное переживание тяжести выполняемой работы, необходимость взаимодействовать с другими, потребность в уединении), а у людей без инвалидности этот кластер занимает 30 % [13]. Необходимо обратить внимание на увеличение уровня напряжения среди людей с инвалидностью и предпринимать шаги для снижения его влияния на их жизнь. Это может включать программы психологической поддержки, улучшение условий труда для работающих и создание специальных сообществ, позволяющих людям с инвалидностью чувствовать себя более комфортно среди окружающих. Важно отметить, что как для людей с инвалидностью, так и для людей без инвалидности необходимо развивать механизмы здорового управления стрессом и поддерживать психологическое благополучие через обучение, социальные сети и психологическую помощь [1].

В целом, результаты подчеркивают важность проработки вопросов самопринятия, личностного роста, построения отношений и автономии как для людей с инвалидностью, так и для людей без инвалидности. Программы, направленные на поддержку и развитие этих аспектов, могут значительно улучшить качество жизни обеих групп и способствовать более гармоничному существованию в обществе.

По результатам применения методики шкалы субъективного благополучия (адаптация А. А. Рукавишникова и М. В. Соколовой, 1996), можно сделать выводы, что уровень субъективного благополучия среди людей с инвалидностью и без инвалидности схож: 40 % респондентов в обеих группах показали, что у них отсутствуют серьезные проблемы, однако и полное эмоциональное благополучие не достигнуто. Это свидетельствует о том, что наличие инвалидности не всегда является определяющим фактором для уровня субъективного благополучия. По шкале умеренного эмоционального комфорта наблюдается некоторый положительный перевес у людей с инвалидностью, так как 60 % из них оценили себя как уверенных, активных и успешных, в сравнении с 50 % среди людей без инвалидности. Это может указывать на то, что люди с инвалидностью могут развивать внутреннюю устойчивость и находить источники поддержки, что способствует их эмоциональному комфорту [11].

Тем не менее, 10 % людей без инвалидности испытывают субъективное неблагополучие, что может говорить о наличии скрытых факторов стресса или давления в обществе, приводящих к депрессивным состояниям и тревожности. Помимо кластера напряженность и чувствительность, о котором писала выше, хочется отметить, что у 40 % респондентов с инвалидностью и 30 % без инвалидности зоной напряжения являются такие симптомы как депрессия, сонливость, рассеянность [13]. Это может свидетельствовать о более выраженной уязвимости у людей с инвалидностью в психическом здоровье, что может быть связано как с физическими ограничениями, так и с социальными факторами (например, стигматизацией или отсутствием поддержки).

Таким образом, исследование показывает, что эти симптомы имеют значительное влияние на субъективное благополучие обеих групп, что требует комплексного подхода к улучшению психического здоровья и условиям жизни.

Еще хочется отметить, что у 15 % опрошенных по шкале психологического благополучия Риффа шкала позитивные отношения имеют низкое значение, при этом у них средние и высокие значения по шкале самопринятие. И у 5 % опрошенных наоборот позитивное отношение имеет среднее значение или высокое значение, а самопринятие себя на низком уровне.

Высокая оценка самопринятия вкупе с низкой оценкой позитивного отношения может свидетельствовать о наличии определенных личностных особенностей, связанных с восприятием себя и окружающих. Такие люди склонны воспринимать мир через призму собственных ценностей и убеждений, считая свое мнение единственно верным, могут демонстрировать эгоцентричное поведение [7]. У 5 % респондентов обратная картина: средний/высокий уровень позитивного отношения сочетается с низким уровнем самопринятия. Респонденты этой группы легко демонстрируют положительную энергию и интерес к окружающему миру, но при этом не удовлетворены собой и собственной жизнью. Возможно, такой

дисбаланс вызван наличием завышенных ожиданий от самих себя, неспособностью принять личные недостатки либо негативным опытом прошлых неудач. Несмотря на внешнюю активность и дружелюбность, внутреннее недовольство собственным положением снижает общий уровень удовлетворенности жизнью [7].

По результатам анкетирования люди с инвалидностью оценили доступность окружающей среды: низко — 60 % респондентов, средне — 40 %, высоко — 0 %, но при этом 90 % респондентов с инвалидностью отметили, что посещают культурно-массовые мероприятия. Также по результатам анкетирования 50 % опрошенных людей с инвалидностью отметили что за помощью обращаются к своим родителям, 40 % к своему мужу, жене, 10 % отметили, что предпочитают полагаться на себя.

В целом, несмотря на большую долю людей без инвалидности с высоким уровнем благополучия, результаты показывают, что люди с инвалидностью также могут достигать значительных успехов в плане психического здоровья и эмоционального благополучия. Это может свидетельствовать о важности социальной поддержки, активного подхода к жизни и индивидуальной стойкости [8].

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что люди с инвалидностью могут обладать высоким уровнем психологического благополучия, несмотря на свои физические ограничения, и это подчеркивает необходимость уделять внимание как ресурсам, так и поддержке, доступным для всех групп населения.

Также важно отметить, что данные анкетирования показывают значительное различие в использовании дистанционного образования между людьми с инвалидностью и без нее. Интересно, что 60 % людей с инвалидностью выбирают дистанционное обучение, в то время как среди людей без инвалидности этот процент составляет лишь 40 %. Это может свидетельствовать о том, что для людей с инвалидностью дистанционное образование становится не только доступным, но и необходимым инструментом, обеспечивающим их образовательные нужды. Использование дистанционного обучения может оказывать положительное влияние на психологическое благополучие людей с инвалидностью, так как оно позволяет им сохранять независимость и развиваться в комфортной для них среде.

Что касается технических средств реабилитации, согласно анкетным данным 60 % людей с инвалидностью используют такие устройства, что подчеркивает их важность в жизни данной группы. ТСР помогают восполнить утраченные функции, что может значительно повысить качество жизни и активность людей с инвалидностью. Психологически это может способствовать улучшению самооценки, уверенности в себе и общему уровню удовлетворенности жизнью. Кроме того, использование таких средств облегчает уход за людьми с инвалидностью их близким, что может снижать уровень стресса у родственников и способствовать более гармоничным отношениям в семье [3].

В целом, доступ к дистанционному образованию и использование технических средств реабилитации представляют собой мощные инструменты для повышения самостоятельности и укрепления психологического благополучия людей с инвалидностью [3].

В итоге можно сделать вывод, что результаты проведенного эмпирического исследования говорят о наличии специфических особенностей субъективного благополучия у людей с инвалидностью, отличающихся от показателей людей без инвалидности.

Низкие значения психологического благополучия у представителей обеих групп опрошенных одинаково. Это может свидетельствовать о том, что негативные факторы, влияющие на психологическое благополучие, являются универсальными и не зависят от наличия инвалидности.

Исследование показало, что людей без инвалидности с высоким уровнем психологического благополучия в два раза больше чем людей с инвалидностью. Разница может объясняться несколькими факторами:

1) люди без инвалидности чаще имеют доступ к социальным и профессиональным ресурсам, что способствует увеличению удовлетворенности жизнью;

2) стереотипы и предвзятость в отношении инвалидов могут негативно влиять на их самооценку и уверенность в себе, что снижает общее благополучие;

3) хронические физические проблемы, связанные с инвалидностью, часто приводят к большему уровню стресса и эмоционального выгорания, что также ухудшает психологическое состояние [11].

Все эти факторы вместе создают барьеры для достижения высокого уровня психологического благополучия у людей с инвалидностью.

Анкетирование выявило, что всех людей с инвалидностью и высоким уровнем психологического благополучия объединяет то, что все они имеют образование, выросли в полных семьях, активно участвуют в культурных мероприятиях и используют социальные сети для общения. Это подчеркивает важность социальных и образовательных факторов в формировании благополучия. Кроме того, влияние родителей на становление личности и поддержку в трудные времена играют ключевую роль в жизни людей с инвалидностью [10].

Уровень субъективного благополучия у людей с инвалидностью и без нее схож: респондентов в обеих группах не сталкиваются с серьезными проблемами, но полное эмоциональное благополучие не достигнуто. Наличие инвалидности не является главным фактором, влияющим на благополучие. Большая часть людей с инвалидностью оценивают себя как уверенных и успешных, что выше, чем показатель среди здоровых, что может свидетельствовать о развитии внутренней устойчивости у людей с инвалидностью. В то же время, некоторые люди без инвалидности испытывают неблагополучие, что может указывать на скрытые стрессовые факторы в обществе.

Важное значение имеют открывающиеся возможности, связанные с доступом к информации, образованию и технологиям [1]. Анкетные данные показывают различия в использовании дистанционного образования людьми с инвалидностью и без нее: больше половины людей с инвалидностью выбирают онлайн-обучение, а у условно здоровых этот показатель намного меньше.

Современное общество активно создает условия для поддержки людей с инвалидностью, что способствует уравниванию их возможностей. Инклюзивные про-

граммы, доступное образование и технологии помогают людям развивать навыки и уверенность в себе. Социальная интеграция снижает уровень стресса и повышает самооценку. В результате, у людей с инвалидностью увеличивается уровень субъективного благополучия, они чувствуют себя более полноценными членами общества и способны реализовывать свой потенциал.

Важно отметить, что данные исследования могут варьироваться, и точные причины различий в психическом благополучии требуют дальнейшего изучения.

Литература:

1. Анпилогова К. А. Положительное влияние социальных сетей на социализацию и развитие людей с ограниченными возможностями // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012. № 10–1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhitelnoe-vliyanie-sotsialnyh-setey-na-sotsializatsiyu-i-razvitiye-lyudey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami> (дата обращения: 14.04.2025).
2. Бочарова Е. Е. Социальная психология и общество 2012. Том 3. № 4. С. 53–63 ISSN: 2221–1527 / 2311–7052 (online) Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект
3. Васильченко Е. М., Хохлова О. И., Карапетян К. К., Гаев А. А., Орехова Е. Н. Значение социальных факторов в эффективном обеспечении инвалидов техническими средствами реабилитации. Автоматизация процесса индивидуального подбора кресла-коляски // Физическая и реабилитационная медицина, медицинская реабилитация. 2019. № 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-sotsialnyh-faktorov-v-effektivnom-obespechenii-invalidov-tehnicheskimi-sredstvami-reabilitatsii-avtomatizatsiya-protsessa> (дата обращения: 14.04.2025)
4. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс. — М.: Педагогика, 1991. — 368с.
5. Diner E. Subjective well-being: Three decades of progress. / E. Diner. — Psychological Bulletin. 1999. P.276–301.
6. Журавлев, А.Л., Юрьевич, А. В. Коллективные смыслы как предпосылка личностного / А. Л. Журавлев, А. В. Юрьевич // Психологический журнал. — 2014. — № 1. — Т.35. — 5–15с. 440с.
7. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: Питер, 2021. — 784 с. — ISBN 978-5-4461-9558-9.
8. Куликов, Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: Учебное пособие / Л. В. Куликов. Спб.: Питер, 2004. — 464 с.: ил.
9. Лепешинский, Н. Н. Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф / Н. Н. Лепешинский // Психологический журнал. — 2007. — Т.28. — № 3. — С. 24–37.
10. Леонтьев Д. А., Лебедева А. А., Александрова Л. А. Психологические механизмы и ресурсы развития личности у учащихся с ограниченными возможностями здоровья // Психолого-педагогические основы инклюзивного образования / Отв. ред. С. В. Алехина. М.: МГППУ; ООО «Буки Веди», 2013. 334 с. С. 116–149.
11. Петрова, В. А. Психология болезни и инвалидности: моногр. / Виктория Петрова. — М.: Бибком, 2019. — 643 с.
12. Ryff C. D., Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of personality and social psychology. 1995. Vol. 69, iss. 4. P. 719.
13. Соколова М. В. (автор адаптации) Шкала субъективного благополучия. 2-е изд. — Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996

Коррекция родительских позиций в семьях, имеющих подростков с умственной отсталостью

Изюмова Лилия Ралифовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Раймова Елена Григорьевна, кандидат психологических наук, доцент
Нижневартовский государственный университет

В данной статье рассматриваются вопросы формирования родительских позиций в семьях, имеющих подростков с умственной отсталостью, а также их коррекция при помощи специально разработанной коррекционной психологической программы.

Ключевые слова: подростковый возраст, родительская позиция, умственная отсталость, психологическая программа

Correction of parental attitudes in families with adolescents with mental retardation

Izyumova Liliya Ralifovna, master's student

Scientific advisor: Raymova Yelena Grigoryevna, ph.d. in psychology, associate professor
Nizhnevartovsk State University

This article discusses the formation of parental positions in families with adolescents with mental retardation, as well as their correction using a specially developed correctional psychological program.

Keywords: adolescence, parental position, mental retardation, psychological program

Введение

В настоящее время специалисты в области педагогики, психологии и медицины с большим интересом привлекают вопросы обучения, воспитания и психолого-медицинско-психологического сопровождения детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья.

В современном обществе на здоровье детей и подростков оказывают влияние факторы окружающей среды, экономические факторы, наследственность и состояние здоровья родителей, условия жизни и воспитания ребенка в семье, что приводит к тенденции ухудшения здоровья детей.

Педагогическая деятельность на сегодняшний день носит дифференцированный характер, ориентированный на учет возможностей конкретного ребенка вне зависимости от его уровня развития. В связи с этим наибольшую актуальность приобретает проблема оказания комплексной помощи семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья.

В работах Л. С. Выготского было отмечено, что адекватное семейное воспитание ребенка с ограниченными возможностями здоровья является основой его успешной социализации и адаптации [7].

Чаще всего родители детей с особенностями в развитии сталкиваются с проблемами негативного отношения к своему ребенку. На восприятие «особого» ребенка напрямую оказывают влияние личностные особенности самих родителей, их состояние и жизненный опыт [3].

Под родительской позицией принято понимать совокупность установок и воспитательных воздействий родителей по отношению к своему ребенку.

В работе Е. Л. Пороцкой отмечается, что на личностное развитие ребенка и его особенностей в первую очередь оказывает влияние позиция родителей относительно развития ребенка. Данный автор выделяет следующие позиции, которые могут принимать родители: активная (активное участие в процессе развития ребенка); пассивная (отчужденность и отстранение от процесса развития ребенка) [4, 8].

В психологической литературе можно встретить и следующие родительские позиции относительно развития ребенка: амплификация (включение ребенка в специально организованную систему обучения и воспитания,

учитывающую его возрастные особенности) и акселерация (сверхраннее, форсированное обучение ребенка без учета его возрастных особенностей) [2, 5].

Относительно родительских позиций в семьях, имеющих детей с умственной отсталостью, в литературе выделяют следующие позиции: бегство (пассивная автаркия), борьба (агрессивная автаркия), отделение (фильтрация) и гибкость (флексибильность) [1].

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе КОУ ХМАО-Югры «Сургутская школа для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья». В исследовании приняли участие 10 родителей подростков с умственной отсталостью.

Для проведения исследования были использованы следующие методики:

1. Опросник позиции родителей по отношению к развитию ребенка (авторы — Пороцкая Е. Л., Спириdonova B. F.);
2. Родительская позиция в семье с особым ребенком (авторы — Галасюк И. Н., Митина О. В.).
3. Методы математической статистики (математический метод t-критерий Стьюдента).

Экспериментальное исследование проводилось в три этапа:

- 1) констатирующий этап эксперимента (первичный сбор эмпирических данных);
- 2) формирующий этап эксперимента (апробация специально разработанной коррекционной психологической программы);
- 3) контрольный этап эксперимента (повторный сбор эмпирических данных и проверка эффективности апробированной программы).

Результаты и их обсуждение

Определение родительской позиции по отношению к развитию ребенка было проведено при помощи опросника позиции родителей по отношению к развитию ребенка (авторы — Пороцкая Е. Л., Спиридонова В. Ф.). Результаты представлены на рисунке 1.

Следовательно, в данной группе родителей 30 % стараются ускорить развитие ребенка при этом не учитывают его возрастные особенности, 40 % предают значение раз-

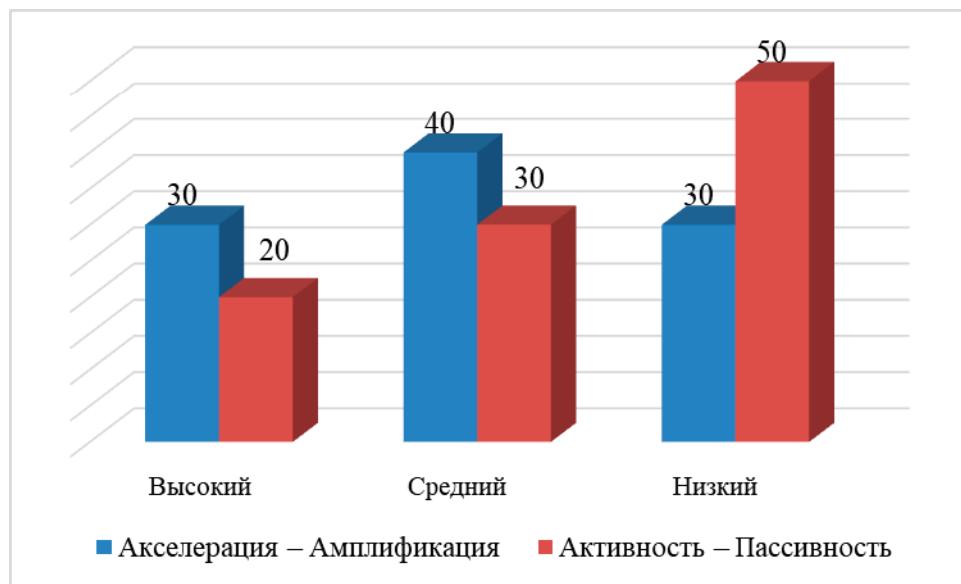

Рис. 1. Распределение родительских позиций к подросткам с умственной отсталостью (в %)

витию ребенка, но при этом стараются учитывать его возрастные особенности и 30 % больше уделяют внимание возрастным особенностям ребенка, чем его развитию.

А также 20 % родителей полностью принимают участие в развитии ребенка, 30 % соблюдают в этом случае «золотую середину», участвуя в развитии ребенка в меру, а 50 % родителей принимают минимальное участие в процессе воспитания и развития ребенка.

Результаты, полученные по опроснику, родительская позиция в семье с особым ребенком (авторы — Гасласюк И. Н., Митина О. В.) представлены на рисунке 2.

Таким образом, большинство родителей (40 %) склонны к выбору партнерской позиции по отношению к своему ребенку, которая предполагает надситуативную активность и раскрытие способностей личности подниматься над уровнем требований ситуации, что позволяет

творчески подходить к решению трудных жизненных ситуаций.

Отвергающую позицию выбирают 20 % родителей, они стараются подавлять активность по отношению к ребенку и дистанцироваться от него, они стараются снять с себя ответственность за воспитание, обучение и лечение ребенка.

Также 20 % родителей склонны к применению доминирующей позиции по отношению к ребенку, которая предполагает не принятие действительность, т. е. диагноз ребенка и устраивают борьбу с окружающей социальной средой. Высокие стандарты родителей приводят к постановке ими неадекватных целей по отношению к развитию ребенка.

А 20 % родителей выбирают наставническую позицию, при которой родителем уделяется большое внимание раз-

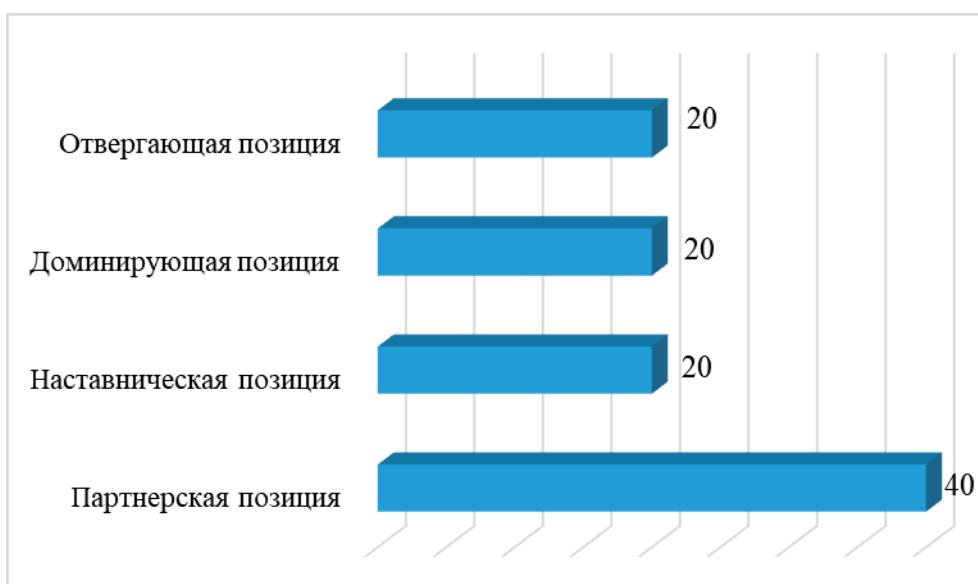

Рис. 2. Распределение родительских позиций в семье с особым ребенком (в %)

витию ребенка, и он старается активно с ним взаимодействовать. Такой родитель старается изменить ситуацию и находится в постоянном контакте с большим числом специалистов.

В результате выявленных проблем, с которыми сталкиваются родители, имеющие подростков с умственной отсталостью, возникла необходимость в разработке и аprobации коррекционной психологической программа детско-родительских отношений в семьях с подростками, имеющими умственную отсталость. В связи с этим была разработана коррекционной психологическая программа детско-родительских отношений в семьях с подростками, имеющими умственную отсталость «Мой особенный ребенок».

Коррекционные психологические программы направлены на психологическую работу с людьми, испытывающими трудности в различных сферах жизнедеятельности и направлены на преодоление проблем и компенсацию недостатков [6].

Программа реализовывалась в течение 2024–2025 учебного года и включала три основных этапа (организационный; практический и аналитический).

В ходе аprobации программы было проведено 16 занятий продолжительностью 40 минут (2 занятия в неделю). Программа была разбита на два блока: первый блок лекционный для родителей, второй блок предполагает проведение тренинговых занятий совместно с родителями и детьми. Также были проведены индивидуальные консультации по вопросам и трудностям, возникающим в ходе участия в программе.

Для доказательства эффективности программы была проведена статистическая обработка данных до и после аprobации коррекционной психологической программы для семей с подростками, имеющими умственную отсталость.

При помощи t-критерия Стьюдента. Результаты сравнительного анализа по опроснику позиции родителей по отношению к развитию ребенка (авторы — Пороцкая Е. Л., Спиридонова В. Ф.) представлены на рисунке 3.

Следовательно, после аprobации программы родители детей с умственной отсталостью статистически значимо чаще стали учитывать возрастные особенности ребенка при его развитии, а также стали чаще чувствовать в развитии и воспитании своего ребенка.

Результаты сравнения родительская позиция в семье с особым ребенком до и после аprobации программы представлены на рисунке 4.

Как видно из рисунка, после аprobации программы родители стали статистически значимо чаще выбирать партнерскую позицию, т. е. над ситуативную активность и раскрытие способностей личности подниматься над уровнем требований ситуации, что позволяет творчески подходить к решению трудных жизненных ситуаций и статистически значимо реже стали подавлять активность по отношению к ребенку и дистанцироваться от него (отвергающая позиция).

Выходы и заключение

Таким образом, в ходе экспериментального исследования было выявлено, что по 30 % родителей либо стараются ускорить развитие своего ребенка, не учитывая его возрастные особенности, либо уделяют наибольшее внимание его возрастным особенностям, чем его развитию. Большинство родителей (50 %) принимают минимальное участие в развитии своего ребенка и чаще всего отстраняются от данной роли. Однако, 40 % родителей стараются

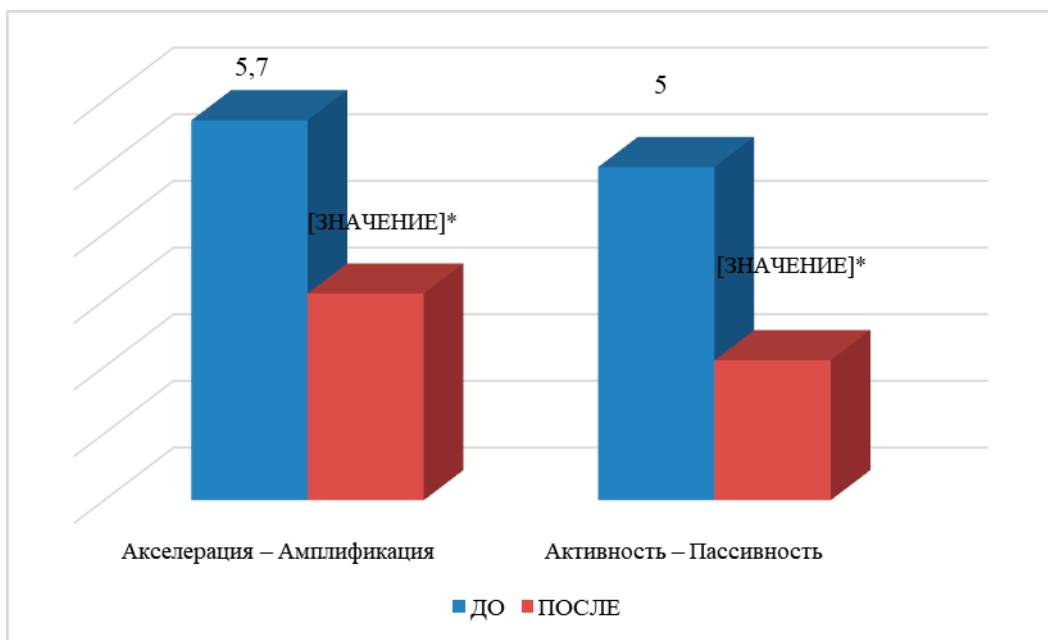

Рис. 3. Сравнение родительской позиции к развитию ребенка

Примечание: * — $p < 0,05$

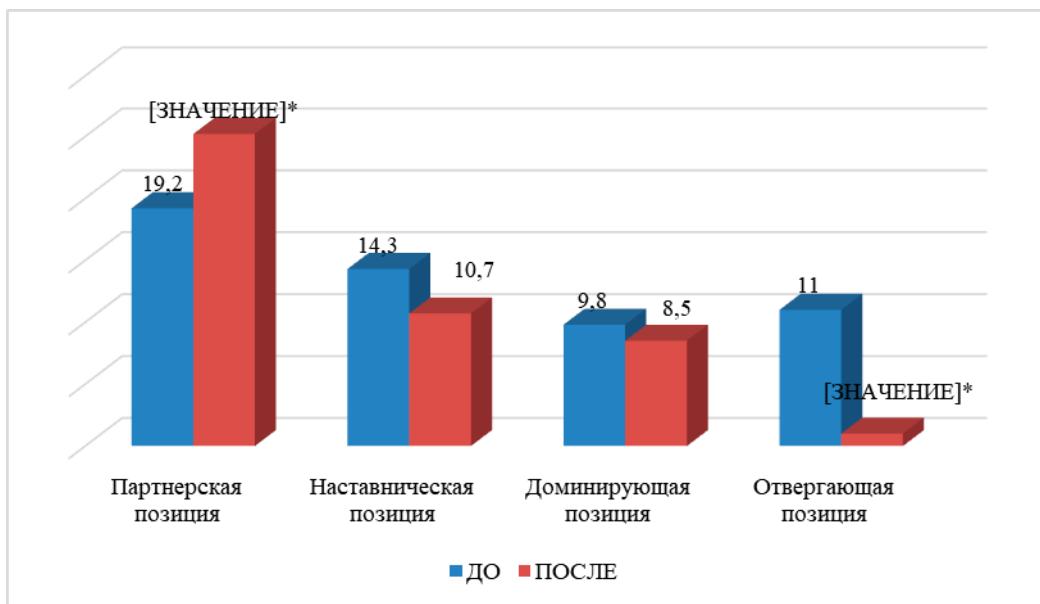

Рис. 4. Сравнение родительская позиция в семье с особым ребенком до и после апробации программы

Примечание: * — $p \leq 0,05$

придерживаться по отношению к ребенку с умственной отсталостью партнерской позиции.

Для преодоления выявленных проблем была разработана и апробирована коррекционная психологическая программа детско-родительских отношений в семьях с подростками, имеющими умственную отсталость.

В ходе проверки эффективности апробированной программы было выявлено, что статистически значимо снизились следующие показатели: стремление ускорить развитие ребенка ($p \leq 0,05$), акселерация-амплификация ($p \leq 0,05$), активность-пассивность ($p \leq 0,05$), а статистически значимо увеличилась партнерская позиция ($p \leq 0,05$).

Литература:

- Ажнина, О. В. Формирование позитивных детско-родительских отношений: выступление на педсовете // Научно-методический журнал заместителя директора по воспитательной работе. — 2009. — № 5. — С. 47–52.
- Арановская-Дубовис, Д. М. Идеи А. В. Запорожца о развитии личности дошкольника / Д. М. Арановская-Дубовис, Е. В. Заика // Вопросы психологии. — 1995. — № 5. — С. 88–90.
- Власова Т. А., Певзнер М. С. О детях с отклонениями в развитии. М.: Просвещение, 1972–30 с.
- Денисенкова, Н. С. Сопряженность детско-родительских отношений и развития познавательных способностей дошкольников // Начальная школа плюс до и после. — 2013. — № 4. — С. 4–5.
- Запорожец, А. В. Педагогические и психологические проблемы всестороннего развития и подготовки старших дошкольников // Дошкольное воспитание. — 1972. — № 4. — С. 102–104.
- Корнилова Т. В. Методологические основы психологии: учебник для вузов / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 490 с.
- Моросанова, В. И. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» / В. И. Моросанова, Н. Г. Кондратюк // Вопросы психологии. — 2020. — № 4. — С. 155–167.
- Пороцкая Е. Л. Выявление представлений родителей о развитии дошкольника [Опросник родительской позиции] / Е. Л. Пороцкая, В. Ф. Спириданов // Вопросы психологии. — 2004. — № 4. — С. 31–39.

Исследование взаимосвязи профессиональной идентичности и профессионального выгорания учителей общеобразовательной школы

Климович Анна Юзефовна, студент магистратуры
Благовещенский государственный педагогический университет (Амурская область)

В статье рассматривается взаимосвязь между профессиональной идентичностью и профессиональным выгоранием учителей общеобразовательной школы.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональное выгорание, педагогическая деятельность.

Профессиональная идентичность и профессиональное выгорание являются актуальными проблемами в психологии образования, особенно в контексте изменений условий труда и социальных ожиданий к педагогам. Профессиональная идентичность включает в себя представления учителя о своей роли, ценностях и целевых установках в профессии. Профессиональное выгорание, в свою очередь, характеризуется эмоциональным истощением, деперсонализацией и снижением личной эффективности.

Цель данного исследования — выяснить, как взаимосвязаны профессиональная идентичность и профессиональное выгорание.

В исследовании приняло участие 50 учителей общеобразовательных школ. Участников выбирали случайным образом, чтобы обеспечить репрезентативность выборки по возрасту, стажу работы и предметной области.

Для оценки профессиональной идентичности и профессионального выгорания использовались методики: методика профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер; опросник профессионального выгорания (MBI) К. Маслач, С. Джексон адаптации Н. Е. Водопьяновой; методика определения психического вы-

горания А. А. Рукавишникова; метод количественного и качественного анализа результатов исследования; метод математической статистики: критерий Колмогорова-Смирнова, коэффициент корреляции r -Спирмена.

Проанализируем результаты методики профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер. Использование данной методики позволило нам определить тип профессиональной идентичности респондентов.

Результаты соотношения респондентов с различным статусом профессиональной идентичности представлены на рисунке 1.

Таким образом, мы видим, что школьным учителям свойственна достигнутая идентичность – (48 %). Статус профессиональной идентичности «мораторий» выявлен у 18 %, диффузная идентичность – у 26 %, преждевременная идентичность – у 6 % педагогов, псевдопозитивная идентичность – у 2 %.

Далее проанализируем особенности профессионального выгорания педагогов. Структура профессионального выгорания и выраженность его компонентов изучена при помощи опросника профессиональное (эмоциональное) выгорание (MBI) К. Маслач и С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой.

Рис. 1. Соотношение респондентов с разным статусом профессиональной идентичности по методике профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер

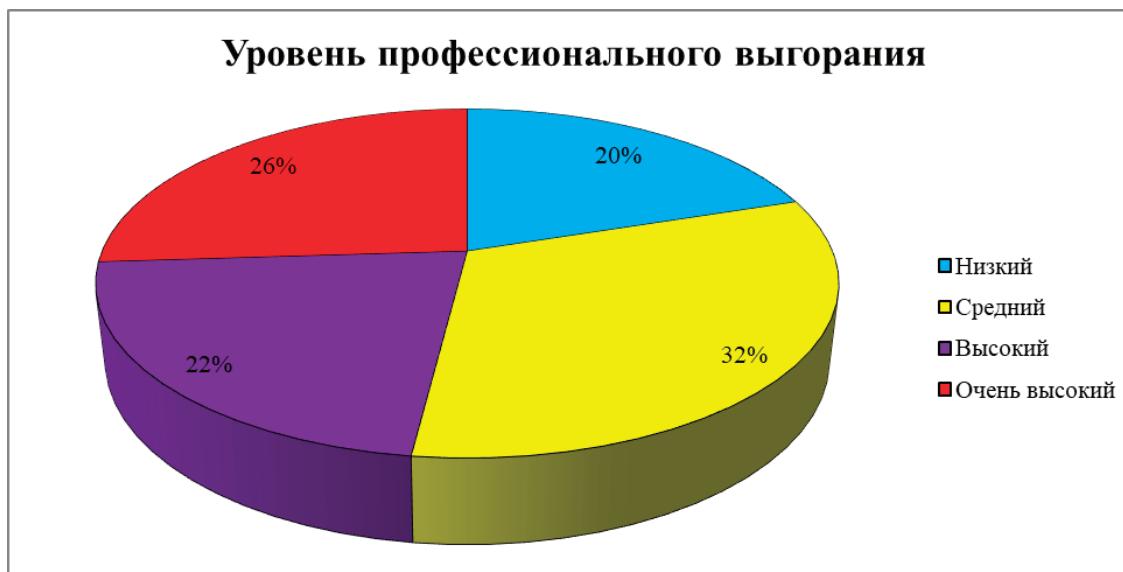

Рис. 2. Процентное распределение педагогов с разными уровнями выраженности общего индекса профессионального выгорания по опроснику профессиональное (эмоциональное) выгорание (MBI) К. Маслач и С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой

Процентное распределение педагогов с разными уровнями выраженности общего индекса профессионального выгорания представлено на рисунке 2.

У специалистов выявлен уровень выше среднего деперсонализации ($M=2,5$), что проявляется в эмоциональном отстранении и безразличии, формальном выполнении профессиональных обязанностей без личностной включенности и сопереживания, а в отдельных случаях — в раздражительности, негативизме и циничном отношении к коллегам и ученикам.

У педагогов редукция профессиональных достижений выражена выше среднего ($M=2,3$).

Результаты диагностики показали, что у педагогов эмоциональное истощение выражено выше среднего ($M=2,5$).

У педагогов больше всего выражено истощение, утомление, формальное выполнение профессиональных обязанностей.

Результаты диагностики профессионального выгорания педагогов, определенная с помощью методики А. А. Рукавишникова показали, что у педагогов средняя выраженность психоэмоционального истощения ($M=34,6$), для них характерно исчерпание эмоциональных, физических, энергетических ресурсов, эмоциональное и физическое утомление, равнодушие и холодность по отношению к окружающим, признаки депрессии и раздражительности.

Результаты проверки распределений по диагностическим методикам на нормальность с помощью критерия Колмогорова — Смирнова представлены в таблице 1.

Рис. 3. Соотношение педагогов с различным уровнем профессионального выгорания по методике А. А. Рукавишникова

Таблица 1. Результаты проверки распределений на нормальность по методике профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер, опроснику профессионального выгорания (MBI) К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой и методике определения психического выгорания А. А. Рукавишникова

Показатели	K-S	p
Профессиональная идентичность	1,292	0,071
Эмоциональное истощение	1,528	0,019
Деперсонализация	0,842	0,477
Профессиональная редукция	0,732	0,658
Общий уровень профессионального выгорания	1,308	0,065
Психодемоциональное истощение	0,691	0,726
Личностное отдаление	0,484	0,973
Снижение профессиональной мотивации	0,648	0,796
Профессиональное выгорание	0,648	0,796

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа (r-Спирмена) по методике профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер, опроснику профессионального выгорания (MBI) К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой и методике определения психического выгорания А. А. Рукавишникова

№ п/п	Параметры	Профессиональная идентичность	
		r-Спирмена	Значимость, p
1.	Эмоциональное истощение	-0,297*	0,036
2.	Деперсонализация	-0,271	0,057
3.	Профессиональная редукция	0,07	0,631
4.	Уровень профессионального выгорания	-0,172	0,231
5.	Психодемоциональное истощение	-0,281*	0,048
6.	Личностное отдаление	-0,269	0,059
7.	Снижение профессиональной мотивации	-0,345*	0,014
8.	Профессиональное выгорание	-0,074	0,612

Результаты корреляционного анализа переменных профессиональной идентичности и выгорания у педагогов представлены в таблице 3.

Результаты корреляционного анализа показали, что профессиональная идентичность связана с эмоциональным истощением ($p \leq 0,05$) и снижением профессиональной мотивации ($p \leq 0,05$). То есть, чем меньше эмоциональное истощение и чем больше выражена про-

фессиональная мотивация, тем больше выражена достигнутая идентичность.

Полученные результаты указывают на важность профессиональной идентичности как защитного фактора в контексте выгорания. Учителя с высокой профессиональной идентичностью ощущают большую удовлетворенность своей работой, что может отвлекать от стресса и перегрузок, характерных для учительской профессии.

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа (r-Спирмена) по методике профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер, опроснику профессионального выгорания (MBI) К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой и методике определения психического выгорания А. А. Рукавишникова

№ п/п	Параметры	Профессиональная идентичность	
		r-Спирмена	Значимость, p
1.	Эмоциональное истощение	-0,297*	0,036
2.	Деперсонализация	-0,271	0,057
3.	Профессиональная редукция	0,07	0,631
4.	Уровень профессионального выгорания	-0,172	0,231
5.	Психодемоциональное истощение	-0,281*	0,048
6.	Личностное отдаление	-0,269	0,059
7.	Снижение профессиональной мотивации	-0,345*	0,014
8.	Профессиональное выгорание	-0,074	0,612

Примечание: * — взаимосвязь на уровне $p \leq 0,05$.

Литература:

1. Рукавишников А. А. Опыт создания методики для диагностики психического выгорания // Психология и практика. Ежегодник Российского психологического общества. — 1998. — Т. 4. — Вып. 1. — С. 283–284.
2. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л. Б. Шнейдер. — М.: Изд-во Московского психологического института, 2007. — 128 с.
3. Маслач К. Эмоциональное выгорание: социально-психологический анализ / Синдром эмоционального выгорания // под ред. Дж. У. Джонса, Парк Ридж. — Лондон: Лондон Хаус, 1982.— С. 30–53.

Особенности сексуального просвещения в семьях с неудачным дебютом у миллениалов и зумеров

Крохалева Любовь Викторовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье приводятся особенности сексуального просвещения в семьях, столкнувшихся с неудачным сексуальным дебютом у миллениалов и зумеров. Рассматриваются факторы риска, причины неудач и способы преодоления возникающих психологических проблем.

Ключевые слова: секспросвет, сексуальное воспитание, миллениалы, зумеры, дебют, отношения, семья.

Сексуальное просвещение в постсоветских семьях долгое время оставалось табуированной темой. За последние 30 лет сексуальное просвещение в России претерпело значительные изменения.

С началом нового тысячелетия произошли глубокие и резкие изменения в социальной структуре, ценностях и отношениях. На смену поколения миллениума пришло поколение зумеров. Если миллениалы чаще сталкивались с замалчиванием, страшлками и стигматизацией, то зумеры растут в эпоху бодипозитива, инклюзивности и цифровой информации. Кто же такие «миллениалы» и «зумеры»?

Поколение миллениалов, это группа людей, родившихся в период с начала 1980-х до 2000-х годов. У этой обширной группы людей много других определений, придуманных социологами и маркетологами: поколение Y, поколение Pepsi, поколение Next — из-за склонности оттягивать момент вступления во взрослую жизнь. Они росли на стыке аналогового и цифрового мира [4].

Согласно теории Н. Хоу и В. Штрауса, поколение Y — это люди, которых называют миллениалами. Они росли вместе с развитием Интернета, поэтому они в большей степени вовлечены в цифровую среду, чем предыдущее поколение. Исследователи отмечают, что для большинства людей поколения Y создание семьи не является приоритетом — среди них больше бездетных людей. Важными и ценными для такого поколения являются свобода, развлечения и результат, в его собственном виде и вознаграждении. Представители поколения Y знают, что такое гражданский долг, ответственность и мораль. Поколение Y склонно ценить получение новых знаний и стремится получать новую информацию. Для представителей харак-

терна гибкость, быстрая адаптация к новым условиям, желание найти баланс между карьерой и личной жизнью. Поколение Y также называют поколением «Питера Пэна» из-за того, что его представители склонны откладывать переход во взрослую жизнь на более поздний срок, чем их сверстники в предыдущих поколениях, а также они дольше остаются в родительском «гнезде» [2].

Поколение Z, также известное как зумеры, — это люди, родившиеся в начале 2000-х годов по 2012 год. Их жизнь неразрывно связана с технологиями, они выросли в цифровой среде, что сформировало у них особый взгляд на мир и способ взаимодействия с окружающей действительностью.

Н. Хоу и В. Штраус определяют поколение Z как людей, выросших со смартфоном, привыкших получать информацию и развлечения по запросу, мгновенно. Поколение Z непрерывно находится в социальных сетях, таких как TikTok, Вконтакте и Сигнал, где они анонимно создают паблики, публикуют изображения или видео и удаляют их по своему желанию. Икона-символ поколения Z — это YouTube-канал по количеству подписчиков в мире: 70 000 000. Главной заботой поколения Z является количество лайков, набранных за день [4].

Родители-миллениалы, выросшие в 1990–2000-х, часто сами не получали адекватного секспросвета, что привело к «неудачному дебюту» — страху, неловкости или полному избеганию разговоров о сексе с собственными детьми-зумерами. В результате новое поколение ищет информацию в интернете, где риски дезинформации крайне высоки.

Исследования показывают, что миллениалы, несмотря на доступ к информации, часто воспроизводят модели поведения своих родителей: 62 % опрошенных признались,

что испытывают стыд при разговорах о сексе с детьми. Зумеры, в свою очередь, отмечают, что первые «уроки» сексуальности получали либо через порно, либо через травмирующие шутки сверстников. Это создает порочный круг недоверия и незнания.

По данным исследований 68 % миллениалов не получали никакого секспросвета от родителей. В школах на уроках биологии, при изучении раздела анатомии, вопросы о контрацепции или удовольствии обходили стороной.

Если в семье-миллениалах и говорили о сексе, то он носил основной посыл: «Секс — это опасно». Секс приведет к незапланированной беременности, это «испорченная репутация» на всю оставшуюся жизнь для девушки.

54 % подростков, рожденных в начале 2000-х годов, о контрацепции узнавали только после первого сексуального опыта. Сексуальная безграмотность приводила к серьезным последствиям, а именно к заболеваниям, передающимся половым путем.

Поколение, зумеров, наоборот, в сексуальном воспитании более продвинутые. Базовые знания они уже получают от своих родителей. Доступ к интернету, во времена их взросления стали популярны идеи саморазвития и психологии в сторис. Это поколение выросло на вопросах «А кто я?» и «Чего я хочу от жизни и от любви?» [5].

Зумеры считаются в России благополучным поколением, более благополучным, чем миллениалы. А чем благополучнее среда, тем позже наступает возраст вступления в сексуальные отношения. Если наложить тотальную сексуализацию и общее благополучие, то можно зафиксировать снижение интереса к сексу. Поколение Z выросло окруженным технологиями. Это означает, что им редко бывает скучно, и вместо того, чтобы строить сексуальные связи, как люди могли бы делать это в прошлом, они могут развлекаться с телефонами для получения мгновенных удовольствий. У них есть гораздо больше дел, чем просто секс.

Обмен интимными фотографиями по переписке — самый популярный вид романтического общения для поколения Z. 36–38 % молодежи занимается секстингом. Исходя из того, что соцсети и мессенджеры стирают географические барьеры, поиски партнера не ограничиваются одним городом, а распространены повсеместно, однако стоит отметить, что поиски наименее активны нежели у предыдущего поколения.

Внешность новое поколение интересует далеко не в первую очередь, что даже странно при их страсти к секстингу (пересылка личных фотографий, сообщений интимного содержания посредством современных средств связи: сотовых телефонов, электронной почты, социальных интернет-сетей). В России подростки охотнее

пойдут на свидание с тем человеком, с которым интересно и существуют темы для разговора или обсуждения новых бизнес-идей [1].

На сегодняшний день учащиеся старших классов все реже ходят на свидания, и этот факт, в свою очередь, влияет на сексуальную жизнь: с 1991 года количество старшеклассников, у которых был хотя бы один половой контакт, упало с 54 % до 40 %. Однако, к облегчению родителей, уровень подростковой рождаемости достиг рекордно низкого уровня. Зумеры понимают, что разные уровни влечения (вплоть до асексуальности) одинаково нормальны, а счастье — это когда секса не много, а ровно столько, сколько хочется. В отношениях на первый план выходит умение понимать и принимать партнера.

В отличие от миллениалов, зумеры чаще слышат о принятии тела, разнообразии и согласии. Родители-миллениалы часто не одобряют «слишком открытые» обсуждения своих детей-зумеров, из-за чего происходит конфликт поколений.

Игнорирование темы секса со стороны родителей в будущем может привести к «неудачному дебюту» и психологической травме. Термин «неудачный дебют» в контексте секспросвета описывает травматичный, неловкий или деструктивный первый опыт разговора о сексе между родителями и детьми. Этот феномен особенно характерен для миллениалов и зумеров, чьи представления о сексуальности часто формировались под влиянием страха, стыда или полного молчания.

Так, например, у поколения миллениалов умалчивание о сексе по данным социологов привело к страху перед открытыми разговорами со своими детьми. В подсознании, они понимают, что нужно об этом говорить со своим ребенком, но не могут преодолеть барьер.

Все это приводит к недостатку доверия к родителям как к источнику информации, со стороны детей-зумеров, которые обращаются к порно. 37 % мальчиков 12–15 лет называют его основным «учебником» для восполнения пробелов о сексе. Кроме этого подростки получают информацию из тик-ток-роликов, мемов, где много мифов (например, «прерванный акт — это надежно») [3].

В целом, зумеры более информированы, а тема секса менее стигматизирована. Молодые люди обладают более глубокими знаниями о ВИЧ, инфекциях, передающихся половым путем, нежелательной беременности и психологических последствиях, чем предыдущие поколения. Но системного секспросвета по-прежнему нет — знания остаются фрагментированными, а эмоциональные барьеры между поколениями мешают здоровому диалогу. Миллениалы «разрулили» проблему абсолютного молчания, но им теперь нужно научиться говорить не только о рисках, но и о здоровых отношениях, удовольствии и уважении со своими детьми.

Литература:

- Богачева, Н. В. Мифы о «поколении Z» / Н. В. Современная аналитика образования. — 2019. — № 1. — С. 1–64.

2. Даутов, Д. Ф. Изучение отношения ко времени у представителей сетевых поколений Y и Z с разной выраженностью лидерских качеств / Д.Ф. Даутов // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. — 2023. — Т. 6, № 1. — С. 53–61.
3. Дутко, Ю. А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и основные исследования / Ю. А. Дутко // Проблемы современного образования. — 2020. — № 4. — С. 28–37.
4. Ишкова Т. А. От миллениалов к поколению Z — анализ различий между миллениалами и зуммерами, конфликт и их жизненные приоритеты / Т. А. Ишкова // Студенческий. 2025. — № 22. — С. 12–15.
5. Поликарпов, В. А. Сексуальная активность поколения Z / В. А. Поликарпов // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. — 2019. — № 4. — С. 113–121.

Осознанность как ресурс психоэмоциональной регуляции студентов

Латыпова Альбина Рамилевна, студент

Научный руководитель: Шрейбер Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Осознанность рассматривается как метакогнитивный ресурс, сочетающий регуляцию внимания, принятие переживаний и децентрацию, что делает её перспективным механизмом профилактики дистресса и укрепления эмоциональной устойчивости студенческой молодёжи. В статье синтезируются ключевые теоретические подходы и инструменты измерения (FFMQ, MAAS), а также обсуждаются валидированные отечественные методики оценки психоэмоционального состояния (Л. В. Куликов) и внутриличностной конфликтности (А. И. Шипилов). Обозначены медиаторные пути влияния осознанности на тревогу, устойчивость и самооценку, а также типовые методологические ограничения исследований. На основе эмпирических ориентиров, сформулированы принципы проектирования образовательных интервенций для вузов.

Ключевые слова: осознанность, эмоциональная регуляция, децентрация, студенты, тревога, устойчивость, внутриличностная конфликтность

Awareness as a resource of psychoemotional regulation of students

Mindfulness is conceptualized as a metacognitive resource that combines attentional regulation, acceptance, and decentering—thus offering a promising mechanism for distress prevention and emotional resilience among university students. This paper synthesizes core theoretical models and measurement tools (FFMQ, MAAS) and discusses validated Russian instruments for assessing psycho-emotional state (L. V. Kulikov) and intrapersonal conflict (A. I. Shipilov). We outline mediating pathways through which mindfulness affects anxiety, stability, and self-esteem, and highlight common methodological limitations. Drawing on empirical pointers from the referenced thesis, we propose design principles for university-level mindfulness interventions.

Keywords: mindfulness, emotion regulation, decentering, students, anxiety, stability, intrapersonal conflict

Период обучения в вузе является одним из наиболее напряжённых этапов в жизни студенческой молодёжи. Он сопровождается интенсивной учебной нагрузкой, необходимостью усвоения больших объёмов информации и одновременным формированием профессиональной идентичности. Эти обстоятельства делают студентов особенно уязвимыми к проявлениям хронического стресса, повышенной тревожности и эмоциональной неустойчивости. Наиболее часто встречающимися проблемами становятся эмоциональная неустойчивость, снижение жизненного тонуса, внутриличностные противоречия, а также высокий уровень тревожности, затрудняющий успешную адаптацию к образовательной среде.

Для выявления и анализа этих состояний в отечественной психологии применяются валидированные диа-

гностические комплексы. Так, методика Л. В. Куликова [1] позволяет исследовать активность, тонус, тревожность, устойчивость, удовлетворённость жизнью и адекватность образа «Я», а методика А. И. Шипилова [3] направлена на определение структуры и степени выраженности внутриличностных противоречий. Эти инструменты обеспечивают целостное понимание эмоционального профиля студентов и позволяют выявлять ключевые механизмы, лежащие в основе их эмоциональной устойчивости или, напротив, уязвимости.

Эмоциональное состояние студента во многом определяется внутриличностными факторами — особенностями личности, когнитивными установками, уровнем саморегуляции и характером копинг-стратегий. Среди этих факторов особое значение имеет осознанность (mindfulness),

которая рассматривается как универсальный регулятор психоэмоциональных процессов. Она позволяет человеку выйти за пределы автоматических реакций и занять позицию наблюдателя по отношению к собственным мыслям и переживаниям, тем самым снижая уровень тревожности и внутриличностной конфликтности, а также повышая активность, устойчивость и удовлетворённость жизнью.

Научное осмысление феномена осознанности началось с работ Дж. Кабат-Зинна [5], который определял её как «намеренное, направленное и безоценочное внимание» к опыту настоящего момента. Позднее в ряде исследований была выделена так называемая триада осознанности: регуляция внимания, принятие переживаний и децентрация. Эти процессы формируют устойчивый регулятивный механизм, позволяющий снизить автоматическую реактивность, повысить когнитивную гибкость и препятствовать развитию руминаций. Эмпирический обзор R. Baer [4] подтвердил, что именно такие механизмы лежат в основе позитивных эффектов программ mindfulness, способствуя снижению тревожности и повышению эмоциональной устойчивости. В отечественной психологической традиции А. Г. Маклаков [2] подчёркивал значимость процессов саморегуляции и когнитивной гибкости для успешной адаптации личности, что перекликается с современными моделями осознанности. Благодаря совокупному действию этих факторов у человека возрастает способность к переоценке сложных ситуаций, что способствует формированию более устойчивого эмоционального состояния и повышению адаптивности.

Для операционализации феномена осознанности в психологических исследованиях используются валидированные методики. В англоязычной традиции широко применяются опросники MAAS, измеряющий диспозиционную осознанность, и FFMQ, включающий пятифасетную структуру, охватывающую наблюдение, описание, действие с вниманием, безоценочность и нереактивность. В отечественной практике чаще используются «Пятифакторный опросник осознанности» в сочетании с методиками Л. В. Куликова [1] и А. И. Шипилова [3], что позволяет проводить сопоставление уровня осознанности с параметрами психических ресурсов и дистресса. Эти инструменты формируют надёжную основу для комплексного анализа психоэмоционального состояния студентов.

Литература:

1. Куликов, Л. В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. Разработка и проверка методик / Л. В. Куликов. — СПб., 2003. — 147 с.
2. Маклаков, А. Г. Общая психология: учебник для вузов / А. Г. Маклаков. — СПб.: Питер, 2017. — 583 с.
3. Шипилов, А. И., Анцупов, А. Я. Конфликтология: учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — 8-е изд. — СПб.: Питер, 2023. — 560 с.
4. Baer, R. A. Mindfulness training as a clinical intervention: A conceptual and empirical review / R. A. Baer // Clinical Psychology: Science and Practice. — 2003. — Vol. 10, № 2. — P. 125–143.
5. Kabat-Zinn, J. Full Catastrophe Living: Using the Wisdom of Your Body and Mind to Face Stress, Pain, and Illness / J. Kabat-Zinn. — Rev. ed. — New York: Bantam, 2013. — 720 p.

Механизмы влияния осознанности на эмоциональную сферу связаны с тем, что метауровень наблюдения и принятия снижает когнитивную реактивность и «размыкает» цепочки избегания и катастрофизации, тем самым стабилизируя эмоциональный фон. Эмпирические исследования на студенческих выборках подтверждают, что высокий уровень осознанности способствует росту показателей активности и жизненного тонуса, повышению удовлетворённости жизнью и уменьшению внутриличностной конфликтности. Однако при интерпретации результатов необходимо учитывать методологические ограничения: преобладание самоотчётных шкал и кросс-секционных дизайнов затрудняет установление причинно-следственных связей.

Тем не менее, практика применения программ, основанных на развитии осознанности, таких как MBSR и MBCT, демонстрирует воспроизводимые положительные эффекты в снижении тревожности и уровня стресса. Для образовательной среды перспективным направлением становится внедрение адаптированных форматов: микропрактик в учебном процессе, включающих короткие упражнения на концентрацию внимания и дыхательные техники, специализированных тренингов для групп с повышенным уровнем эмоционального неблагополучия, а также цифрового сопровождения с регулярной оценкой динамики психоэмоциональных показателей.

Таким образом, осознанность можно рассматривать как значимый личностный ресурс и технологический инструмент, укрепляющий эмоциональную устойчивость студенческой молодёжи. Её практическая ценность проявляется в способности снижать уровень психофизиологической реактивности, формировать гибкие механизмы саморегуляции и способствовать переходу от автоматических реакций к осознанному выбору стратегий поведения. Для системы высшего образования важным направлением становится разработка и внедрение многоуровневых программ, ориентированных на развитие осознанности как ключевого компонента психологического здоровья студентов. Комплексное сочетание диагностических методик, регулярных микропрактик и специализированных курсов может стать основой стратегии профилактики дистресса и укрепления психологической устойчивости в образовательной среде.

Влияние уровня осознанности на психоэмоциональное состояние студентов

Латыпова Альбина Рамилевна, студент

Научный руководитель: Шрейбер Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В данной статье представлено исследование, целью которого является сопоставление психоэмоциональных профилей студентов с высоким и низким уровнем осознанности и проверить связи осознанности с ключевыми показателями эмоциональной сферы. В выборке из 100 студентов (18–25 лет) сформированы группы высокой (Н) и низкой (L) осознанности, применены методики Л. В. Куликова и А. И. Шипилова, рассчитаны межгрупповые различия и корреляции. У группы Н выявлены более высокий активность/тонус, устойчивость, удовлетворённость и образ «Я», а также ниже тревога и общая внутриличностная конфликтность; связи осознанности с тревогой и конфликтностью выражены отрицательно ($r=-0,69-0,71$; $p < 0,001$). Обсуждаются практические выводы для программ развития осознанности и психологической поддержки студентов.

Ключевые слова: студенты, осознанность, активность, тревога, устойчивость, внутриличностная конфликтность, корреляция.

Influence of the level of mindfulness on the psycho-emotional state of students

This study compares psycho-emotional profiles of students with high vs. low mindfulness and examines associations between mindfulness and key emotional indicators. In a sample of 100 students (18–25 years), high (H) and low (L) mindfulness groups were formed; L. V. Kulikov's and A. I. Shipilov's instruments were administered; between-group differences and correlations were computed. The H group showed higher activity/tone, stability, life satisfaction, and self-image, as well as lower anxiety and intrapersonal conflict; mindfulness correlated negatively with anxiety and overall intrapersonal conflict ($|r| \approx 0,69-0,71$; $p < 0,001$). Practical implications for campus mindfulness programs and student support services are discussed.

Keywords: students, mindfulness, activity, anxiety, stability, intrapersonal conflict, correlation.

Актуальность профилактики дистресса в вузовской среде сегодня трудно переоценить, поскольку именно эта задача требует использования таких инструментов, которые одновременно усиливают способность студентов к регуляции внимания и снижают их эмоциональную реактивность. На эмпирическом уровне это выражается в необходимости проверки того, насколько диспозиционная осознанность связана с основными показателями эмоциональной сферы студентов: активностью, тонусом, устойчивостью, удовлетворённостью жизнью, образом «Я», уровнем тревоги и выраженностью внутриличностной конфликтности [2, 4]. В настоящем исследовании подобные сопоставления были выполнены на целевой студенческой выборке, включавшей сто человек.

В исследовании приняли участие студенты в возрасте от 18 до 25 лет, обучающиеся в вузах Ижевска. Общая выборка была разделена на две равные подгруппы на основании суммарного балла «Пятифакторного опросника осознанности» авторов А. М. Голубева и Е. А. Дорошевой: первая группа (Н) включала 50 студентов с высоким уровнем осознанности, вторая группа (L) — 50 студентов с низким уровнем данного качества.

Для диагностики применялся комплекс методик, обеспечивший разностороннюю оценку эмоциональной сферы и степени выраженности внутриличностной конфликтности. Основным инструментом выступил «Пятифакторный опросник осознанности» в адаптиро-

ванном варианте, позволивший разделить выборку на группы. Для оценки эмоционального состояния использовалась методика Л. В. Куликова, измерявшая показатели в Т-оценках по шести шкалам, а также методика А. И. Шипилова, предоставившая интегральный коэффициент общей внутриличностной конфликтности (Квк) [1, 3]. Такой комплекс позволил провести описательный анализ и проверить корреляционные связи с помощью коэффициента Пирсона.

Результаты межгруппового сравнения выявили устойчивые и статистически значимые различия по всем ключевым показателям методики Л. В. Куликова. Студенты с высоким уровнем осознанности демонстрировали значительно более выраженные позитивные характеристики психоэмоциональной сферы: их показатели по шкале активности составили в среднем 58,4 балла, тогда как у студентов с низкой осознанностью — 44,3. Аналогичная картина наблюдалась по шкале тонуса (55,2 против 41,9), что отражает большую энергичность, оптимизм и ресурсность первой группы. Статистически значимые различия выявлены по шкале устойчивости (59,0 против 40,5), показывающей способность сохранять внутреннее равновесие в условиях стресса и неопределенности. Также студенты с высокой осознанностью имеют более высокий уровень удовлетворенности жизнью (57,1 против 42,0) и более позитивный и адекватный образ «Я» (60,2 против 39,8), что указывает на гармоничное восприятие себя и большую

субъективную удовлетворённость собственным положением. Примечательно, что по шкале тревоги наблюдалась обратная тенденция: у студентов с высокой осознанностью средний показатель составил 42,1, что существенно ниже, чем у студентов с низкой осознанностью (57,8). Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что высокая осознанность связана с меньшей уязвимостью к негативным эмоциональным состояниям и формирует более устойчивый эмоциональный ресурс.

Дальнейший корреляционный анализ позволил подтвердить предполагаемые в гипотезах исследования и статистически значимые связи между уровнем осознанности и показателями психоэмоциональной сферы. Осознанность продемонстрировала положительные корреляции с активностью ($r = 0,620$; $p < 0,001$) и устойчивостью ($r = 0,580$; $p < 0,001$), что отражает её роль в поддержании высокого уровня жизненной энергии и способности студентов к эмоциональной саморегуляции. В то же время выявлены выраженные отрицательные взаимосвязи с тревогой ($r = -0,690$; $p < 0,001$) и интегральным коэффициентом внутриличностной конфликтности ($r = -0,710$; $p < 0,001$), что указывает на защитный эффект осознанности, снижающий внутренние противоречия и эмоциональное напряжение. Дополнительно установлена положительная корреляция между активностью и мотивационными параметрами ($r = 0,550$; $p < 0,001$), свидетельствующая о тесном переплетении эмоциональной и мотивационной сфер личности: высокий уровень энергии и активности способствует повышению внутренней мотивации к обучению и самореализации.

Интерпретация полученных данных позволяет говорить о формировании целостной картины влияния осознанности на психоэмоциональное состояние студентов. Высокий уровень осознанности выступает в качестве значимого фактора, обеспечивающего гармоничный и ресурсный эмоциональный профиль, устойчивость к стрессовым воздействиям и снижение внутриличностных конфликтов. Эти результаты согласуются с гипотезами

и современными концептуальными моделями, в рамках которых осознанность рассматривается как ключевой механизм регуляции аффекта: усиление внимания к текущему опыту, снижение автоматической реактивности и развитие навыков принятия собственных переживаний способствуют повышению эмоциональной стабильности и уменьшению уровня тревожности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно подтверждает перспективность внедрения в образовательную среду кратких протоколов развития осознанности. Микропрактики внимания, тренинги по принятию и вербализации переживаний могут стать действенными средствами профилактики дистресса и поддержки учебной эффективности студентов. Подобные программы, интегрированные в структуру вузовского образования, обладают потенциалом не только улучшать эмоциональное самочувствие учащихся, но и способствовать укреплению их психологических ресурсов в долгосрочной перспективе.

Таким образом, студенты с высоким уровнем осознанности статистически значимо превосходят своих сверстников по активности, тонусу, устойчивости, удовлетворённости жизнью и адекватности образа «Я», демонстрируя при этом меньшие показатели тревожности и общей внутриличностной конфликтности. Осознанность тесно и разнонаправленно связана с ключевыми параметрами психоэмоциональной сферы: она положительно коррелирует с ресурсными характеристиками и отрицательно — с дистрессовыми показателями. Эти результаты обосновывают необходимость внедрения в вузах многоуровневых программ развития осознанности с обязательным сопровождением регулярной диагностики по методикам Л. В. Куликова и А. И. Шипилова, а также мониторингом динамики в формате препост/пост-замеров, что позволит более эффективно управлять психоэмоциональными состояниями и в целом психологическим благополучием студентов.

Литература:

1. Куликов, Л. В. Определение доминирующего состояния личности: руководство к методике / Л. В. Куликов. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. — 45 с.
2. Маклаков, А. Г. Общая психология: учебное пособие / А. Г. Маклаков. — М.: Питер, 2008. — 592 с.
3. Шипилов, А. И. Внутриличностная конфликтность: диагностика и коррекция / А. И. Шипилов. — М.: Академия, 2012. — 256 с.
4. Baer, R. A. Mindfulness training as a clinical intervention: A conceptual and empirical review / R. A. Baer // Clinical Psychology: Science and Practice. — 2003. — Vol. 10, no. 2. — P. 125–143.

Манипуляции и их связь с самооценкой

Паули Елена Александровна, студент магистратуры
Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

В статье рассмотрена взаимосвязь между самооценкой и психологическим состоянием. Влияние уровня самооценки на эмоциональное состояние, стрессоустойчивость и общую удовлетворенность жизнью. Важность поддержания здоровой самооценки и отражение колебаний самооценки на психологическом здоровье.

Ключевые слова: самооценка, жертва, манипулятор, психологическое здоровье, манипулятивные техники

Manipulation and its relationship to self-esteem

Pauli Yelena Aleksandrovna, master's student
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

The article examines the relationship between self-esteem and psychological state. The influence of self-esteem on emotional state, stress tolerance, and overall life satisfaction. The importance of maintaining healthy self-esteem and reflecting fluctuations in self-esteem on psychological health.

Keywords: self-esteem, victim, manipulator, psychological health, manipulative techniques

Манипуляции в межличностных отношениях часто осуществляются через использование самооценки. Понимание того, как работает самооценка и как ее можно задействовать для достижения определенных целей, позволяет манипуляторам использовать задействованные механизмы для влияния на других. Самооценка формируется на основе социальных взаимодействий и внутреннего самовосприятия, поэтому манипулятор может влиять на эту самооценку, создавая определенные обстоятельства и ситуации.

Индивиды с низкой самооценкой более подвержены манипуляциям, поскольку они могут искать одобрения и признания своих заслуг извне. Сущность манипуляции прячется в ее способности использовать самые честолюбивые человеческие потребности и стремления, превращая их в элементы контроля. Манипулятор использует базовые потребности индивида — потребность в признании, одобрении, принадлежности, безопасности, любви и чувстве собственной значимости и поворачивает их против индивида, загоняя в ловушку и устанавливая тем самым полный контроль.

Одним из распространенных способов манипуляций является использование похвалы и комплиментов. На первый взгляд, все совершенно невинно и даже приятно. Однако в последствии формируется стойкая зависимость от чужого мнения. Жертва манипуляций начинает придавать нездоровую, гипертрофированную ценность чужим комментариям, ища в них подтверждение своей состоятельности и полноценности. Это ведет к подрыву психологического здоровья не только во внутреннем мире жертвы, но и во взаимодействии с окружающими людьми — возникает тревожность, неуверенность в себе, страх совершить ошибку.

Манипулятивные техники далеко не ограничиваются лестью и могут принимать самые разнообразные формы. Тактика «разделяй и властвуй» является адаптированной для

межличностных отношений. Манипулятор сознательно заставляет жертву сомневаться в адекватности своих собственных оценок относительно окружающего мира и людей, сея неясные сомнения в сознание жертвы. Он может подрывать доверие жертвы к друзьям, коллегам и семье, намекая на их недоброжелательность и плохое отношение. Идея очень проста — вывести жертву из состояния равновесия, лишив ее поддержки друзей и близких. В результате жертва начнет сомневаться в собственных суждениях, подвергая критическому взгляду свое мнение о других людях, их намерениях и ценностях. Состояние затянувшегося внутреннего конфликта и недоверия приводит к постоянному стрессу, эмоциальному истощению и еще более усиливает зависимость от манипулятора.

На первый взгляд, термин «манипуляция самооценкой» звучит неприятно и ассоциируется с негативным воздействием на человека. Однако, как это не парадоксально, работа с самооценкой может осуществляться с исключительно благотворительными и конструктивными намерениями. Речь идет о профессионально разработанных подходах, применяемых, например, в рамках психотерапии, коучинга или в рамках развивающих мотивационных тренингов. Здесь техники, направленные на коррекцию и улучшение самовосприятия, используются для того, чтобы помочь индивиду сформировать более адекватный, здоровый и, в конечном итоге, позитивный образ самого себя. Например, квалифицированный психолог может помочь клиенту переосмыслить укоренившиеся деструктивные убеждения о себе, которые часто формируются в результате негативного жизненного опыта или некорректного воспитания. Он может способствовать обнаружению скрытых внутренних ресурсов и потенциала, научить человека ценить собственные достижения и способности, даже те, что кажутся незначительными. Такое воздействие направлено

на укрепление внутренней опоры человека, развитие его личного потенциала и формирование устойчивого чувства собственного достоинства. Цель такого рода взаимодействия — не подчинение или контроль воли другого человека, а наоборот, расширение возможностей личности, достижение ею внутренней гармонии, повышение адаптивности и построение зрелых, взаимовыгодных и уважительных отношений с окружающим миром. Ключевое и принципиальное отличие между позитивным влиянием и негативной манипуляцией заключается именно в намерениях и конечных результатах воздействия. Когда методы, влияющие на самооценку, используются для достижения внутренней гармонии, укрепления психического здоровья, всестороннего развития и самоактуализации личности, они, без сомнения, служат благу человека. Однако, если те же или схожие по механизму психологического воздействия техники применяются для того, чтобы эксплуатировать уязвимость человека, его внутренние страхи или неуверенность, заставить его действовать в угоду чужим интересам, игнорируя при этом его собственные потребности, желания и благополучие, тогда они безусловно переходят в разряд чистой, неэтичной и деструктивной манипуляции. Понимание техники манипуляции с самооценкой может стать первым шагом к созданию защиты от них.

Для эффективной борьбы с подобными манипуляциями полезно обратиться к методам повышения уровня

самооценки. Если у индивида уже сформированы развитые навыки критического восприятия себя и окружающего мира, когда он обладает непоколебимой уверенностью в своих способностях, знаниях и внутренней ценности, манипулятору становится в разы сложнее достичь желаемого результата. Уверенный в себе человек не будет автоматически принимать на веру чужие оценки, не поддастся на лесть и запугивание, поскольку его внутренняя система ценностей и самоощущения уже крепко укоренена и не зависит от внешних похвал или критики. Все это лишь подчеркивает фундаментальную важность систематического и грамотного подхода к формированию, поддержанию и постоянному укреплению своей самооценки. Это не просто путь к личному счастью и благополучию, но и стратегическая необходимость для создания психологически стойкой, независимой и невосприимчивой к внешнему воздействию личности, менее подверженной манипуляциям. Понимание механизмов манипуляции не только помогает распознать угрозы и суметь противостоять им, но и стимулирует развитие глубокой осознанности собственных эмоциональных реакций на эти воздействия. В результате, жертва манипуляций превращается в независимого и самодостаточного человека, способного отстаивать свои интересы и ценности, становясь менее податливой и более свободной в своих проявлениях и взаимодействиях с миром.

Литература:

1. Артиков Н. А. Эмоциональная манипуляция. — 2023.
2. Голудин И. А. Деструктивные отношения и их влияние на психологическое благополучие: нарциссизм, эмоциональное насилие и стратегии совладания //Актуальные исследования. — 2025. — №. 14 (249). — С. 76–78.
3. Евсеева П. А. Исследование взаимосвязи типа личности и ситуативной самооценки //Москва. — 2024. — Т. 25. — С. 328–334.
4. Кузнецова, М. С. Влияние самооценки родителей на формирование самооценки младшего школьника / М. С. Кузнецова // Инновации. Наука. Образование. — 2022. — № 53. — С. 229–235. — EDN OYCKAH.
5. Корчагин В. В., Мгеладзе И. З. Самосознание как объект манипуляции в современном медиапространстве //Вопросы медиабизнеса. — 2024. — Т. 3. — №. 3. — С. 77–87.
6. Макаров Е. Б. Манипуляция массовым сознанием: принципы и практика //Национальная безопасность и стратегическое планирование. — №. 4. — С. 44.

Особенности структуры творческого мышления у учащихся художественных школ

Пономаренко Мария Юрьевна, студент;

Переверзева Ева Станиславовна, студент;

Тарасова Снежана Геннадьевна, студент

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей творческого мышления у подростков 12–16 лет, обучающихся в художественной школе. Полученные данные имеют практическую значимость для разработки дифференцированных подходов в педагогической практике художественного образования.

Ключевые слова: творческое мышление, художественная школа, дивергентное мышление, беглость, гибкость, оригинальность, разработанность.

Актуальность исследования творческого мышления в современной психологии обусловлена его ключевой ролью в процессе адаптации и успешной деятельности в условиях быстро меняющегося мира. Особый интерес представляет изучение данного феномена в контексте специализированного образования, где целенаправленно формируются соответствующие навыки и компетенции. Художественные школы, как институции, ориентированные на развитие творческого потенциала, предоставляют уникальную возможность для изучения специфики становления и структуры творческого мышления.

В современной науке творческое мышление рассматривается как сложный, многокомпонентный процесс. В его исследовании выделяются различные подходы: когнитивный [18], фокусирующийся на роли памяти, внимания и метакогнитивных процессов; психоаналитический [19, 23], объясняющий творчество через бессознательные влечения и архетипы; социокультурный [8], подчеркивающий значение социального взаимодействия и культурных инструментов; системный [6], рассматривающий креативность как интегральное свойство личности, и нейробиологический [4, 7], изучающий его нейронные основы. Несмотря на многообразие подходов, в структуре творческого мышления общепризнанными являются такие компоненты, как дивергентное и конвергентное мышление, беглость, гибкость, оригинальность и разработанность, впервые системно описанные в кубической модели интеллекта Дж. Гилфорда [9] и операционализированные в тестах П. Торренса [26].

Однако остается открытым вопрос о том, как именно эти компоненты соотносятся друг с другом в процессе целенаправленного обучения художественной деятельности и формируется ли специфическая структура творческого мышления под влиянием образовательной среды художественной школы.

Цель исследования в анализе специфики и структуры творческого мышления у учащихся художественной школы, выявление взаимосвязей между его ключевыми компонентами.

Гипотеза исследования была следующая: существуют различия в уровне развития и характере взаимосвязей между компонентами творческого мышления (беглостью, гибкостью, оригинальностью, разработанностью) у учащихся художественной школы, обусловленные особенностями образовательной среды.

Для диагностики компонентов творческого мышления был использован комплекс методик:

1. Тест творческого мышления П. Торренса [28], оценивающий беглость, гибкость, оригинальность и разработанность.
2. Диагностика уровня развития дивергентного мышления (адаптированный вариант), направленная на оценку тех же параметров в графической деятельности.

3. Тест на творческие способности Дж. Гилфорда [29], исследующий беглость, гибкость, оригинальность и точность (проработку).

Качественный анализ результатов показал, что у большинства учащихся художественной школы наиболее развитыми оказались показатели беглости (способность генерировать большое количество идей за единицу времени) и разработанности (способность детализировать и углублять первоначальные идеи). В меньшей степени была развита гибкость (способность переключаться между различными подходами и категориями), а показатель оригинальности (способность продуцировать нестандартные идеи) находился на среднем уровне. Данная диспропорция может быть объяснена спецификой образовательного процесса в художественной школе, где большое внимание уделяется технике, выполнению упражнений на скорость и тщательной проработке деталей, в то время как междисциплинарность и выход за рамки шаблонных решений могут быть представлены недостаточно.

Для проверки гипотезы о структурных взаимосвязях между компонентами был проведен корреляционный анализ. Матрица коэффициентов корреляции Спирмена выявила четкое разделение исследуемых параметров на две группы.

Первая группа объединила показатели беглости и гибкости. Между этими параметрами как внутри одной методики, так и между разными методиками были зафиксированы устойчивые сильные положительные корреляции ($\rho = 0,73-0,83$). Это позволяет предположить существование общего когнитивного механизма, лежащего в основе как скорости генерации идей, так и способности к переключению между различными стратегиями.

Вторая группа включила в себя показатели оригинальности и разработанности. Взаимосвязи между ними оказались еще более выраженным ($\rho = 0,82-0,85$), что может отражать глубину переработки творческих идей: по-настоящему оригинальные решения, как правило, требуют и более детальной проработки.

При этом взаимосвязи между группами оказались статистически незначимыми или слабыми. Корреляции между показателями беглости/гибкости и оригинальности были низкими ($\rho = 0,18-0,25$). Это свидетельствует о том, что способность быстро продуцировать идеи и способность создавать по-настоящему новаторские решения в значительной степени развиваются независимо друг от друга в условиях художественного образования.

Обнаруженная структура подтверждает гипотезу исследования о том, что характер творческого мышления определяется совокупностью компонентов, которые образуют относительно независимые блоки. Можно говорить о двух основных факторах в структуре творческого мышления учащихся-художников:

1. Фактор «Продуктивности», объединяющий беглость и гибкость и отвечающий за скорость и разнообразие генерации идей.

2. Фактор «Креативности», объединяющий оригинальность и разработанность и отвечающий за новизну и глубину проработки создаваемого продукта.

Выявленная диспропорция в развитии этих факторов (преимущественное развитие «Продуктивности»), а также их относительная независимость имеют важное практическое значение. Это объясняет часто наблюдаемые в педагогической практике случаи, когда технически подготовленные и работоспособные ученики испытывают трудности с созданием по-настоящему оригинальных работ, а учащиеся с ярким художественным видением — с последовательной и детализированной реализацией своих замыслов.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить специфику структуры творческого мышления у учащихся художественной школы. Эмпирически подтверждено, что оно является многокомпонентным образованием, ключевые элементы которого — беглость, гибкость, оригинальность и разработанность — образуют две относительно независимые группы. Сильные связи внутри пар «беглость-гибкость» и «оригинальность-разработанность» при слабых связях между этими парами указывают на наличие двух различных когнитивных механизмов: один отвечает за продуктивность и разнообразие мыслительного поиска, другой — за новизну и глубину преобразования идеи.

Установлено, что образовательная среда художественной школы эффективно развивает такие компоненты, как беглость и разработанность, в то время как гибкость и оригинальность требуют более целенаправленных педагогических усилий. Это свидетельствует о необходимости пересмотра существующих образовательных программ в сторону их большей сбалансированности.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности разработки дифференцированных подходов к развитию творческих способностей учащихся. На основе выявленных профилей (например, «продуктивный», но неоригинальный; «оригинальный», но недостаточно проработанный) могут быть созданы индивидуальные траектории развития. Для развития гибкости и оригинальности целесообразно внедрять в учебный процесс междисциплинарные проекты, упражнения на преодоление функциональной фиксированности, методики латерального мышления и проблемное обучение, стимулирующее поиск нестандартных решений.

Полученные данные также могут быть использованы в профориентационной работе и при отборе в художественные образовательные учреждения для выявления учащихся с различными типами творческих склонностей.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении динамики выявленных взаимосвязей под влиянием различных педагогических стратегий, а также в сравнении структуры творческого мышления у учащихся художественных школ и их сверстников, обучающихся в общеобразовательных учреждениях.

Литература:

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. — М.: Педагогика, 1982. — 504 с.
2. Гилфорд Дж. П. Три стороны интеллекта // Психология мышления / ред. А. М. Матюшкин. — М.: Прогресс, 1967. — С. 433–456.
3. Торренс Э. П. Torrance Tests of Creative Thinking: Norms-Technical Manual. — Scholastic Testing Service, 1974. — 120 р.
4. Богоявленская Д. Б. Психология творчества. — М.: Академия, 2002. — 320 с.
5. Андреева И. С. Нейробиология креативности: современные подходы и перспективы // Психологический журнал. — 2017. — Т. 38, № 6. — С. 5–17.
6. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. — СПб.: Питер, 2002. — 384 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Красота и уродство в творчестве Тулуз-Лотрека

Сагдеева Татьяна Владимировна, студент
ООО «АРТИНТРОВЕРТ» (г. Санкт-Петербург)

Представьте, Париж конца XIX века — ослепительный, грешный и пьянящий. Блеск кабаре и мрак трущоб, роскошь аристократических салонов и нищета парижского дна. И в этих контрастах — хрупкий человек с тростью, взгляд которого подмечает то, что другие стараются не замечать.

Анри де Тулуз-Лотрек (1865) — художник, который превратил уродство в красоту, а красоту в правду. Состотельный аристократ из графского рода, который был большим приверженцем чистоты крови — его отец и мама были кузенами, и это неизбежно сказалось на их единственном сыне — Анри.

Он был невысокого роста и отличался слабым здоровьем, а в 13 лет с ним случилось несчастье — катаясь на лошади, он упал и сломал левую ногу. В 14 лет история повторилась, только на сей раз нога была правая. Кости срослись не очень удачно, и рост мальчика прекратился, когда он достиг всего лишь 150 см — для 14-летнего подростка ещё нормально, а вот для взрослого мужчины благородного семейства точно недостаточно. Отец стал стесняться такого сына, и вместо блестящего будущего Тулуз-Лотрек чувствовал себя в этой семье ненужным. «Не оправдал надежд» — тяжело слышать такой приговор, особенно если в этом нет твоей вины.

Анри никак не походил на потомка аристократического рода, которому можно было появляться в высшем свете — непропорционально сложенный, ноги очень короткие, голова и руки слишком большие. С такой внешностью скорее стоит выступать в цирке уродов, чем блистать на светских раутах.

Давайте посмотрим, как Лотрек перевернул представление о прекрасном и как в его работах сошлись гротеск и изящество. И почему спустя века его искусство продолжает завораживать — без прикрас, но с бесконечным сочувствием к тем, кого общество предпочитает не замечать.

Искусство, как спасение

Анри де Тулуз-Лотрек, несмотря на свой недостаток, не унывал. Свой маленький рост он компенсировал отличным чувством юмора и был прекрасным собесед-

ником. В долгие периоды восстановления он направил свою энергию на живопись и графику.

Тулуз-Лотрек в детстве отдавал предпочтение рисункам лошадей, благодаря страсти отца к охоте и страсти к животным его первого учителя — Рене Пренсто. Быстрыми линиями он мастерски схватывал движение и передавал динамику.

Учился Анри у академистов, постулаты которых изрядно надоели молодым художникам. После учёбы он переселился у друга на Монмартре — это район поэтов и художников и центр разгульной жизни в Париже.

В поисках развлечений он отправлялся по самым злачным местам, всевозможным парижским кабаре и публичным домам. Он полюбил эту ночную жизнь, безудержное пьяное веселье, позволяющее ему забыть о своём физическом несовершенстве.

В 1884 году, в возрасте 19 лет, при помощи денег своей любящей матери он открыл мастерскую там же. Здесь он завёл дружбу с множеством падших людей, которых он ощущал такими же изгоями, как и он сам. На Монмартре Анри познакомили с Ван Гогом, с которым у него сложится тёплая дружба. Они вместе ходили писать с натурами, вместе кутили в питейных заведениях, где Лотрек и написал этот портрет и, кстати, перенял у него технику отдельных штрихов, что позволяло передавать движение. Ван Гог уговорил своего старшего брата приобрести картины Тулуз-Лотрека, так Тео стал одним из первых покупателей Анри.

Афиши, принесшие славу

Кроме пьянства и развлечений художник посвящал всё своё время живописи, писал портреты, которые хвалили критики. Поначалу он немного копировал стиль Дега и японских гравюр. Но впоследствии выработал свой узнаваемый стиль. Истинную же славу ему принесли рекламные афиши.

Хозяин кабаре «Муллен Руж», дела у которого шли не очень хорошо, заказал рекламу у художника в 1891 году. Эта рекламная афиша принесла Тулуз-Лотреку огромный успех и популярность. Афиши, созданные Анри, даже по-

стоянно воровали коллекционеры с улиц города. Люди говорили: «Хочешь, чтобы твоё заведение было известным — закажи афишу у Лотрека».

На волне популярности Лотрек организовал собственную выставку, она открылась в 1893 году. Но, к сожалению, посетители не приняли его работы и жёстко раскритиковали. «Вульгарные картинки развратного карлика, не имеющего к живописи никакого отношения». «Мои картины не вульгарные, они просто отражают ночную жизнь парижской богемы и обитательниц публичных домов, они правдивы, а правда без прикрас, похоже, никому не нужна».

Красота в несовершенстве

Лотрек не идеализирует своих героинь, но и не делает их карикатурными. Его техника лишь упрощает форму, но усиливает выразительность. «Уродство» по меркам академического рисунка становится новой эстетикой.

Художник пишет эмоции без прикрас. В картине *«В салоне на улице Мулен»* женщины не кокетничают, а просто существуют. Их скука и усталость, дружеские жесты — вот что делает их красивыми.

Эта картина посвящена жизни обитательниц парижских борделей, — один из самых пронзительных примеров

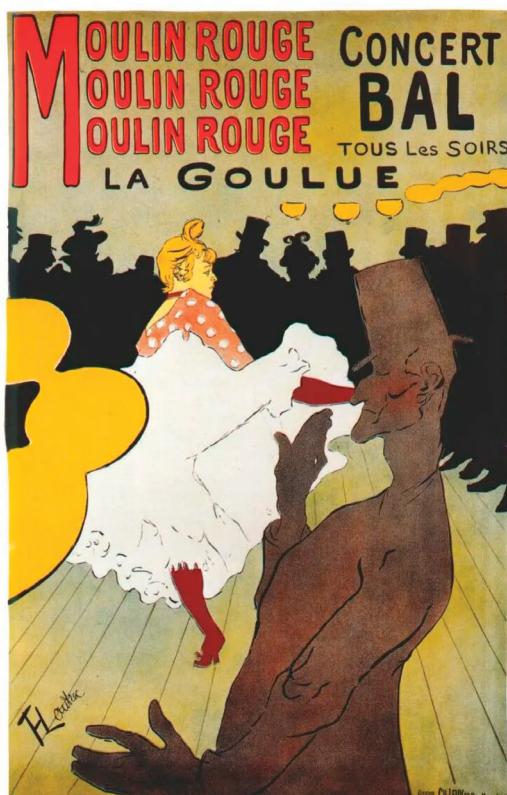

Рис. 1

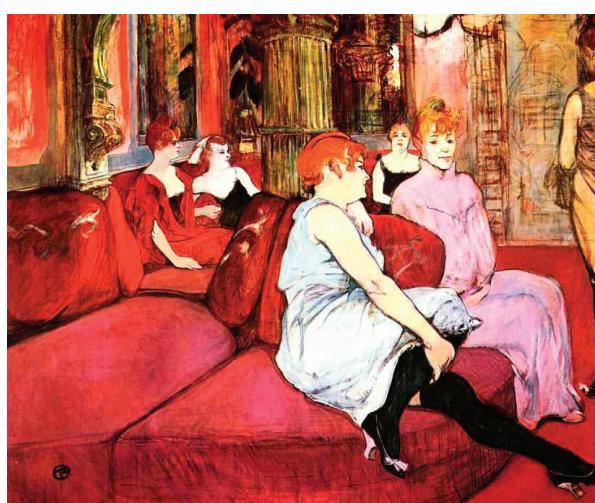

Рис. 2. «Медицинский осмотр» (1894)

того, как Лотрек сочетал жестокую откровенность и глубокую человечность. На картине изображён рутинный гинекологический осмотр проститутки в борделе. Интерьер умышленно безличный: голая стена, холодный свет, никаких намёков на уют.

Одним словом — антигламурный шедевр!

И где же здесь искать красоту?

Несмотря на клиническую отстранённость сцены, Лотрек не обесчеловечивает женщину. Её тело написано тепло, почти скользуально, а поза передаёт усталую покорность, но не стыд. «Медицинский осмотр» — это антигламурный шедевр. Лотрек показывает, что даже в самых мрачных сюжетах можно найти красоту.

Последние годы

К сожалению, богемная жизнь плохо сказалась на слабом здоровье мастера. Он был алкоголиком, заразился сифилисом и, в итоге, умер от инсульта в возрасте 36 лет. 737 картин, 275 акварелей, 369 гравюр и 5000 рисунков — вот всё известное нам наследие Тулуз-Лотрека.

Так в чём же красота и уродство у Анри де Тулуз-Лотрека?

Красота — это правда, отсутствие фальши. Его героини прекрасны не вопреки своим недостаткам, а благодаря им. Она не в идеале, а в аутентичности. Творчество Лотрека — это некий манифест: уродливое может быть

Рис. 3

Рис. 4.

красивым, если оно настоящее. В этом, пожалуй, и есть революция его творчества.

Уродство — это социальная условность. То, что считалось раньше безобразным, у Анри становится человечным и трогательным.

И в завершение мне бы очень хотелось сравнить его философию с японской философией «Кинцуги» — несовершенство как ценность и отказ от перфекционизма.

Она учит нас, что трещины и изломы не портят вещь, а наполняют её историей. И вместо того, чтобы скрывать изъяны, японские мастера подчёркивают их золотом, превращая утрату в красоту.

Кинцуги — предлагает видеть совершенство в том, что пережило боль, но не сломалось, а обрело новый смысл. Желаю вам так же философски относиться ко всем «уродствам» в жизни и искать в них нечто красивое.

Литература:

1. Перрюшо, Анри Жизнь Тулуз-Лотрека / Анри Перрюшо. — 1994: Радуга,. — 284 с.
2. ASCHEN. Master of Montmartre: Toulouse-Lautrec. Köln: TASCHEN, 2018.. — 96 с.
3. Третьякова, М. С. Наследование смыслов в дизайне: концепция «пути вещей» / М. С. Третьякова. — Текст: непосредственный // КиберЛеника. — 2023.
4. Сагдеева, Т. Красота и уродство в искусстве / Т. Сагдеева. — Текст: электронный // Gypsy tattoo: [сайт]. — URL: <https://gypsytattoo.ru/articles/tpost/50l3lu4em1-krasota-i-urodstvo-v-iskusstve> (дата обращения: 01.10.2025).

ФИЛОСОФИЯ

От дегуманизации к расчеловечиванию: генеалогия концепта Хосе Ортеги-и-Гассета до наших дней

Логинова Юлия Евгеньевна, студент
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье проводится анализ трансформации концепта «дегуманизации искусства», введенного Хосе Ортегой-и-Гассетом. Изначально понимаемая как сознательная эстетическая стратегия модернистского авангарда, направленная на разрыв с традиционной миметической традицией, дегуманизация рассматривается как сквозная тенденция, прошедшая три ключевых этапа. В работе прослеживается эволюция этого феномена от стилистического приема у модернистов, через игру с симулякрами в эпоху постмодерна, до его современной стадии — «расчеловечивания», когда процесс становится онтологической характеристикой бытия, выходящей далеко за рамки собственно искусства и затрагивающей основы человеческой субъективности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: Ортега-и-Гассет, дегуманизация искусства, модернизм, постмодернизм, авангард, симулякр, гиперреальность, современное искусство, философия искусства.

Фигура Хосе Ортеги-и-Гассета и его эссе «Дегуманизация искусства» давно стали обязательным референсом в дискурсе о модернизме. Однако зачастую его концепция воспринимается как исторически ограниченный комментарий к искусству начала XX века. В данной статье утверждается, что диагностированный философом феномен представляет собой не локальный эпизод, а универсальную и развивающуюся парадигму, ключевую для понимания логики развития всей культуры Новейшего времени [3, с25, 113]. Цель работы — выявить и охарактеризовать три последовательные стадии этого процесса, демонстрируя, как дегуманизация эволюционировала от осознанного художественного жеста до фундаментального условия существования в современном мире.

Стадия первая: Авангард. Дегуманизация как стилистическая стратегия и элитарный протест.

Исходный тезис Ортеги-и-Гассета заключался в том, что новое искусство — искусство авангарда — намеренно отворачивается от «человеческого, слишком человеческого». Его метафора «оконного стекла» brilliantly иллюстрирует этот разрыв: если классическое искусство стремилось сделать «стекло» (художественную форму) невидимым, чтобы зритель погрузился в «сад» изображаемых страстей и сюжетов, то модернизм, напротив, делает само «стекло» — материал, форму, конструкцию — главным объектом эстетической рефлексии.

Эта стратегия реализовалась в нескольких ключевых направлениях:

– Кубизм (П. Пикассо, Ж. Брак) осуществил дегуманизацию через деконструкцию человеческого тела, разлагая его на геометрические плоскости и предлагая множественную перспективу, что разрушало иллюзию целостного и эмоционально понятного образа;

– Абстракционизм (В. Кандинский, К. Малевич) пошел дальше, совершив радикальный уход от фигутивности как таковой. «Черный квадрат» Малевича — это акт сведения искусства к «нулю форм», к дематериализации объекта в пользу чистого ощущения или философской идеи;

– Сюрреализм (С. Дали, Р. Магритт) избрал иную тактику — дегуманизацию разума. Обращаясь к сновидениям, автоматическому письму и парадоксальным сочетаниям, сюрреалисты представляли человека не как разумного субъекта, а как марионетку иррациональных сил подсознания [1, с 97, 118].

На этой стадии дегуманизация была осознанным, почти манифестарным жестом, направленным против буржуазного вкуса и традиционного гуманизма. Как верно заметил Ортега, такое искусство по определению было элитарным, оно сознательно делило аудиторию на «понимающих» и «непонимающих», выступая формой интеллектуального и эстетического сопротивления массе.

Стадия вторая: Постмодерн. Дегуманизация как игра, цитирование и тотальная симуляция.

Если авангард пытался создать новый, не-человеческий язык, то искусство постмодерна отказалось от этой утопической задачи. Его пафос сменился с созидания на

игру с уже существующими культурными кодами. Дегуманизация здесь приняла форму остранения, тиражирования и симуляции.

Теоретический фундамент этой стадии заложили Ролан Барт с его «смертью автора» и Жан Бодрийяр с концепцией симулякра копии, у которой нет оригинала в реальности. Художник теперь не творец в романтическом понимании, а «ди-джей» культурных образов.

Ярче всего это проявилось в:

– Поп-арте (Э. Уорхол). Его знаменитые «Мэрилин» — это не портреты живой женщины, а рефлексия о механическом тиражировании образа. Лицо кинодивы становится обезличенным товарным знаком, симулякром знаменитости. Уорхол довел идею дегуманизации до логического предела, заявив: «Я хочу быть машиной»;

– Концептуализме (Дж. Кошут). В работе «Один и три стула» материальный объект окончательно уступает место лингвистическому и философскому концепту. Искусство здесь происходит не в визуальном ряду, а в пространстве мысли. Это высшая форма ортегианского отвлечения от «сада» реальности в пользу анализа самого «стекла» — механизмов презентации и значения;

– Фотографическом гиперреализме (Ч. Клоуз). Параметральным образом, сверхточное, почти фотографическое изображение человека также ведет к дегуманизации. Портреты Клоуза, при всей их технической виртуозности, холодны и лишены психологизма; человек предстает как биологический объект, сложная текстура кожи и волос. Это демонстрирует, что дегуманизация может достигаться не только через упрощение, но и через сверхсложение формы, которое нивелирует внутренний мир.

На этой стадии пророчество Ортеги-и-Гассета сбылось полностью: искусство окончательно стало «игрой для избранных», требующей не эмоциональной вовлеченности, а интеллектуальной эрудиции для расшифровки кодов и цитат [2].

Стадия третья: Современность. Расчеловечивание как неконтролируемая онтологическая реальность.

В XXI веке процесс дегуманизации вышел за рамки искусства и приобрел характер расчеловечивания — тотального процесса, при котором сама человеческая субъективность оказывается растворенной в технологических, медиенных и социальных системах. Это не стратегия и не игра, а условие существования, которое искусство лишь фиксирует и осмысливает [3, с 52].

Литература:

1. Аксенова А. С. История искусств. Просто о важном. Стили, направления и течения. — Москва «Бомборв», 2025. 205 с.
2. «Ключ к победе — бегство»: как современные художники обыграли своих предшественников. <https://monocler.ru/sovrisk-i-degumanizatsiya/>
3. Хосе Ортега-и-Гассет. «Восстание масс». — Москва: «АСТ», 2016. 200 с.

Проявления этой стадии многообразны:

– Цифровая идентичность и социальные сети. Конструирование «аватара» в онлайн-пространстве приводит к глубокому отчуждению. Наша цифровая ипостась живет по законам алгоритмов, ее успех измеряется метриками, а эмоции симулируются через эмодзи и заранее заданные форматы (сторис, посты). Человеческое здесь подменяется оптимизированным под платформу профилем;

– Биоарт и трансгуманистические практики. Художники like Стелларк или Орлан работают с телом как с конструктором, объектом модификации и сырьем. Граница между органическим и технологическим, человеческим и постчеловеческим целенаправленно стирается. Искусство больше не изображает дегуманизацию, а материализует ее в плоти;

– Алгоритмическая эстетика и генеративное искусство. Творчество, порожденное искусственным интеллектом или сложными алгоритмами, ставит под сомнение саму категорию человеческого авторства. Художник становится куратором параметров системы, а произведение — результатом работы не-человеческого разума. Это новый виток дегуманизации, где из процесса исключается не только эмоция, но и сам субъект-творец [2].

На этой стадии искусство оказывается не причиной, а симптомом и критическим зеркалом глобального процесса расчеловечивания, запущенного технологиями и новыми формами социальности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что концепция Ортеги-и-Гассета оказалась не просто проницательным наблюдением за искусством его времени, но и мощным прогностическим инструментом. Эволюция дегуманизации от эстетической стратегии авангарда через игровую симуляцию постмодерна к онтологическому расчеловечиванию в современности демонстрирует ее устойчивость как фундаментального вектора развития западной культуры [1, с 82].

Искусство, пройдя через эти три стадии, из элитарной практики превратилось в инструмент диагностики состояния общества. Таким образом, идеи Ортеги-и-Гассета сегодня актуальны как никогда, предоставляя нам необходимый понятийный аппарат для осмысления того, что значит быть человеком в мире, где сама человечность становится проблематичной и подвергается постоянному пересмотру.

ПРОЧЕЕ

Защита многоэтажных зданий от беспилотных летательных аппаратов в условиях плотной городской застройки

Бурхан Дарья Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сергеева Галина Александровна, кандидат географических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье автор исследует способы защиты многоэтажных зданий от беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, многоэтажные здания, способы защиты

По данным 2024 года в Ростове-на-Дону проживает больше 1 140 000 человек. Ростов-на-Дону входит в число 16 российских миллионников. Если рассматривать по районам города, то самый большой по численности населения район — Ворошиловский. По актуальным сведениям, на 1 января 2023 года, там проживали более 218 тысяч человек. На втором месте — Советский район, где почти 200 тысяч жителей. На третьем месте Первомайский район — более 187 тысяч человек.

Можно выделить топ-7 жилых комплексов в Ростове-на-Дону. Так, на седьмом месте оказался ЖК «Соловьиная роща», возникший на территории Змиевской балки, с показателем плотности 9,4 тыс. кв. м на га, на шестом — ЖК «Акварель» у Текучевского моста, появившийся на месте промышленных объектов. На пятом месте по плотности — ЖК «Екатерининский», на четвертом — ЖК «Звезда столицы» на месте коммунально-складских объектов, на третьем — ЖК «Первый», на втором — ЖК «Сердце Ростова». Лидером рейтинга стал ЖК «Белый ангел» с показателем 42 тыс. кв. м на га.

Районы города растут за счет строения многоэтажных зданий на небольших площадях. Поэтому, такие районы являются уязвимыми в случае пожара или атаки беспилотных летательных аппаратов. Атаки приводят не только к пожарам, экономическому ущербу, но и гибели и травмированию людей, уничтожению материальных ценностей.

Рассмотрим удары беспилотных летательных аппаратов на многоэтажные дома Ростова-на-Дону за последние полгода.

8 февраля взрывная волна от атаки беспилотного летательного аппарата выбила в 14 многоквартирных домах стекла и двери в районе Сельмаша. Большинство повреждений получили дома на улицах Веры Павовой, 1-й Конной Армии и Плужникова. Из одной мно-

гоэтажки в пункт временного размещения эвакуировали 68 жильцов.

22 марта в многоэтажке на Горсоветской, 49/1, в которую ударили беспилотный летательный аппарат, повреждено шесть квартир. Также поврежден фасад здания. В результате атаки пострадали два человека, они госпитализированы. Еще некоторым жильцам на месте была оказана медицинская помощь.

8 августа около 23:00 в многоэтажном доме на улице Левобережной прозвучал громкий взрыв. Затем в квартире на 18-м этаже 4-го подъезда произошел пожар. Причина — удар беспилотного летательного аппарата. По данным главы региона, серьезно были повреждены лишь две квартиры, с 15-го по 20-й этажи были выбиты стекла окон. В помещении, куда прилетел дрон, никто не проживал. Обошлось без пострадавших. На территории ввели режим ЧС.

14 августа в результате атаки дронов пострадали 13 человек. Из них двое доставлены в медицинские учреждения, их состояние оценивается как тяжелое. В результате атаки беспилотников в городе были повреждены несколько многоквартирных домов на улицах Тельмана и Лермонтовская.

26 августа около 23:00 в районе пересечения улиц Халтуринский и Московская упали фрагменты беспилотника. Повреждения получили 11 зданий, включая один дом, где загорелась крыша. К счастью, никто из жильцов не получил травм. Однако строения нуждаются в восстановительных работах.

В связи с продолжающими атаками необходимо провести анализ существующих способов защиты многоэтажных домов.

Защита дома — это комплекс мер, направленных на предотвращение несанкционированного вторжения, наблюдения или нанесения вреда с использованием беспи-

лотных летательных аппаратов. Меры могут включать в себя как физические барьеры и технические решения, а также соблюдение соответствующих правовых норм и правил, которые призваны обеспечить безопасность и конфиденциальность частной территории.

Существует несколько способов защиты дома:

- Радиоэлектронная защита.
- Оптическая блокировка.
- Активная физическая защита от беспилотных летательных аппаратов.
- Пассивные методы защиты от беспилотных летательных аппаратов.

Рассмотрим применение сетки из полиамида как один из способов защиты

Использование сетки из полиамида является одним из эффективных способов защиты от беспилотных летательных аппаратов. Полиамидная сетка обладает рядом преимуществ, таких как легкость, прочность и возможность противостоять воздействию различных погодных условий. Есть несколько способов использования полиамидной сетки для защиты от беспилотных летательных аппаратов:

Защита зданий осуществляется путем прикрепления сетки к окнам, фасадам или другим уязвимым местам здания. Она будет служить преградой для проникновения беспилотных летательных аппаратов и предотвратит их доступ внутрь здания.

Преимущества использования полиамидной сетки:

1. Универсальность. Она может быть использована для защиты различных объектов, включая здания, склады, крыши, фабрики и прочие сооружения. Сетка создает невидимый барьер, который предотвращает проход беспилотных летательных аппаратов через ограждение или кровлю.

2. Высокая прочность. Изготавливается сетка из специального полиамида безузловым способом. Благодаря этому она обладает высокой стойкостью к механическим воздействиям и перегрузкам. Даже при попытке беспилотных летательных аппаратов перебраться через сетку или обрушиться на нее, она сохраняет свою целостность и продолжает выполнять свою защитную функцию.

3. Легкость и простота монтажа. Сетка может быть установлена на любой поверхности, включая вертикальные и горизонтальные плоскости. Специальные крепления обеспечивают надежную фиксацию, а также легкую замену сетки при необходимости.

4. Высокая эстетичность. Она имеет нейтральный цвет и прозрачную структуру, благодаря чему не портит внешний вид объекта. Таким образом, она подходит для использования на самых разных типах строений без изменения их архитектурного стиля.

5. Долговечность и длительный ресурс использования. Благодаря прочной структуре, такие сетки не только очень прочные, но и весьма долговечные.

6. Экономичность. Сетка относится к одному из самых недорогих способов защиты различных объектов от беспилотных летательных аппаратов.

Высокопрочная сетка из полиамида является эффективным способом защиты коммерческих и других объектов от беспилотных летательных аппаратов, что делает ее популярной для использования в различных сферах.

Способ защиты многоквартирных домов при помощи защитной пленки

Разбитые стекла — это самая частая причина травм. После атаки дронов во всех домах, в первую очередь, получило повреждение остекление. Оконные стекла и другие виды остекления повреждаются как при прямом попадании в них объектов, так и при взрывной волне. Обычное оконное стекло гораздо менее прочный материал, чем стена здания. По статистике медицинских работников, осколки разбитого стекла наносят самые массовые повреждения людям и окружающим объектам. Даже незначительный предмет, залетевший в окно, или небольшая взрывная волна могут иметь серьезные последствия для здоровья граждан от эффекта разлетевшихся осколков стекол. Поэтому одним из действенных методов — является применение защитных пленок.

Специальная пленка не только дешевле триплекса, но и проще в установке — пленку клеят поверх стекол, а не меняют стеклопакет, как в случае с триплексом. Бронированную пленку часто используют в частных домах, как защиту от взломщиков, а также на коммерческих объектах. Оклейенную бронепленкой витрину магазина не возьмет никакой кирпич.

Ударопрочные покрытия подразделяются на несколько классов.

A1 (300 мкм*) — защитит от мелких осколков, может выдержать несколько несильных ударов молотком.

A2 (400 мкм) — обладает высокими защитными свойствами от ударов и взлома. Такую защиту трудно пробить даже топором.

A3 (600 мкм) — эта пленка способна выдержать выстрел из ружья дробью.

По словам специалистов по бронированию окон, с которыми беседовали наши корреспонденты, чаще всего воронежцы выбирают пленку класса A1. Ударную волну пленка 200–300 мкм выдерживает, а этого бывает вполне достаточно чтобы избежать травм от разлетевшихся осколков стекла. Такое защитное покрытие уже наклеено во многих школах и детских садах города.

Стоимость квадратного метра пленки класса A1 начинается от тысячи рублей [1].

Защитная пленка помогает в предотвращении последствий взрыва. При атаке защитная пленка, установленная на стекло, удерживает осколки от разлета внутрь помещения.

Важным элементом нанесения защитной упрочняющей пленки является ее установка именно со стороны

защищаемого помещения — защитная пленка устанавливается со стороны, противоположной предполагаемой атаке. При таком типе установки защитная пленка удерживает образующиеся в точке атаки опасные для жизни острые осколки.

Также немаловажным свойством защитной пленки является возможность выдавать ее изнутри помещения вместе со стеклом. Поэтому при опасности для жителей оставаться в помещении, к примеру, во время пожара, человек в состоянии эвакуироваться через окно, на котором установлена защитная пленка. Поэтому применение бронированных пленок может повысить уровень защиты людей.

Защита многоэтажных зданий при помощи радиоэлектронного оборудования

В работе [2] показано, что поражение беспилотных летательных аппаратов средствами ЗРК ПВО, в большинстве случаев, является низкоэффективным, при этом приводит к высокому расходу боеприпасов — невосполнимого материального ресурса. В связи с этим перспективным направлением противодействия беспилотных летательных аппаратов считается применение средств РЭП, ресурс которых, при наличии внешнего питания, практически неограничен. При этом средства РЭП могут применяться одним из нескольких способов или их комбинацией:

- подавление или навязывание ложных режимов работы командной радиолинии управления (КРУ) и радиолиниям передачи данных беспилотных летательных аппаратов;

- подавление или навязывание ложных режимов работы каналу навигации БПЛА, основанному на приеме и обработке сигналов одной или нескольких СРНС.

Этапу применения средств РЭП предшествует вскрытие средствами радио- и радиотехнической раз-

ведки (РТРР) факта полета беспилотных летательных аппаратов как источника радиоизлучения (ИРИ), вскрытие сигнально-частотных параметров КРУ и сигналов СРНС, которые потенциально могут быть использованы для навигации беспилотных летательных аппаратов в данном районе. Эти сигнально-частотные параметры предаются средствам РЭП в качестве целеуказания.

Радиоэлектронная борьба (РЭБ) (рисунок 3) — это комплекс технических мер по защите объектов от несанкционированного проникновения беспилотных летательных аппаратов. Современная РЭБ защита от дронов способна эффективно обнаруживать и нейтрализовать беспилотники на значительном расстоянии путем создания помех для каналов связи и навигации. Технологии позволяют обеспечить защиту от беспилотных летательных аппаратов как стационарных объектов, или территорий, так и мобильных групп с высокой эффективностью независимо от погодных или других условий.

Оборудование может работать автоматически или под управлением оператора, обеспечивая круглосуточный контроль над воздушным пространством. В зависимости от конфигурации, РЭБ подавители дронов способны формировать защитный купол радиусом до нескольких километров, блокируя известные каналы управления беспилотниками. При этом такие системы подавления беспилотных летательных аппаратов обычно не оказывают негативного влияния на электронное оборудование самого объекта благодаря избирательному воздействию на определенных частотах.

Принцип действия РЭБ предполагает генерирование электромагнитных полей специальной структуры, которые создают помехи для бортовой электроники дрона. При попадании в зону действия, дрон не принимает команды управления и не может определить свое местоположение по спутниковой навигации. Современные комплексы подавления БПЛА способны одновременно

Рис. 1. Средства РЭБ «Барьер Купол»

воздействовать на несколько каналов связи, подавляя до 18 частотных диапазонов.

В зависимости от принципа действия и области применения различают несколько видов РЭБ против дронов.

— Направленное радиоподавление — РЭБ подавители дронов данного типа формируют узкий луч помех для воздействия на конкретный беспилотник. При использовании направленных антенн дальность эффективного подавления БПЛА — 1200 метров. Оборудование способно блокировать каналы связи в диапазоне от 420 МГц до 6 ГГц.

— Купольное (всенаправленное) радиоподавление — создается защитный радиоэлектронный купол над объектом, препятствующий проникновению БПЛА со всех направлений одновременно. Радиус действия до 700 метров при использовании всенаправленных антенн.

Существенным недостатком таких систем является возможность эффективной работы только на открытой местности, а также влияние на работу гражданских устройств диапазона 433 МГц, Wi-Fi роутеров и мобильную связь.

Оптическая система обнаружения беспилотников

Оптико-электронные системы (ОЭС) — включают в себя камеры, тепловизоры и другие оптические датчики, которые могут обнаруживать беспилотники по их видимому или тепловому излучению.

Это позволяет оперативно реагировать на угрозу и принять соответствующие меры для ее предотвращения. Оптическое наблюдение также может быть использовано для идентификации беспилотников, определения их типа и характеристики в случае наличия нейросетей или опытного оператора.

На текущий момент встроенный искусственный интеллект позволяет автоматически классифицировать воздушные цели (квадрокоптер, самолет, вертолет и пр.) и вести их по видеоизображению без применения РЛС и помощи оператора.

К недостаткам ОЭС на поворотной платформе (рисунок 2) следует отнести:

- узкий угол обзора, который не охватывает всю панораму в 360 градусов;

- сильную погодозависимость, которая приводит к снижению дальности обнаружения в десятки раз в случае наличия тумана, снега или дождя;

- возможность слежения только за одной целью;

- неэффективная работа в режиме поиска целей из-за малого угла обзора.

Для борьбы с указанными проблемами следует установить либо несколько независимых ОЭС, либо дополнить их РЛС, либо использовать системы кругового сканирования типа охлаждаемого или неохлаждаемого тепловизора кругового обзора, которые вращаются 1 раз в секунду на 360 градусов и генерируют анализируют панорамные изображения.

Эта система достаточно эффективна обнаруживает все БПЛА в панораме 360 градусов (рисунок 4), но также имеет несколько недостатков:

- отсутствие оптического зумирования на цель;

- отсутствие возможности получение дальности до цели;

- резкое снижение эффективности при плохих погодных условиях (туман, дождь и пр.)

Акустические системы защиты

Акустические системы (рисунок 5) — используются для обнаружения звуковых сигналов, создаваемых беспилотником, а точнее его двигателем и лопастями.

Данные системы состоят из микрофонов, установленных по кругу или секторно и в основном не применяются в гражданских системах борьбы с беспилотниками, поскольку нацелены на выявление крупных БПЛА с шумными моторами внутреннего сгорания.

К недостаткам данных систем, относится тот факт, что шумопеленгация в местах, где используются моторы даёт существенную вероятность ложного срабатывания, поскольку часть БПЛА использует те же самые двухтактные моторы, что и садовая техника, мопеды и мотоциклы,

Рис. 2. ОЭС на поворотной платформе

Рис. 3. Общий вид ОТКО

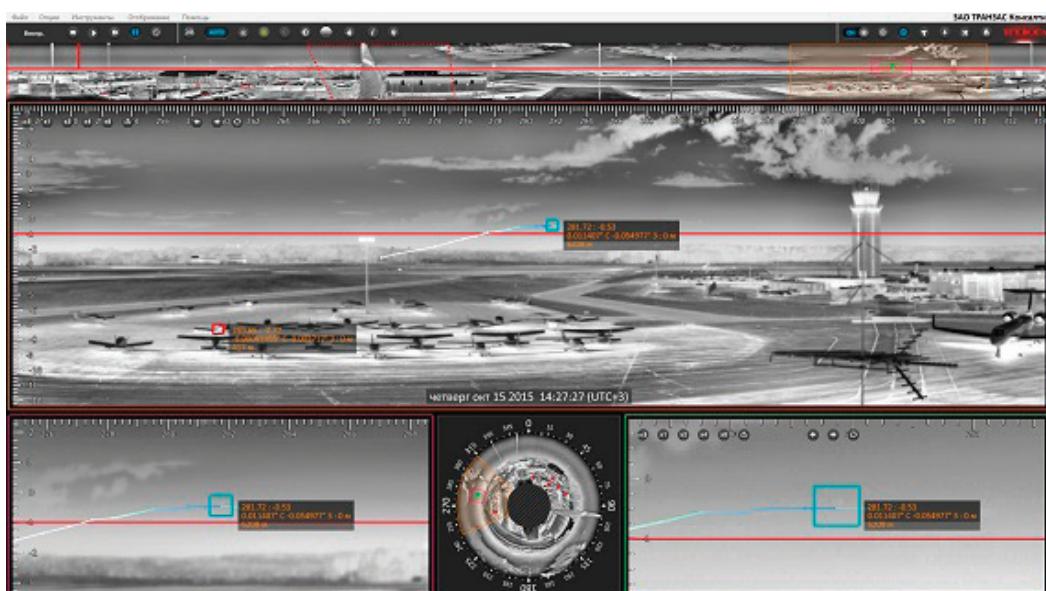

Рис. 4. Панорама обнаружения

а при использовании глушителей на таких системах дальность обнаружения значительно сокращается.

На сегодняшний день ведется доработка по установке узкосекторных микрофонов, что позволяет отсечь наземную технику, но отрицательно сказывается на цене изделия.

Пассивные средства защиты от беспилотных летательных аппаратов

Проекты охранных барьеров разрабатываются с учётом массы и скорости беспилотных аппаратов, ветровых нагрузок, климатической зоны и рельефа. Применяют специализированные опоры, растяжки, крепёжные элементы. Все они должны выдерживать вес сетки, влияние осадков, гололёда, а также динамический удар при столкновении с дроном.

Важен расчёт нагрузок, поскольку металлическая или полиамидная сетка натягивается на большой площади, что создаёт парусность. При непрерывной эксплуатации наблюдается износ крепежа. Для его снижения исполь-

зуют оцинкованные детали, легированные сплавы, а при монтаже учитывают особенности грунта, сезонные колебания температуры.

Пассивная защита (рисунок 6) от дронов не должна ограничивать производственный процесс. Ключевые условия:

- Без блокировки рабочих переходов.
- Сохранение обзора важного оборудования.
- Возможность быстрой инспекции узлов.
- Отсутствие помех для систем мониторинга.

Нередко стоит задача уберечь зону от тяжёлых беспилотных летательных аппаратов, способных нести значительный груз. Сетка обязана выдержать ударную нагрузку при попадании дрона весом до сотен килограммов, чтобы не допустить проникновения к местам хранения топлива, реагентов, ценных изделий. Поэтому отдельные элементы проверяются на прочность.

На практике применяют несколько типов барьерных решений. Чаще всего встречается сетка, закреплённая на опорах вокруг периметра или над объектом. Также используются усиленные решётки на окнах и проёмах. В от-

Рис. 5. Акустические системы

дельных случаях ставят сборные каркасные купола, которые перехватывают дрон при попытке вертикального сброса опасных предметов.

При выборе пассивных средств защиты от беспилотных летательных аппаратов учитывают массу потенциальных дронов, геометрию объекта, климат. Допустимы комбинации, где верхняя зона перекрывается мощной металлической сеткой, а фасад закрывается полиамидным полотном. Подходящая конструкция определяется моделью угроз и требованиями по прочности, обзору и продолжительности службы.

Акустические системы также относятся к средствам физической защиты от беспилотных летательных аппаратов, однако они могут использоваться лишь для обнаружения устройств, но не для их нейтрализации. Они обес-

печивают обнаружение дронов по характерному шуму двигателей. В отличие от заграждений или маскировки, они позволяют фиксировать приближение беспилотников, но, как и другие пассивные меры, не препятствуют их проникновению.

Некоторые объекты нуждаются в двойном слое сетки, что увеличивает смету. Применяют высокие опоры, а также системы подогрева для предотвращения обледенения. Требуются расчёты снеговой нагрузки, анализ сейсмического риска. При таких затратах иногда смотрят в сторону активных решений, потому что они позволяют получать раннюю информацию.

Пассивный барьер работает надёжно, но его полная установка обходится дорого. Заказчики изучают комбинированные схемы, совмещающие механические за-

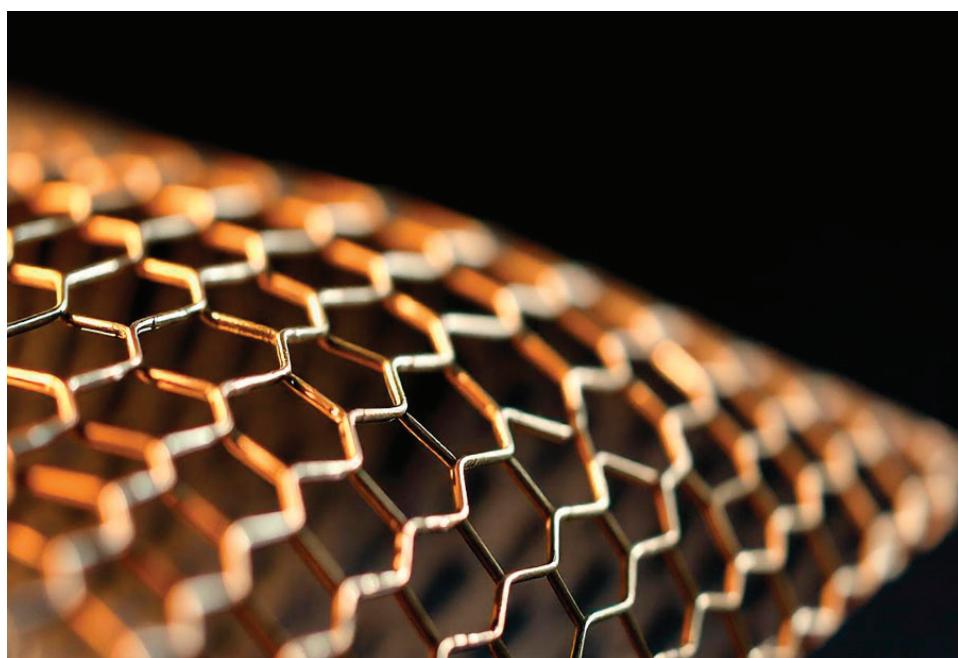

Рис. 6. Пассивные средства защиты

граждения с радиолокационными радарами или устройствами обнаружения радиоизлучения. Подобный подход смещает фокус в сторону быстрой идентификации и пресечения полёта дрона.

Заключение

Согласно проведенному анализу, по всем критериям сетка из полиамида является максимально универсальным способом защиты, но в связи с тем, что застройщик не

будет использовать данный способ по эстетическим соображениям, то на первый план выходит применение оптической системы защиты. Она является одним из эффективных и недорогих способов защиты. Данная система может работать как самостоятельно, так и с оператором. Таким образом, данная система может быть использована и для обнаружения пожара в том числе.

Поэтому в дальнейшем данную систему возможно перепрограммировать для обнаружения пожаров. Поэтому такая система защиты будет универсальной.

Литература:

1. Как защитить квартиру от беспилотника: сравниваем технологии и цены. URL: <https://dzen.ru/a/aHlacqkrOByjZDVA?ysclid=mg5i6qahs7810127466>
2. Макаренко С. И., Тимошенко А. В. Анализ средств и способов противодействия беспилотным летательным аппаратам. Часть 2. Огневое поражение и физический перехват // Системы управления, связи и безопасности. 2020. № 1. С. 147–197. DOI: 10.24411/2410-9916-2020-10106.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 40 (591) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 15.10.2025. Дата выхода в свет: 22.10.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.